

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ПРОЕКТ¹

© 2017 г. Н.А. Логинова^{*2}

**Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;*

*Почтовый адрес: г. Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 7–9, 199034, Россия*

Аннотация. Архивная публикация характеризует организационную деятельность Б.Г. Ананьева в области создания коллективных научных трудов. В данном случае это история несостоявшегося издания для учителей в духе педагогической антропологии К.Д. Ушинского, но возрожденной на современном уровне психологии и физиологии. Некоторые обстоятельства этой работы отражены в ананьевском проекте книги и его заметках по ходу обсуждения проекта в АПН СССР. Из всего этого можно понять, о чем заботился Б.Г. Ананьев, и каких авторов он считал наиболее компетентными в написании тех или других глав (выпусков), а также представить характер процесса этой коллективной работы.

Ключевые слова: архивная публикация, проект Б.Г. Ананьева, педагогическая антропология, коллективная работа

Судьбоносным событием русской педагогики стала знаменитая книга К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» с многозначительным подзаголовком «Опыт педагогической антропологии», вышедшая в свет в 1868 году. Этот труд открыл новые перспективы теоретической и практической педагогики. Идеи Ушинского нашли действенный отклик в умах современников – ученых и практиков образования, широкой общественности. Они оказались особенно близки к замыслам В.М. Бехтерева о создании целостной системы познания человека, а в 1950-е – 1960-е годы получили развитие в психолого-педагогических исследованиях развития школьников Б.Г. Ананьева и его проекте современной педагогической антропологии.

¹Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН), проект 17-06-00484.

²Доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Борис Герасимович обосновал систему человекознания, завершающуюся психологической наукой (Ананьев, 1968). Он создавал проект педагогической антропологии как практическое приложение теории психологической антропологии (Логинова, 2008; 2016)³. Ананьевская антропологическая психология, в конечном счете, направлена на проблему развития человека, особенно в условиях его воспитания⁴. Борис Герасимович на раз говорил, что для каждого, особенно для родителей и учителей, психология должна стать *энциклопедией человека*. Она представляет от всей системы научного человекознания. Ананьев хотел донести до школьных учителей знания о природе человека, чтобы появились педагоги нового типа с широким антропологическим мышлением, охватывающим индивидуальность в единстве ее телесных, душевных и духовных свойств. Ради этой цели он написал много научно-методических работ и выступал с просветительскими лекциями. Ананьев стремился организовать коллективную работу ученых, нацеленную на помощь школе.

Данная публикация позволяет представить деятельность Ананьева не только как исследователя, но как инициатора и организатора науки в издательской области. Обратимся к документам.

В домашнем архиве Б.Г. Ананьева находим письмо известного советского ученого и специалиста по дидактике М.А. Данилова⁵ от апреля 1965 года, касающееся адресованного ему предложения Бориса Герасимовича о написании книги по теории обучения с точки зрения педагогической антропологии (исходное письмо Ананьева в архиве не найдено). Предложение было не случайным потому, что М.А. Данилов занимался изучением наследия К.Д. Ушинского, а сам Борис Герасимович в этот период активно работал над главным своим произведением

³В более ранней статье он писал: «Приложение психологии к педагогике в современных условиях фактически вовлекает почти все психологические дисциплины в дело воспитания и образования...» (Ананьев, 2007, с.451).

⁴Характеристика педагогической антропологии Б.Г. Ананьева дана в работах историков психологии (Логинова, 2008; 2016; Якунин, 1987).

⁵М.А.Данилов (1899–1973) – член-корреспондент Академии педагогических СССР, автор трудов по дидактике, истории и теории педагогики.

«Человек как предмет познания» (Ананьев, 1968), пронизанным антропологической идеей и принципом развития. Проблеме индивидуального психического развития человека посвящена малоизвестная современному читателю коллективная монография, написанная им вместе с сотрудниками в то же время (Ананьев и соавторы, 1968). Ананьев опубликовал пять значительных статей, выступил с докладом, посвящая все это Ушинскому и его известной книге «Человек как предмет воспитания» (Ананьев, 2007)⁶.

В тексте вышеуказанного письма М.А. Данилова приводится предполагаемой книги⁷. По этому поводу Данилов высказывает мнение, что главу третью может написать только сам Ананьев.

Итак, в плане будущей книги по теории обучения обозначена следующая ее структура:

«1. Педагогическая антропология, ее задачи и метод в системе научных знаний о человеке.

2. Человек как объект социального формирования и воспитания: опыт обобщения.

3. Опыт обобщения итогов развития антропологических наук в свете задачи выявления закономерностей формирования, развития и воспитания человека.

4. Наука как обобщенный опыт человечества и содержание образования молодых поколений.

5. Методы научного познания и методы обучения подрастающих поколений.

6. Генеалогия обучения.

⁶Продолжением работы над педагогической антропологией Бориса Герасимовича стало его выступление перед участниками Всесоюзного семинара работников образования, организованного Министерством просвещения РСФСР, с докладом о значении психологической науки и в целом человекознания для школы (июнь 1971 года). Стенограмма выступления находится в домашнем архиве Ананьева и ждет своей очереди на опубликование. Но мне не удалось найти книгу «Психология и современная школа», подготовленную по материалам указанного совещания. О книге есть лишь некоторые сведения.

⁷Такой книги в библиографическом указателе М.А. Данилова я не обнаружила (М.А.Данилов, 1988). Вероятно, она не была написана.

7.Соотношение обучения, учения и развития растущего человека.

8. Активность учащихся в обучении.

9. Фронтальное, групповое и индивидуальное обучение.

10. Целостность обучения».

По-видимому, именно тогда, примерно в 1965 году, у Ананьева родилась более масштабная идея о создании для учителей и работников просвещения коллективного научного труда. Ее суть подчеркивается воспроизведением названия книги Ушинского «Человек как предмет воспитания». Сохранившиеся в архиве рукописные и машинописные документы отразили работу Бориса Герасимовича над ее проектом. Первоначальный набросок содержит структуру книги из тридцати глав. В нем охватываются основные стороны психологии человека, и поэтому она подобна очерку современной психологии⁸.

В тот же период, в 1971 году, Борис Герасимович Ананьев обратился в АПН СССР с предложением организовать коллективную работу над книгой и наметил ее этапы, сроки и главных авторов из числа членов и членов-корреспондентов Академии. Руководителями (ответственными редакторами) предлагались Б.Г. Ананьев, Б.Ф.Ломов и А.В. Петровский. Среди авторов были названы, кроме них, известные психологи: А.А. Бодалев, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Е.С. Кузьмин, Н.Д. Левитов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.А. Менчинская, В.Н. Мясищев, В.Д. Небылицын, А.А. Смирнов, П.М. Якобсон, гигиенист М.В. Антропов, физиологи А.А. Маркосян и М.М. Кольцова. Как видим, Борис Герасимович предлагал весьма авторитетный авторский состав – действительно крупных, лидирующих в своей области ученых.

Ананьев предполагал, что уже в декабре 1970 года редколлегия будущей книги завершит работу над проспектом книги и обсудит его с будущими авторами.

⁸Документы без явной даты, но в машинописном тексте есть датировка событий, по которой можно предположить, что он создан не позднее декабря 1970 года.

Однако подготовительная и организационная работа в Академии затягивалась, и сроки издания отодвигались сначала на 1972–1975 годы, затем – на 1975–1978 годы. К несчастью, Борис Герасимович так и не дождался реализации своего проекта. После его ухода из жизни работа над книгой была свернута. Книга не была написана, о чем остается только сожалеть.

Отсутствие реализации замыслов, начинаний, научных программ бывало в жизни Бориса Герасимовича, прежде всего, в связи с непреодолимыми социальными и личными обстоятельствами. Поразительно, что он находил в себе силы и мужество каждый раз начинать все заново. В мае 1972 года случилось непоправимое и безвозвратное. Сколько осталось в планах, замыслах, набросках, недописанных или неопубликованных главах новых книг и статьях! В несбывшемся – трагизм судьбы Ананьева, как, впрочем, и других великих ученых.

В архиве Б.Г. Ананьева есть четыре мало различающихся варианта проекта книги «Человек как предмет воспитания». Один – по-видимому, первоначальный – это рукопись на двух листах обычного формата А4 (первый листок отсутствует), другой документ тоже рукописный – на трех блокнотных листах в клеточку. Третий документ – три машинописных листа и четвертый – три машинописных листа и еще одна копия первого листа. В одном из машинописных текстов на обеих сторонах листов рукой Ананьева внесены правки, краткие конспекты, заметки по выступлениям участников обсуждения книги в АПН. Выступали А.А. Бодалев, М.М. Кольцова, Н.А. Менчинская, В.Н. Мясищев А.В.Петровский⁹. Принимая во внимание эти рукописные вставки, можно рассматривать данный машинописный вариант как более зрелый. Именно он представлен в моей редакции ниже.

⁹В папке с указанными документами есть и записка – заголовок всего этого комплекта документов. Судя по почерку, это сделано М.Д. Дворяшиной, возможно, лишь по памяти: «Выступление с планом на сессии АПН (1972 г.) и обсуждение». Однако датировка событий в самих текстах проекта противоречит дате – 1972 году. Можно надеяться, что кто-то найдет в архиве АПН СССР протокол обсуждения проекта книги и тогда точно установит дату обсуждения. В папке домашнего архива Ананьева есть еще его записка от руки: «Часть третья. Исследования по социальной психологии под редакцией проф. Е.С. Кузьмина и проф. А.А. Бодалева», и запись рукой М.Д. Дворяшиной: «Б.Г.: «А, может быть, имеет смысл включить в 3-ю серию не только деятельность, но и *поведение* (в широком смысле слова)».

* * *

Проект
«Человек как предмет воспитания»
Настольная книга по физиологии и психологии человека для работников
просвещения

В предлагаемом коллективном труде должны обобщаться под углом зрения коммунистического воспитания новейшие достижения современной физиологии и психологии человека. Данное издание должно выполнить в последней трети XX века функцию физиолого-психологического самообразования и постоянного усовершенствования ряда поколений работников просвещения, по возможности приближаясь к тому, что оказалось осуществленным К.Д. Ушинским в его книге «Человек как предмет воспитания». Предлагаемое нами издание должно сохранить преемственную связь с классическим трудом Ушинского. Книга Ушинского выдержала 13 изданий в дореволюционной России (с 1867 по 1916 гг.) и дважды была переиздана в советское время.

На современном уровне подобный труд может быть осуществлен лишь коллективно, учитывая высокий уровень знаний и их специализацию. Целесообразно создать этот труд коллективом членов Отделения возрастной физиологии и психологии АПН СССР, привлекая и других крупных ученых нашей страны¹⁰.

Издание должно осуществляться на протяжении 1975–78 гг. по плану Академии педагогических наук СССР и одного из педагогических издательств («Просвещение» или «Педагогика»). Подготовка рукописей всех глав, соответственно, должна быть завершена к 1974 году.

¹⁰Зачеркнуто: «Издание предполагается первоначально выпускать в виде 5 серий выпусков, а затем объединить их в 2-х или 3-х томах. В каждую из серий входит 5 самостоятельных глав, имеющих объем не более 4–5 п.л. Все издания следовало бы осуществить с 1972 по 1975 гг.».

Ориентировочная структура книги.

Серия 1

Выпуск 1. От педагогической антропологии Ушинского до современной науки о человеке в ее педагогических приложениях. [Воспитание и развитие].

- «»— 2. Организм человека как целое. [Личность как целое].
- «»— 3. Общая нервная деятельность человека и ее развитие.
- «»— 4. Мозговые механизмы психической деятельности человека:элементы нейропсихологии.
- «»— 5. Гигиена и воспитание в их взаимосвязи. [Современная генетика человека].

Серия 2.

Выпуск 6. Сенсорно-перцептивные характеристики человека. [Половой диморфизм]

- «»— 7.Развитие сенсорно-перцептивных характеристик в жизни человека.
- «»— 8. Развитие памяти в жизни человека.
- «»— 9. Развитие мышления в жизни человека.
- «»— 10. Язык и речь в общем развитии человека.

Серия 3.

Выпуск 11. Общение и познание людьми друг друга.

- «»— 12. Психологическое строение деятельности и ее мотивация.
- «»— 13. Закономерности учения как деятельности и процессы усвоения знаний. [Желательно представить в каждой главе].
- «»— 14. Возрастные и индивидуальные особенности умственной деятельности.

- «»— 15.Управление процессом учения и умственное развитие.

Серия 4. [И физиология, и психология].

Выпуск 16. Развитие потребностей и интересов в жизни человека.

- «»— 17. Эмоциональная жизнь человека.

—«»— 18. Психические состояния человека и факторы, определяющие их динамику.

—«»— 19. Волевые процессы и свойства личности.

—«»— 20. Структура личности человека и ее развитие в процессе.

Серия 5.

Выпуск 21. Основные свойства нервной системы человека как механизмы индивидуально-типических особенностей.

—«»— 22. Темперамент и его развитие в жизни человека.

—«»— 23. Отношение личности и характер.

—«»— 24. Способности человека и их развитие.

—«»— 25. Коллектив и оптимальная совместимость людей в групповой деятельности.

Далее в документе в рукописном виде содержится материал, отражающий мнения участников обсуждения по поводу представленного Ананьевым проекта книги. Воспроизводим его в полном виде в редакции Б.Г. Ананьева с некоторыми уточнениями, данными в квадратных скобках.

Петровский¹¹: ...5) на первый план не выдвигать прикладной аспект. Он должен содержаться в замысле «Человек как предмет воспитания». Это и пропедевтика прикладной психофизиологии. 6) Прав Б.Г.¹², что кроме книги Ушинского, нет других таких образцов (биофизиологии, м./б. Вагнер [неразборчиво – Н.Л.]). 7) Нужно...[неразборчиво – Н.Л.]и основательно, как это Б.Г.... [неразборчиво – Н.Л.]структура книги Ушинского. 8) Нечто цельное должно быть – это особый жанр. 9) Хорошо бы развить проблему пола в ряде глав. 10) Эта работа рассчитана на 5 лет (серии глав), а потом единое издание в следующие 5 лет. 11) Предлагается одобрить замысел. 12) За основу принимается эта структура, но с большими поправками. 13) Определение состава редколлегии для целей этого

¹¹По-видимому, он ведет заседание и начинает обсуждение. Первая часть (пп. 1–4) его выступления в архиве не обнаружена.

¹²Борис Герасимович Ананьев.

произведения (теоретическое обоснование уже дано в монографии «Человек как предмет познания»). 14) Рабочая программа к 1/XI на утверждение Бюро отделения (в сентябре проект для редколлегии). В середине октября от авторов круг идей подготовить. 15) Нужно все сделать и параллельно все подготовить, а потом издавать с 1975 года (1975–1978 гг.). Книгу подготовить к концу 1974 года. 16) Вынести на заседание Президиума АПН СССР. 17) До 15/ IX собрать редколлегию.

Менчинская: 1) Замысел бесспорный и созданный для широких кругов населения. 2) Замысел ... [неразборчиво – Н.Л.]. Нужно серьезно над структурой книги [поработать – Н.Л.]. Как сделать так, чтобы объяснить в каждой главе связь между психологией и физиологией? Трудно будет реализовать и подход к человеку как целостной личности. Но это надо сделать и в последующих выпусках. Например, закономерности учения и возрастно-индивидуальные особенности (например, обучаемость), управление процессом обучения нельзя трактовать без влияния на личность в целом. 3) О формировании нравственных свойств ничего не говорится, а нужно [этот вопрос – Н.Л.] особенно выделить. 4) Формирование научного мировоззрения нужно включить в ... [неразборчиво – Н.Л.]. 5) Организационный вопрос: в издательство «Просвещение» или «Наука», «Мысль» [сдавать книгу – Н.Л.].

Кольцова: 1) Идея этого труда прекрасная не только для популяризации наук о человеке, но и для объединения физиологии и психологии. 2) Изложение, по возможности, должно быть монистическим, психофизиологическим, а не только физиологическим или психологическим. 3) Выделение мозговых механизмов не нужно. 4) ... [неразборчиво – Н.Л.] аспект ... [неразборчиво – Н.Л.] тоже не нужно¹³.

¹³На левом поле, объединяя пункты 2–3, Ананьев делает приписку: «интеллектуально-нейродинамические, метаболические констелляции».

Бодалев: 1) При самом малоотрицательном [отзыве – Н.Л.] – одно техническое [замечание – Н.Л.]. К замыслу нужна поправка; нужно дать определение, что такое психика как отражение, а дали только эмпирическое. 2) Половые различия нужно осветить. 3) Проблема половых различий нужна [должна быть представлена – Н.Л.] с самого начала.

Мясищев: 1) Никто другой, кроме Б.Г., не может выполнить.... [неразборчиво – Н.Л.], которые не должны расходиться с его собственной позицией. 2). Проблема единства теории и практики капитальная. Это не технология, а методологический принцип. 3) Человек – важно, но знаний мало. Особенно нужна критическая позиция. 4) Нужна глава об управлении социально-нравственным, интеллектуальным развитием человека. 5) Всюду обеспечить единство психологии и физиологии. Нужно строить [изложение материала – Н.Л.] по психофизиологическому принципу, но обеспечить единство психологического и физиологического. 6) Нужно включить проблему нервно-психического здоровья.

Петровский 1) Состоялся плодотворный обмен мнениями по замыслам Б.Г. Ананьева. 2) Парадоксальное положение. Расхождение между числом популяции и общественным мнением народа о том, что такой литературы нет. 3) Группа учителей обратилась...[неразборчиво – Н.Л.] с просьбой подготовить книги для учителей по психологии. 4) То, что объявлялось Б.Г., должно быть тем, что является недостающим звеном. В этом исключительное значение этого предложения. Причины задержки были: 1. Замысел требует серьезного отношения. 2. С половиной года назад [полгода назад – Н.Л.] это было невозможно. Теперь сложилось Бюро отделения [психологии и возрастной физиологии АПН СССР – Н.Л.] и [возникли – Н.Л.] связи, а также вопрос об издании этой работы не в издательстве «Педагогика». 5) Обоснование замысла безупречно. Правильная мысль, что [необходимы – Н.Л.] не отдельные книжечки, а единая монография серийного типа.

Литература

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1№ 2)

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.

Ананьев Б.Г., Дворяшина М.Д., Кудрявцева Н.А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М.: Педагогика, 1968.

Ананьев Б.Г. Избранные труды по психологии. Т. 2 «Развитие и воспитание личности». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 449–546.

Логинова Н.А. Педагогическая антропология Б.Г. Ананьева // Педагогика. 2008. № 2. С. 98–109.

Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Якунин В.А. Психолого-педагогическое наследие Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 1987. № 5. С. 129.

Unrealized projects

N. Loginova*

**Professor of the St. Petersburg State University, Russia*

Abstract. The archive study clarifies the organizational activity of B.G. Ananyev devoted to writing scientific book by several authors. The article describes the story of a unfinished publication for teachers on the field of pedagogical anthropology K.D. Ushinsky, but revived at the modern level of psychology and physiology.

Some features of this organizational work are reflected in the Ananyev's project of the book and his notes during the project discussion at the News Press Agency. From archive material we can imagine what B.G. Ananyev took care of and what authors he considered as the most competent in writing certain chapters (issues). Also we present the reconstruction of the process of this collective work.

Keywords: archive study, Ananyev's project, pedagogical anthropology, teamwork, collective work

ОБ ЭТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

© 2017 г. В.В. Семикин*¹

**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена*

Почтовый адрес: Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48. 191186

Аннотация. Развивается этическая идея С.Л. Рубинштейна о человечности. На этой основе дается определение психологической культуры человека «как меры человеческого в человеке и умения его проявлять». Ставится вопрос о морально-нравственном кризисе в мире и современном российском обществе в силу его бездуховного состояния. Отмечается, что путь его преодоления – следование общечеловеческим нормам любви и взаимопонимания.

Ключевые слова: этика, религия, любовь, человечность, христианское учение, духовный кризис, С.Л. Рубинштейн

Свое последнее произведение выдающийся отечественный психолог С.Л. Рубинштейн назвал «Человек и мир». В связи с этим будет уместно привести одну из записей в его дневниках: «Сегодня я даю обет священный: всю сердца кровь, все пламя жизни, всю силу духа моего отдать для завершения третьей книги – завершающей, любимой, о правде и добре, об этике, о человеке. В ней смысл и оправдание моей жизни» (Рубинштейн, 2003).

Проблема этики как отношение человека с миром и другими людьми во все исторические времена была важнейшей для человечества. Но особое значение она приобретает в наше время. Следует подчеркнуть понимание этики С.Л. Рубинштейном в ее широком смысле как «составной части онтологии». Как пишет он во введении к 2-й части своей книги: «Это есть ни что иное, как детерминация бытия через сознательную его регуляцию, которая выступает как специфический способ существования человека» (Рубинштейн, 2003, с. 349). И здесь, благодаря Рубинштейну, мы выходим на представление о нравственности (нравственном законе) как высшем

¹Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и образования.

регуляторе и человека, и общества, и мира: «этика, включенная в онтологию, есть выражение включенности нравственности в жизнь» (там же, с. 363).

С этих позиций сама наша жизнь, ее качество зависит от того, как работает этот регулятор. Как отмечает в своей статье О.Т. Богомолов, «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развиваются экономика и политическая система страны» (Богомолов, 2008, с. 367).

Насколько же реально включена сегодня нравственность в нашу жизнь, насколько она регулирует, определяет наше бытие и человеческие отношения?

В настоящее время все мы, жители планеты Земля, являемся свидетелями и участниками глобального кризиса. Сегодняшнее кризисное состояние человеческой цивилизации, выражающееся в непрекращающихся войнах, террористических актах, разгуле коррупции и преступности, глобальном и затяжном экономическом кризисе, многообразии социальных проблем, безработице, нищете и голоде во многих странах, катастрофическом состоянии экологии, крупномасштабных стихийных бедствиях в различных регионах земного шара – обусловлено, в конечном итоге, *бездуховным состоянием человечества*. Нравственные законы до сих пор не утвердились в мире, не проявляются в необходимой полноте в жизнедеятельности человечества. Социальные процессы находятся во власти стихийных экономических сил; рыночным отношениям полностью подчинена, как государственная политика внутри стран, так и мировая геополитика.

На сегодняшнем этапе развития человеческой цивилизации России выпала историческая миссия очередного «спасения мира». И Россия, как великая держава, оплот православной веры, имеет колоссальный социально-экономический и культурный потенциал, а также все предпосылки для выполнения этой миссии.

Вместе с тем, сегодня сама Россия пребывает в «болезненном состоянии». Эта «болезнь» носит системный характер и проявляется на всех уровнях общественного организма страны. «Болезнь» российского общества обусловлена отсутствием системы нравственной регуляции общественного организма, весьма слабым нравственным иммунитетом.

Сегодняшнее нравственное состояние России довольно полно было охарактеризовано в книге «Психология нравственности», подготовленной и изданной в Институте психологии РАН в 2010 году (Психология нравственности, 2010). За прошедшие годы в стране мало что изменилось в этом плане. По-прежнему актуальными и бесспорными слова авторов статьи «Нравственное состояние современного российского общества» А.В. Юревича и Д.В. Ушакова из этой книги: «Несмотря на докризисные экономические успехи, внутривполитическую стабилизацию и другие позитивные тенденции последних лет, общее состояние современного российского общества выглядит неблагоприятным» (там же, с. 177).

Следует иметь виду, что силы зла, ненависти, разрушения существовали и проявлялись во все времена, но сегодня они достигли такого потенциала, что способны разрушить всю биосферу и уничтожить не только человека, но саму жизнь на планете Земля. По этому поводу в свое время митрополит Кирилл (ныне Патриарх Всея Руси) выразился совершенно категорично: «Нравственность есть условие выживания человеческой цивилизации – не больше и не меньше» (Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский..., 2008).

В христианском вероучении есть такая мудрая мысль: «Тьма есть отсутствие света, зло есть отсутствие любви». Сегодня на грани возможной всемирной катастрофы мы особенно остро ощущаем, чего нам всем больше всего не хватает – нам не хватает любви.

Раскрывая суть этики, С.Л. Рубинштейн пишет: «Моральное отношение к человеку – это любовное отношение к нему. Любовь выступает как утверждение бытия человека. Лишь через свое отношение к другому

человеку человек существует как человек» (Рубинштейн, 2003, с. 387). Эти мысли Рубинштейна вполне укладываются в христианское мировоззрение. Согласно представлениям Рубинштейна, изложенным в его книге «Человек и мир», этичность – это человечность, главным содержанием, которого является любовь.

Разрабатывая свою концепцию психологической культуры, мы во многом опирались на идеи о человечности С.Л. Рубинштейна и дали определение психологической культуры человека «как меры человеческого в человеке и умения его проявлять» (Семикин, 2002, с. 7).

Выдающийся хирург, ученый и религиозный деятель святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) в своей книге «Наука и религия» пишет: «Человечность! Это и является характерной чертой религии, основанной Сыном Человеческим» (Войно-Ясенецкий, 2006, с. 95).

Говоря о Евангелии как источнике христианского учения, святитель Лука называет Евангелие «провозвестием подлинно высочайшего гуманизма». «Гуманизм, т.е. любовь к человеку, к человечеству естественно вытекает из Евангелия как из своей основы» (там же, с. 81).

В своей книге «Психология веры» известный российский психолог Р.М. Грановская, рассматривая религиозную веру с точки зрения научной психологии, пишет: «Христианство, как и другие религиозные учения, заключают в себе две стороны: этическую – как надо жить человеку и человечеству и метафизическую, объясняющую, почему надо жить именно так. Основа христианской морали – признание абсолютным основанием нравственности как сознательной ориентации на понимание людской сущности, способов развития личности и приближения к безгрешному образу Христа» (Грановская, 2010, с. 261–262). Далее она отмечает, что «учение о любви к ближнему “как к самому себе” – это указание пути к расширению границ личности: от себя к другим и до вселенского охвата» (там же, с. 263).

На наш взгляд, учение о любви – это, кроме того, указание главного пути для человечества – пути к спасению от гибели, к благополучию и

процветанию. Вместе с тем, эта великая Истина, возвещенная человечеству более чем две тысячи лет назад, сегодня не стала руководством для большей части жителей нашей многострадальной планеты. Сможет ли человечество изменить эту ситуацию и дать себе священный обет сохранить себя и саму жизнь, сможет ли Россия выполнить свою миссию на этом историческом этапе человеческой цивилизации?

Литература

Богомолов О.Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 359–371.

Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука) Наука и религия. Симферополь, 2006. 160 с.

Грановская Р.М. Психология веры / 2-е изд. перераб. СПб., 2010.

Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно-нравственные основы современного российского общества // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимодействие. М., 2008. С. 372–380.

Психология нравственности / Под. ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2010.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.

Семикин В.В. Психологическая культура в образовании человека. СПб., 2002.

ON ethical views SL Rubinstein

V.V. Semikin*

**Doctor of psychology, professor, head of the Department of developmental psychology and education of Russian state pedagogical university A. Herzen*

Abstract. The ethical idea of S.L. Rubinstein about humanity is developing. On this basis, the psychological culture of a person is defined as "the measure of the human being in a person and the ability to manifest it". The author raises the question of moral crisis in the world and

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

modern Russian society due to its spiritless state. It is noted that the way to overcome it – following universal norms of love and understanding.

Key words:ethics, religion, love, humanity, Christian teaching, spiritual crisis, S.L. Rubinstein

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И НАРОДНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА КАК ОСНОВА ЕГО ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

© 2017 г. Е.Г. Синякина^{1*}

**ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия*

e-mail:

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация. Большое количество факторов (природный, географический, социально-бытовой, религиозный и др.) предопределили своеобразие психического мира русского человека и самобытность русской культуры. Основной и наиболее глубокой чертой русского народа принято считать религиозность. Именно религиозность русского народа, укорененная в православном христианстве, большинством исследователей этого вопроса рассматривается в качестве глубинного основания русского менталитета. Православие, как основная доминанта русского национального самосознания, сформировало в русском народе религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему, смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность как готовность отдать свою жизнь “за други своя”, соборность и патриотизм. Именно в Православии заключен религиозный источник русской стойкости и терпения, выносливости и силы жертвенности русского народа.

Ключевые слова: русское крестьянство дореволюционного периода, уровень религиозности и народного благочестия, духовно-нравственное развитие

Особенности образа жизни и деятельности русского крестьянства, его бытовой культуры, географические условия формирования народа России и

¹ Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН Института психологии РАН.

еевразийский статус, многовековые традиции и Православие как духовное ядро русской культуры предопределили *своеобразие психического мира* русского человека.

Русский крестьянин трудился не только на ниве земной, но и на ниве духовной – над совершенствованием своих душевных качеств, стараясь вытравить «сорняки зла» и посеять «семена добра», «сотворить храм» в своей душе (Коринфский, 1994, с. 510).

Более всего на Руси любили человека *душевного, сердечного, совестливого*. «Душа-человек» – высшая архетипическая похвала у русских. Основной и наиболее глубокой чертой русского народа Н.О. Лосский считал *религиозность* и связанное с нею *искание абсолютной правды* (Лосский, 1991, с. 241). Согласно Ф.М. Достоевскому, все народные начала, которыми вызывают восхищение, почти сплошь выросли из Православия (Достоевский, 1994, с. 138). «Русский дух насквозь проникнут религиозностью», – писал С.Л. Франк (цит. по: Лосскому, 1991, 243). Именно *религиозность* русского народа, укорененная в православном христианстве, большинством исследователей этого вопроса рассматривается в качестве *глубинного основания* русского менталитета (В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Ф.М. Достоевский, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, И.С. Бунин, И.С. Шмелёв и др.).

Православие, как основная доминанта русского национального самосознания, сформировало в русском народе *религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему (братство), смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность (готовность отдать свою жизнь «за дру'ги своя»)*, *соборность и патриотизм*. Эти качества формировались в соответствии с евангельскими идеалами добра, правды, милосердия и сострадания. Именно в Православии заключен

религиозный источник *русской стойкости и терпения, выносливости и силы жертвенности* русского народа.

Христианство, пишет Г.П. Федотов, попало в России на благодатную почву: уже в Киевской Руси, до монгольского ига, оно было усвоено в своей подлинной сущности, именно *как религия любви* (цит. по: Лосский, 1991, с. 242). «В дальнейшей истории Руси, вслед за высшими слоями общества и благодаря влиянию великих святых также низшие слои населения усвоили христианство настолько, что идеалом народа стала не могучая, не богатая, а “Святая Русь”» (там же, с. 243).

Стремление покаяться, прикоснуться к святыне, жажда праведности, желание жить по-Божьи было, по мнению И.С. Шмелёва, идеалом России, внутренним стержнем, который держал всю русскую жизнь. Скажем об этом словами И.А. Ильина, ближайшего друга и единомышленника И.С. Шмелёва: «Русь именуется Святою не потому, что в ней “нет” греха и порока; или что в ней “все” люди – святые... Нет. Но потому, что в ней живет *глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее...* – и для этого оставить земное и обыденное царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье. *И в этой жажде праведности человек прав и свят при всей своей обыденной греховности*» (курсив мой – Е.С.) (URL: Ильин).

Религиозность являлась той характеристикой, которая отвечала нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян (Громыко, 1991, с. 111). С уставом Русской православной церкви крестьяне соизмеряли свою жизнь. Вся бытовая сторона жизни крестьянской семьи регулировалась нормами, канонами и правилами православной веры с ее обрядами, постами и праздниками. Русский земледелец строго следовал заветам своих предков, был верен исторической традиции.

Одним из подтверждений силы его религиозности является следующий аргумент. Русский народ издавна почитал Светлый праздник Воскресения Христова и настолько близко воспринял Православие, оно так глубоко «проросло» в народную душу и русскую ментальность, что в честь главного христианского праздника Пасхи – Воскресения Господня – русский народ называет свой еженедельный праздничный день (Кураев, 2012, с. 29).

Об этом же свидетельствуют многочисленные сведения, поступавшие от

корреспондентов этнографических обществ, изучающих русское крестьянство, проживающее в разных районах России. В них отмечаются *православный образ жизни и подлинно христианское мировоззрение* русских крестьян дореволюционного периода. Вот один из типичных отзывов: «Село Коробейников о всегда славилось трудолюбием, совестью, набожностью. Без имени Господа глаз не открывали по утрам. Миром такой храм построили, каких нигде в округе не было» (цит. по: Ганаго, 2008, с. 55).

Высокое развитие нравственного опыта русского человека Н.О. Лосский видел в том, что он проявлял особый интерес к проблеме добра и зла и чутко различал примеси зла к добру, *зорко подмечал несовершенства всех своих поступков и нравов*, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра (Лосский, 1991, с. 242, 259). Согласно Ф.М. Достоевскому, *сознание своей греховности* дает русскому народу *стремление к идеалу* духовного восхождения. Сходные мысли высказывал по этому поводу Н.В. Гоголь: «А землепашец наш всегда казался мне нравственнее всех других и менее других нуждающимся в наставлениях писателя» (Гоголь, 1984, с. 433).

Вера русского народа, возможно, являлась в чем-то примитивной, включала примеси суеверия и язычества, но именно она отражала

мировосприятие и мировоззрение русского крестьянства. Как отмечал Н.А. Бердяев, русский человек не закален в догматике, в церковной вере, он довольствуется в своей повседневной религиозной жизни простой и краткой Иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Вся его духовная энергия «направлена на единую мысль о спасении: о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине, эта мысль о всеобщем спасении – характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна – он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины. ... Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире» (Бердяев, 1990, с. 82, 85).

Многие русские писатели и философы указывали на то, что *рассудочное отношение к религии чуждо русским*. Оно воспринимается народом как плоское, поверхностное, мещанское и пошлое (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И.А. Ильин, А. Андреев и др.).

Крестьянское сознание связывало *нравственное поведение* человека с *состоянием его веры*. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно – по степени выполнения нравственных норм, поведению в целом. «Креста на тебе нет», – говорили человеку, совершившему бессовестный поступок, и, наоборот: «Живет по-божески, по-христиански», – о тех, кто был совестлив и милосерден.

Не только старшие в семье следили, чтобы молодежь не пропускала важные богослужения, но и вся община наблюдала за этим. Соседи укоряли мать, если ее сын был «ленив ходить к обедне». Одна семья, отличавшаяся особенно благочестивым образом жизни, могла оказать заметное влияние *на духовный настрой* всего сельского прихода (Громыко, 1991, с. 122).

Крестьянское благочестие выражалось также в почитании церковных праздников, чтении молитв перед едой, частых поклонах (при встрече с

соседями и другими мирянами, молитве при входе в дом). Хлеб пекли и еду готовили с молитвой; по утрам съедали по кусочку просфоры и выпивали по глотку святой воды; почитали и слушали старших, на всякое дело испрашивали благословение у Бога и у старшего в семье; собственное жилище, хозяйственные постройки и животных окропляли святой водой и освящали священными предметами: вербой, четверговой свечой, солью. Освящали в Церкви первые плоды, которые до освящения не употребляли: хлеб нового урожая – первый сжатый сноп-«именинник», распустившиеся деревья – вербу, березку – и хранили эти освященные предметы как святыни за иконами в Красном углу. Накануне большого праздника в доме перед иконами затепляли лампы.

Ярким показателем религиозности русского народа выступает существовавший издревле феномен *духовного побратимства*, когда люди, не состоявшие в кровном родстве, но близкие по духу, обменявшись нательными крестами, становясь таким образом побратимами, «крестовыми братьями», людьми, связанными навек обязательствами любить и поддерживать друг друга в любых жизненных ситуациях. Русская пословица гласит: «Духовное родство пуще плотского» (Даль, 1957, с. 244).

Наиболее древней формой было *ратное побратимство*, когда крестовые братья обязывались помогать друг другу в бою, в случае ранения или плена. Именно эта форма побратимства нашла отражение в эпосе, обретя символическое значение. В частности, пример побратимства представлен в сцене боя Ильи Муромца и Добрыни Никитича. В схватке, как следует из повествования, побеждает Добрыня, потому что у Ильи нога повредилась, «ослабла у Илеюшки лева ручушка». Добрыня «сплыл» [вскочил – Е.С.] ему на белые груди. Но узнав Илью Муромца, он просит у него прощения. Примирение богатырей заканчивается «обметом» крестами и превращением в побратимов:

«Ишша хочет пороть груди белая,

Он хочёт смотреть ретиво серьцё.

Но узнав, с кем боролся,

Да скакал тогда Добрынюшка со белых грудей,

Берё-де Илеюшку за белы руки,

Ай чёлуё в уста-ти во сахарныя:

Ты просьти миня, Илеюшка, в таковой вины,

Шьто сидел у тебя да на белых грудях! –

Ишше тут-де *братаны-типо названелись*;

Ай, крестами-ти сами они покрестовались;

Ай, Илеюшка-то был тогда ведь больший брат,

Ай, Добрынюшка-то был тогда а меньший брат» (курсив мой – Е.С.)(цит. по: Святая Русь, 2007, с. 275).

В основе психологического феномена побратимства, как особой специфичной формы общения у нашего народа, лежали социальная (необходимость консолидации народа против внешних врагов) и идеологическая (христианская идея любви ко всем людям) причины.

Очень много отзывов относительно *народного благочестия* было оставлено иностранцами. Их мнение особенно важно, ибо они выступали как сторонние наблюдатели, и их суждения поэтому можно считать непредвзятыми и объективными. Как отмечал Н.О. Лосский, «иностранцы, внимательно наблюдавшие русскую жизнь, в большинстве случаев отмечают выдающуюся религиозность русского народа» (Лосский, 1991, с. 252). В книге «Путь Марфы и путь Марии» Грахам отмечает, что «с англичанами разговор кончается беседой о спорте, с французом – беседой о женщине, с русским интеллигентом – беседой о России, а с крестьянином – беседой о

Боге и религии. Русские могут беседовать о религии шесть часов подряд. Русская идея – христианская идея; на первом плане в ней – любовь к страдающим, жалость и внимание к индивидуальной личности» (цит. по: Лосский, 1991, с. 252).

Для подтверждения этого положения приведем *ряд оценок иностранцев о религиозности русского народа* (цит. по: Россия – это сама жизнь, 2004, с. 277–290):

– «Благой обычай и счастье народное – соблюдать святыя бдения и посещать заутрени, и обязательно бывать у святой литургии, мало спать и рано вставать, поздно есть, смирять тело множеством поклонов и постов. Это – наиглавнейшая причина сохранности сего государства. Это действительно истинная и высшая твердыня» (Крижанич, 1901).

– «Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли из церкви лишь при восходе солнца, умирая от усталости и стояния на ногах... В эту ночь мы столько натерпелись от холода и стужи, что едва не погибли, особливо потому, что стояли на железных плитах: Бог свидетель, что душа чуть не покинула нас. ... Что за всенощные бдения! Более всего нас удивляло, что дети и малютки... стояли с непокрытой головой, неподвижно и не шевелясь, как статуи. *Какая выносливость! Какая вера!*» (курсив мой – Е.С.) (Алеппский, 1898).

– «Когда русский отправляется к другому в дом или комнату, он сначала воздает честь Богу и произносит свое: “Господи помилуй!”. Только после этого он начинает говорить с людьми. В дом он входит, как немой, ни на кого не обращая внимания, хотя бы даже десять и более человек находились в помещении. Он, прежде всего, обращается к иконе» (Олеарий, 1906).

– «В этой стране все, и Царь, крестятся перед образами и кланяются им до земли, серьезно прося помочь в делах, в которых нуждаются. Все обязаны

по закону иметь образа в домах, и на воротах в каждом городе и городке поставлены образа, перед которыми народ крестится и кланяется, бьет головой о землю; то же, когда проходят мимо церкви или креста» (Неизвестный английский автор, 1884).

– «Ежедневно [русские крестьяне – Е.С.] ходят в церковь, и хотя двери заперты бывают, однако перед ними крестное знамение на себе изображают, на колени падают и поклоны кладут до самой земли. Церкви их украшены многими иконами, которые как скоро увидят, тотчас поклоняются им. Также всяк из них содержит по домам образы, и им особливую честь воздают; на грудях носят крест и почитают оный по своему обычаю» (Ульфельд, 1883).

В программу Этнографического бюро кн. Тенишева был включен *вопрос о посещении крестьянами церкви*. На него откликнулись почти все корреспонденты из разных регионов страны, дававшие ответы на вопросы анкеты. В них также отмечается *глубокая религиозность* как национальная черта русского человека.

Так, крестьянин Ф.Ф. Шутов из деревни Песьи Веретьи на Вологодчине Вельского уезда сообщал, «что в праздник его односельчане встают в пять часов утра и отправляются в церковь, расположенную в трех верстах от деревни, – на утреню и обедню. Одеваются все празднично, несмотря на ранний час» (цит. по: Громыко, 1991, с. 111).

Все корреспонденты указывали, что крестьяне посещают церковь в воскресные дни и праздники. В будни же обычно в нее ходят лишь те, кто заказывает обедню или сорокоуст по конкретному поводу – например, в связи с кончиной близкого человека (девятый, двадцатый, сороковой день), либо Великим постом, когда службы проводятся в среду, пятницу и субботу. В это время церковь посещают преимущественно те, кто говеет и готовится к Причастию (там же, с. 112).

Крестьяне ходят в церковь чаще зимой и осенью, когда становятся свободнее от хозяйственных работ, летом же, в период страды, – реже. Если

храм находится далеко, то посещения прерываются на время снежных заносов и распутицы. Из самых отдаленных от церкви деревень, связанных с селом плохими дорогами (через болота, например), ездят или ходят в Храм лишь на самые большие праздники – Пасху, Троицу, Рождество – а также на храмовые и заветные (обетные). Последние связаны с обетом, данным отдельным человеком или целой деревней, – например, по случаю счастливого избавления от болезни, стихийного бедствия или иноземного нашествия (там же). *Благодарность Богу* как черта национального характера была сильно развита у русского крестьянина.

Корреспондент из села Петушково Карачаевского уезда Орловской губернии подметил, что на основные праздники «в церкви более бывают мужики, а по воскресеньям – более бабы и подростки» (там же). При этом в оценке различий в количестве посещений церкви мужчинами или женщинами информаторы расходились. По мнению П. Каманина из села Домнино Меленковского уезда Владимирской губернии, в церковь чаще ходят женщины. Ему вторил корреспондент из Лозичской волости Боровичского уезда Новгородской губернии, утверждавший, что женщин в церкви всегда бывает больше, чем мужчин, что они вообще ревностнее относятся к вере, носят туда детей, поминают усопших. В отличие от этого, Е.И. Иванов, учитель земской школы из села Георгиевского Белозерского уезда Новгородской губернии, полагает, что «мужчины обыкновенно ходят в церковь чаще, нежели женщины» (там же).

Все корреспонденты сходились в том, что в церкви крестьяне ведут себя *чинно, степенно, благопристойно*. «Не было случая, чтобы кто-либо пришел в церковь нетрезвым», – писали из деревни Рыбково Смоленской губернии (там же).

О набожности и благочестии крестьян Пошехонского уезда говорится в описании, присланном в Географическое общество священником А. Архангельским: «Добрые качества здешних жителей суть: набожность,

благотворительность и гостеприимство. Набожность выражается в усердии к храму Божию. Здешний народ любит часто ходить в церковь для молитвы и непременно бывает у службы по воскресеньям и праздникам; не приходят только отсутствующие из селения и больные. Приходя в церковь, всегда ставят свечи многим святым иконам, и это же делают у себя дома, когда молятся. Так, например, по утру или ввечеру затепливают перед домашними иконами свечу или две, либо лампаду с деревянным маслом, а в праздник перед каждою иконою ставят по свече. На дому и особенно в храмах Божиих молятся усердно и с благоговением, стоят в церкви с благочестием; часто служат молебны Спасителю, Божией Матери и многим угодникам, которых часто призывают на помощь. Свято соблюдают посты, в Великий пост и на Страстной неделе ходят в церковь молиться, исповедаются и причащаются Святых Тайн. Соблюдают также пост по средам и пятницам и все прочие посты: Петров, Успенский и Рождественский. Сверх того, многие женщины налагают на себя произвольные посты, например, по понедельникам, а другие вовсе не едят мяса и рыбы. Здешний народ, особенно женщины, любят также приносить в храм Божий дары, как-то: новины, свечи, ладан, масло, навешивают на иконы полотенца, платы шелковые, разные ткани и другие вещи. Наконец, набожность здешнего народа видна и в том, что он часто поминает своих родителей или во время проскомидии, или в известные дни; заказывает обедни по усопшим, особенно по тем из них, которые умерли недавно; ходит для молитвы, хотя и в недалеком расстоянии, к явленным и чудотворным иконам и в ближайшие монастыри» (Архангельский, 1854, с. 48–49).

П. Левитский в статье «Черты нравов крестьян Тотемского уезда» отмечает: «Все крестьяне отличаются большой набожностью, сильно заметно усердие к церкви, за исключением разве поселений по реке Кокшенге и окрестностям, где менее заметно усердие к церкви. Вообще же редкий из поселян за леностью и нерадением останется в праздничный день дома.

Каждый непременно идет в церковь, где между Утреною и Литургиею во многих из приходов есть обыкновение слушать или Пролог, или Четью-Минею» (Левитский, 1862, с. 56).

Существенное влияние на нравственное развитие крестьян оказывали проповеди, которые произносились в сельских храмах каждое воскресенье, а в праздничные дни – после заутрени и во время Литургии. К моменту проповеди все придвигались ближе к аналою, чтобы лучше слышать. Наступала полная тишина. После службы крестьяне обсуждали содержание проповеди (Громыко, 1991, с. 113). Священник села Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда отец А. Архангельский отмечал в 1854 году, что «крестьяне хорошо понимают религиозно-нравственные поучения и долго их помнят» (Архангельский, 1854, с. 46).

Подтверждением этому служат слова действительного члена Императорского Русского Географического Общества А. Киркора в статье «Этнографический взгляд на Виленскую губернию», который отмечал по этому поводу: «Народ здешний – еще дитя в отношении умственного развития, невосприимчив, склонен к подражанию, и трудно вообразить, как заразительны здесь примеры дурного, и как легко прививаются семена доброго. Умный, благородный священник, с самоотвержением посвящающий все свои часы своей пастве, вникающий в ее нужды, подающий добрые советы, а притом отличающийся и личным безукоризненным поведением, может руководить крестьянами, как детьми, потому что глубина их прекрасна, и Господь наделил их высокими достоинствами: кротостию, набожностью, любовью родного края!» (Киркор, 1858, с. 176).

О характере местных жителей наблюдатель Географического общества, штатный смотритель Тотемских училищ, Павел Левитский замечает: «Крестьяне вообще нрава миролюбивого, тихого и немстительного, за исключением разве селений по реке Кокшенге и окрестностей, у жителей

которых нравы несколько суровее. Мягкость, терпеливость, немстительность преобладают в народе» (Левитский, 1862, с. 54).

О том же пишет и А. Киркор в аналогичной статье: «Отличительные, характеристические черты нравственных свойств русских в здешнем крае составляют: смирение, набожность и необыкновенная любовь к родине» (Киркор, 1858, с. 174–175).

Удивительна та *высшая степень гостеприимства и необыкновенной вежливости* хозяев, *смешанные со смирением и желанием угодить гостю* и сопряженная с поясными и земными поклонами по отношению к нему, свойственная часто упоминаемым жителям тотемских селений по реке Кокшенге и окрестностям, описанная тем же наблюдателем: «В поселениях по реке Кокшенге, где нравы несколько суровее и менее заметно усердие к церкви, при встрече почетного гостя в доме или даже на крыльце имеют обыкновение все встречающие кланяться в ноги. Таким же поклоном сопровождает хозяйка, только уже вдруг всем гостям, сидящим у нее за столом, каждое блюдо, поданное ею на стол. То же самое делает хозяин при подаче стакана вина и перед дорогим гостем; если он не пьет, в добавок к поклону становится на колени, и не прежде встанет, пока весь стакан не будет выпит» (Левитский, 1862, с. 56).

Священник Н. Лебедев приводит описание быта крестьян Тверской губернии Тверского уезда и их психологических характеристик: «К числу добрых качеств крестьян нашего округа должно отнести набожность: по воскресеньям они довольно часто ходят в церковь, но редко в праздничные дни, бывающие на неделе, хотя бы и случился двенадесятый праздник. В дни Святой Пасхи, до принятия образов в дома, не пьянствуют. Парни и девки вместо песен поют в эти дни “Христось Воскресе”. Жаль только, что такое благочестивое воздержание не соблюдается в храмовые праздники» (Лебедев, 1853, с. 198).

Черты особой религиозности отражены также в следующих отрывках: «Перед двенадцатыми и другими праздниками многие говеют последнюю пятницу, т.е. предыдущую дню предстоящего праздника. Каждая из так почитаемых пятниц имеет особое значение; говение пятницы состоит в том, что целые сутки не едят хлеба и не пьют даже воды. Все 12 пятниц говеют от разных болезней и несчастий. Каждая из пятниц имеет, впрочем, свое особое значение» (Килевейн, 1861, с. 44).

«Говоря о нравственных качествах здешних крестьян [Ярославская губерния – Е.С.], во-первых, должно сказать, что они набожны и к храму Божию усердны. В воскресный или праздничный день церковь всегда полна: есть старички, которые в эти дни, зимою и летом, приходят за восемь и более верст, всегда пешком, до утреннего пения, какова бы ни была погода; есть, которые решительно не пропускают ни одной воскресной и праздничной службы. К исповеди и святому Причастию каждый приходит ежегодно, а старички и старушки – два, три и более раз в год: опущение бывает редко, и то разве за отлучкою, или по другой уважительной причине» (Преображенский, 1853, с. 102).

Обязательным условием религиозной жизни русского крестьянства было *совершение молитвы, исповеди и принятие Причастия*. В рукописи из Тульской губернии Новосильского уезда подчеркивается крестьянское благочестие: «Здешний народ имеет добрые качества. Его набожность в простоте веры и гостеприимство достойны подражания. Не говоря о хождении в церковь, об усердном и добровольном исполнении христианских обязанностей – исповедания и причастия – набожность крестьян видна и в их частной жизни. Они не сядут за стол, не помолясь, не начнут и не окончат никакого дела, не перекрестясь; по окончании уборки хлеба почти всякий старается выказать особенное усердие и набожность, приглашая священника со святыми иконами в свой дом для благодарственного молебна» (Руднев, 1854, с. 109). Высокая набожность не позволяла крестьянам отказать в

приюте нуждающемуся страннику или нищему. «Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему» (там же, с.109).

Примечательно, что крестьянин, который длительное время не исповедовался и не причащался, лишался права быть свидетелем на суде(Громыко, 1991).

Крестьяне заботились о чистоте души; этой цели служила исповедь. Совершали ее даже маленькие дети, начиная с семилетнего возраста.

Очищению души способствовал и широко распространенный среди крестьянства *обычай просить прощения* у близких и даже у малознакомых людей. «Русского человека вообще отличала *способность прощать*» (Волков, 2004, с. 61).

У близких прощение просили перед долгим расставанием, кланяясь, согласно русской традиции, “по-крестьянски” – низко, в пояс. Смысл этого обычая заключался в том, чтобы в разлуке не тяготило сознание собственной вины, и родственники не «поминали лихом». Просили прощения также женщины, чувствующие приближение родов, низко кланяясь в ноги каждому члену своей семьи, а также те, кто долго не мог родить.

Испрашивали прощения и перед каждой исповедью и причащением. Широкую возможность помириться с близкими после больших или малых обид давал *обычай испрашивать прощение* у всех, даже тех, кто повстречался на дороге, в последний день масленицы – Прощёное Воскресение. После бурного веселья последней перед Великим постом недели, во время которой на долгое время расставались со скоромным столом и другими мирскими радостями, *обычай просить прощения* заставлял *ощутить переход к повышенным нравственным требованиям* по отношению к самому себе, к строгости семи недель, продолжавшихся до самой Пасхи.

Виновный человек просил прощение у обиженного им прилюдно, на мирской сходке. В этом случае сумма возложенного на него штрафа уменьшалась вдвое(Громыко, 1991).

Практика прощения определяла и такую черту русского народа, как *отсутствие злопамятности*. По мнению Достоевского, «русские люди не способны ненавидеть долго и серьезно» (Достоевский, 1994, с. 45). *Мстительность* была не характерна для крестьянского общества. Один из собирателей этнографических материалов, С.Я. Дерунов, записал в конце XIX в.: «Мщения русский народ почти не понимает» (цит. по: Громыко, 1991, с. 126). Признавали либо непосредственную и открытую реакцию на обиду, либо прощение вины.

Мощным средством нравственно-духовного воспитания русского крестьянина являлась *ежедневная молитва*. Она поддерживала человека в трудных жизненных ситуациях, вселяла в него надежду и уверенность в благополучии своем, своих близких, своей Родины, создавала духовное мироощущение. Об этом красноречиво свидетельствуют стихи Ф. Никольской:

«Я за дом родной помолюсь и за всю крещеную Русь.

Речка, лес да поле кругом и на всех один Божий Дом».

И следующие строки:

«Ровно теплится лампадка: бережет семьи очаг.

В доме благодать и радость, где с молитвой каждый шаг»(URL: Никольская).

О чем же просил крестьянин Бога и Пресвятую Богородицу? О хлебе насущном, о ниспослании ему силы телесной для подкрепления при

выполнении непосильного труда и несении тяжелого крестьянского креста в смирении и чистоте сердца.

Отвечая на вопросы анкеты исследования, проводимого Тенишевским бюро, корреспонденты из села Берёзово Лихвинского уезда Калужской губернии писали: «Домашняя молитва утром и вечером, а также перед едою считается обязательною». Из села Верхотишанки Тульской губернии в ответах по программе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) утверждалось, что «крестьяне встают рано, умываются и молятся, обращаясь к стоящим в переднем углу образам». Из Новгородской губернии учитель земской школы писал: «В каждой семье и каждым членом ее совершается молитва перед иконами утром, вечером, до и после обеда» (цит. по: Громыко, 1991, с. 111).

Учительница М. Михеева из деревни Талызиной Орловского уезда отметила *сезонные различия в усердии к домашним молитвам* – в зависимости от занятости и усталости крестьян. Летом молились меньше. Зато уж под праздник молодые мужики, «прежде вымывшись, потом сядут за стол, прочитают Евангелие вслух, а после ужина помолются усердно Богу, предварительно зажгут лампадку и свечи перед каждой иконой. В это время и бабы становятся на колени и детям приказывают молиться усерднее».

Летом некоторые выходили на улицу и молились в ту сторону, где стоял Храм или на восток. Старухи в теплое время года молились большей частью на дворе между хозяйственными делами, а заканчивали молитвы в избе. «Многие старухи еще поднимаются в полночь Богу молиться», – сообщала Михеева. Считалось, что такая молитва будет обязательно услышана, зачтена и прогонит нечистую силу. Под большие праздники ночью молились почти до самой зари. Зимой женщины, по отзыву того же информатора, «как только встают рано утром, прежде всего спешат помолиться Богу и положить несколько поклонов» (там же). Особенно интересно наблюдение талызинской учительницы о том, что все крестьяне

старались молиться так, чтобы их в это время никто не видел. В основе такой молитвы лежало евангельское указание о том, что получивший награду в похвале от людей, не обретет ее на небе. Кроме того, считалось, что, молясь втайне от людей и от посторонних взглядов, человек пребывает в общении наедине со своим Отцом Небесным, и его просьбы и раскаяния будут скорее услышаны. Когда зимою холодно было молиться в укромном месте вне избы, старики выжидали, чтобы дети заснули. Молились все крестьяне, как правило, вслух. Говорили, что так делали святые угодники. Детей заставляли молиться утром и вечером (там же, с. 113).

Подобных ответов – сотни: практически из всех губерний и уездов России. Встречаются и такие наблюдения: *молятся горячо*, но отклоняются от канонов по неосведомленности. Разумеется, крестьяне не были богословски образованными людьми, но домашняя молитва, как и посещение церкви, органично входили в их духовно-нравственную жизнь. Утверждение о том, что неграмотный крестьянин не знал Православия, так как не читал Священного Писания, не вполне справедливо, поскольку церковная служба неизменно включала чтение отрывков из Евангелий, Деяний и Посланий апостолов и Ветхого Завета. Регулярно посещавшие церковь в течение многих лет прихожане хорошо знали эти тексты. Разумеется, степень внимания, восприятия и памяти у крестьян, как и у представителей других социальных групп, характеризовались индивидуальными различиями, но неграмотность не служила препятствием к освоению азов богословского знания. Кроме того, в некоторых крестьянских избах было свое Евангелие, а иногда и другие духовные книги (там же, с. 123).

В ходе наблюдений А.П. Чехова за жизнью крестьян деревни Жуково у него сложилось иное представление относительно уровня народного благочестия: «Вера стариков была тусклая, они признавали сверхъестественное, но редко думали о Боге, считали, что это может касаться одних лишь баб. Старухи не помнили молитв и обыкновенно по вечерам

перед сном становились перед образами и шептали: “Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери...”. Все перемешалось в памяти, и едва они начинали думать о грехах, о смерти, о спасении души, как нужда и заботы перехватывали их мысли, и старуха тотчас же забывала, о чем думала»(Чехов, 1985, с. 306).

По утверждению писателя, женщины помоложе крестились и говели каждый год, но ничего не понимали в богослужении. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о Боге, не внушали никаких правил и только запрещали есть скоромное в пост. С тех, кто в Великом посту не успевал отговориться, батюшка на Святой, обходя с крестом избы, брал по 15 копеек, подобно тому, как за неуплату повинностей (там же). Таким образом, соблюдение поста оборачивалось *простой обрядностью*. Автор делает заключение, что в русской дореволюционной деревне имело место только *соблюдение формальных внешних религиозных правил и обрядовости* (и при обязательной молитве, и при говении).

В то же время А.П. Чехов отмечает сильную *тягу к просвещению, любознательность* русских крестьян: «Все любили Священное Писание, любили нежно, благоговейно, но не было книг, некому было читать и объяснять, и за то, что некоторые грамотеи иногда читали Евангелие вслух, их уважали и все обращались к ним на “Вы”»(там же).

Раз в год в описываемой писателем местности происходило настоящее «*религиозное торжество*», «*подъем религиозного чувства*». Это бывало в августе, когда по всему уезду из деревни в деревню носили икону «Живоносную»: «Икону принесли в Жуково под вечер с крестным ходом с пением, и в это время за рекой трезвонили. Громадная толпа своих и чужих запрудила улицу; шум, пыль, давка... И старики, и бабки, и бабы, и трезвые, и пьяные мужики – все протягивали руки к иконе, жадно глядели на нее и говорили, плача: “Заступница, Матушка! Заступница!” Все как будто вдруг поняли, что между землей и небом не пусто, что не все еще захватила богатые

и сильные, что есть еще защита от обид, от рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды, от страшной водки. Крестьяне рыдали: “Заступница, Матушка! Матушка!”. Но отслужили молебен, унесли икону, и все пошло по-старому: и опять слышались из трактира грубые, пьяные голоса» (там же, с. 307).

Думается, что свидетельства об истинной *набожности и благочестии* русского народа, поступающие из самой крестьянской среды и *отражающие типичные, традиционные формы поведения и мировоззренческие установки*, являются наиболее точными и объективными, будучи подтвержденными обширным материалом наблюдений систематических актов жизнедеятельности, нежели мнение писателя, базирующееся на достаточно ограниченном опыте исследования этой проблемы. Подтверждением тому служат слова В. Соловьёва *о глубокой, укорененной в русской душе, хотя и стихийной вере в Бога*, часто даже не подкрепленной знанием богословских текстов и не проявляющейся в формальных обрядовых формах. И именно эта вера во многом определяла ценные качества русской души, отвращала людей от греховных деяний, помогала им стойко переносить все превратности нелегкой крестьянской судьбы.

Данные земских обследований 80–90-х годов XIX века убедительно говорят о преобладании духовно-нравственной литературы в области читательских интересов русских крестьян. Это относилось, как к изданиям, покупаемым, взятым в школьных и приходских библиотеках, у частных лиц, переданным по наследству, так и к рукописным книгам. Грамотные крестьяне читали Евангелие, жития святых и другую духовную литературу вслух в семье, соседям, иногда на специально собираемых для этого встречах. Чтение вслух в дореволюционной деревне было отмечено в многообразных источниках (Громыко, 1999, с. 657).

Система обучения грамоте в деревенском образовании основывалась, как известно, на духовной литературе, прежде всего, на Псалтыри, т.е.

обучение основам Православия, чтению и письму осуществлялось в неразрывном единстве. Особенно явно особенности народной педагогики проявлялись в так называемых вольных школах, организуемых самими крестьянами (с наймом несколькими семьями на 3–4 месяца учителя для детей) (там же).

Непременной принадлежностью каждой крестьянской избы были *иконы*. Располагались они в Красном, или Святом, углу, обращенном обычно к востоку, на Божнице (киоте). В любом доме находились иконы Спасителя и Божией Матери. Кроме них в крестьянских избах были образа наиболее известных и почитаемых в России в целом или в данной местности святых – Николая Чудотворца, Иоанна Воина, Преподобного Сергия и др., либо особо чтимых в данной семье угодников, например, Параскевы Пятницы, Питирима Тамбовского, Василия Рязанского. В Красном углу хранился и металлический поклонный крест. Ценились старые кресты, простоявшие долгое время на Божнице. Даже в избах очень бедных крестьян висели лампы, которые зажигали на короткое время и лишь под большие праздники (там же).

Строгое соблюдение постов являлось нормой крестьянского поведения. Благодаря материалам, накопленным Русским Географическим обществом и Этнографическим бюро кн. В.Н. Тенишева, имеется возможность показать значительную роль постов в жизни русских крестьян.

Крестьяне внимательно следили за соблюдением постов, сроки которых были известны в деревне всем: от мала до велика (Громыко, 1991, с. 114). По мнению крестьянства, несоблюдение поста считалось «богоотступничеством», воспринималось крестьянским сообществом как даже более тяжкий грех, нежели воровство. Нарушители поста подвергались осуждению общественным мнением и различным санкциям – вплоть до запрета участвовать в общественной жизни села. В этом вопросе письменные свидетельства местных жителей разных губерний России отличаются единообразием – «крестьяне посты соблюдают строго». Лишь в некоторых

сообщениях отмечалось, что в последнее время (конец XIX века) к нарушению постов крестьяне стали относиться более снисходительно.

При более подробной информации выявляется неодинаковое отношение к различным постам. Особенно большим грехом считалось нарушение Великого поста; почти такое же отношение было к Успенскому посту и к отдельным дням строгого поста (Рождественскому и Крещенскому сочельнику, дню Ивана Постного и Воздвижению). Нарушение остальных постов воспринималось обычно как менее тяжкий грех.

При общей религиозной основе взглядов на посты существовало немало местных отличий, половозрастных особенностей и социальных градаций в их соблюдении. Корреспондент из Тальнинской волости на Орловщине особенно четко изложил эти различия. Он, как и другие, отметил самое строгое отношение к Великому и Успенскому постам, а также постничанье по средам и пятницам: некоторые в эти дни на постах едят только один раз хлеб с водой, «и то не вдоволь». Старики и квас в эти дни пить считали грехом. «Мужики Великим и Успенским постом не пили водку» (там же, с. 116). По сведениям других исследователей, «выпивающие и даже пьяницы перестают пить в Великий пост, однако же, с Пасхи сразу начинают пить во всю ширь русской натуры»(Фирсов, Киселёва, 1992, с. 14).

Во время постов крестьяне воздерживались от брани и ссор между собою. «Нонча не такие дни, чтобы ругаться, люди мало хлеба едят» (цит. по: Громыко, 1991, с. 114). Поститься – значит не только ограничивать себя в питании, но и в еще большей степени не допускать ничего недостойного по отношению к ближним и окружающим. В соблюдении поста русский народ видел *путь ко спасению*.

Уроженка Тамбовской губернии М.И. Добросердова (1909 г.р.) так характеризует значение поста: «Нравственное – это шло от поколения к поколению, от дедов-прадедов и к нам... Все было богобоязненно,

богопочитаемо... Пост – это для спасения души, вот что главное, других объяснений нету» (цит. по: Воронина, 1995, с. 36). Таким образом, можно сделать вывод о роли постов как важных регуляторов поведения крестьян и их нравственного воспитания, с одной стороны, и об адекватной оценке функций и значения поста в народной среде, с другой стороны.

Во время постов запрещалось пение песен не только взрослыми, но и детьми, так же как и любое веселье, радостное времяпровождение. Особенно сильно эти ограничения касались периода Великого поста. Как пишет еп. Варнава (Беляев), «первая седмица справляется крестьянами строго. Замолкают песни веселых масленичных дней, даже на ледяной детской горе не видно ни одного мальчика» (Беляев, 1996, с. 43).

Во время Великого и Успенского постов старались не есть первую еду рано, в особенности по средам и пятницам. Молодые женщины говели до позднего обеда, «разве только та баба позавтракает, которая кормит грудного ребенка или нездоровая» (Громыко, 1991, с. 114). Исключение делалось для больных, беременных, которые спрашивали у священника разрешения на нарушение поста, и он всегда его давал: «По болезни можно есть». Детей малых кормили, когда попросят. Но с трех лет во время Великого Поста молока им не давали(там же). В конце Страстной недели хозяйки пекли куличи в обстановке строжайшего поста и молитв. При этом никто даже и не думал попробовать хотя бы крупицу скоромного теста или творожной массы, именуемой Пасхой (Семевский, 1882, с. 92–93).

Существовало множество постных дней, соблюдавшихся русскими крестьянами. Для невест, долго не выходящих замуж, был установлен дополнительный день для поста– понедельник и особенно строгий пост в пятницу. А «накануне и в самый день свадьбы невесту совсем замытарят: оба эти дня она говеет, в самый день свадьбы строжайший пост! Просфора да святая вода» (Скавронский, 1993, с. 93).

Детей своих крестьяне с трехлетнего возраста также приучали соблюдать посты. Система представлений и норм поведения, связанных с постами, имела большое значение для развития внутренней нравственной дисциплины ребенка, укрепления силы воли, формирования умения ограничивать себя, соблюдать запрет. Пост помогал детям осознать, что не все, что хочется, дозволено. Воспитывалось понятие о превосходстве духовного начала в человеке над телесным. В пример детям ставились те крестьяне и святые, которые постились особенно строго. Считалось, что человек тем и отличается от животного, что «сила духа в нем позволяет одолеть хотение» (Громыко, 1991, с. 115).

Для тех из молодых, чье поведение не определялось верой, было достаточно, как правило, слова старших, следивших в каждой семье за строгостью соблюдения поста. Послушание молодежи, живущей в родительской семье, было беспрекословным. До выделения из отцовской семьи в самостоятельное хозяйство сын должен был подчиняться родителям во всех делах – и хозяйственных, и личных (там же, с. 143).

На роль родителей в духовно-нравственном воспитании детей указывает обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев: «Счастлив тот, кого с детства добрые и благочестивые родители приучили к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на целую жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом» (Победоносцев, 1993, с. 264–265). Таким образом, подчеркивается, что разум и сердце народа были полностью преданы Православию, и церковь являлась его «родным домом, местом», где можно было обрести единство взглядов и убеждений.

Следует отметить, что посты сочетались с трудовой деятельностью крестьянина и сельскохозяйственным календарем. Причем, связь эта была не

только внешней, но и имела религиозно-нравственный смысл. В ее основе лежало представление о том, что ограничения телесных потребностей угодны Богу и благоприятны для успеха в труде (Макаренко, 1913; Селиванов, 1987; Воронина, 1997, с. 123).

В религиозности народа коренился огромный нравственно-духовный потенциал, убеждение в важности праведной земной жизни как условия обретения вечной жизни в «Граде Божьем».

Глубоко в душе русского народа был жив *дух странничества*, который выражался в любви к пешим путешествиям и паломничествам по святым местам. Н.А. Бердяев отмечал, что «тип странника... характерен для России... Странник – самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника...» (Бердяев, 1990, с. 17).

Крестьяне со своими детьми часто ходили на богомолье и на поклонение святым, как в близлежащие, так и в далекие монастыри, расстояние до которых могло составлять от одного дня пути до целой недели. Ходили преимущественно осенью, в пору окончания полевых работ или сразу же после Пасхи. «Русский народ вообще богомолен: сходить на богомолье – почитается делом святым; это есть желание потрудиться для Бога. С двумя или тремя грошами в кармане, сберегаемыми на свечку или общий молебен, иная старушка или старик едва передвигая ноги, плетутся иногда Бог весть из какой дали на поклонение святыне. Богомольцы редко ходят в одиночку, но всегда идут небольшими толпами. У каждого за плечами котомка или узелок с лепешками или сухарями да с небольшим запасом белья; к поясу подвешен кувшинчик для воды – вот и все запасы дорожного продовольствия; в руках палка. Ночлег где-нибудь, Христа ради, под навесом или просто у селения под открытым небом. Ноги, часто больные и опухшие от ходьбы, одежда и обувь, часто промоченные дождем насквозь, но ни жалобы, ни ропота, ни нетерпения не выражается на спокойных лицах, одушевленных силою веры.

И ходят таким образом ни десятки, ни сотни, а тысячи верст и, возвратясь домой, не только не хвалятся своим подвигом, но даже иной и не скажет об этом никому, разве к слову придется» (Селиванов, 1987, с. 102–104).

Представленная картина свидетельствует о *непритязательности* русского человека, довольствующегося сухариком в дороге и ночлегом под открытым небом; о *высоком уровне терпения* – способности во имя Бога странствовать и путешествовать в дождь и в холод, несмотря на больные, опухшие от ходьбы ноги; о *глубоко сокровенном, внутреннем религиозном чувстве*, не выставляемом напоказ, сокрытом от посторонних глаз.

А.И. Солженицын так описывает особенности понимания жизни русским крестьянством дореволюционного периода: «Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он – в церквях. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными, поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью, – они издалека-издалека кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу. И где б ты в поле, в лугах ни брел, вдали от всякого жилья, – никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки... И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот звон...поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги. В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни» (Солженицын, 1991, с. 157–158).

Таким образом, видно, что в то время «все также протекал быт православному. ... Россия еще жила старым укладом, а по селам и деревням и вовсе держались Православия, говорили природным языком, не засоренным

чуждыми заимствованиями. Благоухающие травы, таинственные леса и блескучие воды полноводных рек, колокольные звоны, благоговейная тишина молящихся в храме, радость и ликование праздничных дней – решительно все это заронило в чуткую душу крестьянства неотразимые впечатления» (Стрижёв, 2001, с. 3–4)и, безусловно, способствовало формированию *особой ментальности русского человека*.

Проведенный анализ показывает, что мировоззрение крестьян носило религиозный характер. В его основе лежало представление о существовании мира земного и Града Божьего. Жизнь земная рассматривалась как подготовка к жизни вечной, в которой каждому человеку воздастся за его деяния. Формирующаяся на этой основе *система ценностей и идеалов выступала в качестве основного регулятора действий и поступков русских крестьян дореволюционного периода*.

Литература

Архангельский А. Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник. Вып. II «Собрание местных этнографических описаний России». СПб., 1854. С. 1–81.

Беляев Варнава. Тернистым путем к небу. М., 1996.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.

Волков В.М. Русская деревня. Труд, быт и нравы наших предков. М., 2004.

Воронина Т.А. Пост и религиозно-нравственные аспекты его соблюдения (к проблеме этнографического изучения русской духовной культуры) // Материалы 7-й конференции Свято-Тихоновского института. М., 1997. С. 121–126.

Ганаго Б.А. Когда же прозреем? // Б.А. Ганаго. О Промысле Божиим. Минск, 2008. С. 53–59.

Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В 8-и т. Т. 7. М., 1984. С. 430–467.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1873 год // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и т. Т. 12. Л., 1994.

Ильин И.А. Богомолье. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=201> (дата обращения: 21.08.2017).

Килевейн Е. Путешествие в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 гг. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1861. Вып. 1. С. 1–192.

Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. СПб., 1858. Вып. 3. С.115–276.

Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1994.

Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

Кураев А.В. Основы православной культуры, М., 2012.

Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 174–203.

Левитский П. Черты нравов крестьян Тотемского уезда //Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1862. Вып. 5. С. 54–58.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.

Никольская Ф. Село. Дом. URL: <http://www.files.tvspas.ru>. (дата обращения: 25.08.2017).

Преображенский А. Волость Покровско-Ситская, Ярославской губернии, Моложского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 61–125.

Россия – это сама жизнь.Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. М., 2004.

Руднев А. Сёла Голубень и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда // Этнографический сборник. Вып. 2. СПб., 1854. С. 98–111.

Святая Русь. Русский образ жизни. Большая энциклопедия русского народа / Под ред. О.А. Платонова. М., 2007.

Солженицын А.И. Путешествуя вдоль Оки. (Из цикла «Крохотки») // Малое собр. соч. Т. 3. Рассказы. М., 1991. С. 157–158.

Стрижёв А. Василий Акимович Никифоров-Волгин. Биографический очерк //Никифоров-Волгин В. Заутреня Святителей. Избранное. М., 2001. С. 3–10.

RELIGIOSITY AND POPULAR PIETY THE RUSSIAN OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD AS THE BASIS OF ITS SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT

E.G. Sinyakina*

**Candidate of Psychology, research associate Laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).*

Abstract: Many factors (natural, geographical, social, religious, etc.) predetermined the peculiarity of the mental world of the Russian people and the originality of Russian culture in General. The main and most profound trait of Russian people is considered to be religious. It is the religiosity of the Russian people, rooted in Orthodox Christianity, the majority of researchers of this issue is seen as a deep foundations of the Russian mentality. Orthodoxy as the dominant feature of Russian national identity formed in the Russian people religiosity, the desire for absolute goodness, love of neighbor, humility, meekness, conscious of their sinfulness and imperfection, of self-sacrifice as the willingness to give his life "for his friends", sobornost and patriotism. In Orthodoxy concluded the religious source of Russian fortitude, patience, endurance and power of sacrifice of the Russian people.

Keywords: the Russian peasantry of pre-revolutionary period, the level of religiosity and popular piety, the foundations of it spiritual and moral development.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

© 2017 г. Е.Н. Холондович*¹

**ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия;*

e-mail: holelena@bk.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о необходимости использования в научном познании человека психологического знания, содержащегося в области искусства. На примере художественного творчества Н.В. Гоголя показано, что оно содержит знание о психологическом мире человека, особенностях самосознания творца – опосредованного, заключенного в текстах, о влиянии искусства на развитие духовного мира человека.

Ключевые слова: искусство, психологическое познание, восприятие искусства, Н.В. Гоголь, самосознание творца, психологические особенности личность творца, духовный мир человека

ВВЕДЕНИЕ

В работах ряда отечественных психологов обосновывается необходимость включения вненаучного психологического знания в сферу психологической науки (Е.А. Будилова, Б.Г. Ананьев, В.А. Кольцова, К.А. Абульханова, Б.М. Теплов, А.В. Юревич и др.), поскольку оно является богатейшим источником знаний о психике человека. Ярким примером такого исследования служат работы Л.С. Выготского, И.В. Страхова, Б.М. Теплова, Б.Г. Ананьева и др.

¹ Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН».

В.А. Кольцова в своей работе, посвященной методологии истории психологии, обосновывает необходимость обращения к вненаучному психологическому познанию, одной из форм которого выступает искусство (Кольцова, 2004). Искусство является особой, художественной, формой познания человека и его внутреннего мира. Познавательная ценность искусства состоит в том, что оно дает художественно-образное описание мира и в то же время отражает внутренний мир творца. Отсюда можно сделать вывод о том, что изучение произведений художественной литературы, являющихся продуктом человеческой деятельности, позволит нам прикоснуться к той психологической реальности, которая опосредованно выступает в тексте. Интуитивный стиль мышления, высокая рефлексивность позволяют художнику проникнуть вглубь явления, увидеть то, что скрыто в обыденной жизни.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

В качестве подтверждения представленного нами положения выступает психологический анализ творчества Н.В. Гоголя, которое на протяжении долгого времени вызывает живейший интерес у специалистов различных областей: литературоведов, философов, психиатров, психологов и т.д. По нашему мнению, в его художественных и публицистических работах заложено глубокое психологическое знание. Еще В. Зеньковский указывал на то, что за внешним реализмом Гоголя скрывается очень тонкий и наблюдательный психолог (Зеньковский, 1994). Писатель дает яркие психические портреты людей, раскрывает особенности их поведения, эмоциональной сферы, мотивов и целей их жизнедеятельности. В поэме «Мертвые души» Гоголь рисует своеобразные типы личности, которые рассматриваются автором с точки зрения их конституционных особенностей, поведения, установок, бытовой жизни персонажа, видя в этом отражение сути личности. В работе Е.Ю. Коржовой «Духовная лестница Н.В. Гоголя:

Личность и творчество» разработана целая типология личностей с опорой на гоголевских персонажей (Коржова, 2009).

Интересные психологические воззрения содержатся в работе Гоголя «Мысли о географии», хотя, конечно же, они в большей степени выражают научные представления первой половины XIX века. В этой работе писатель высказывает свои взгляды на методы преподавания географии. Он обращает внимание педагогов на недостаточный объем памяти и избирательность внимания ребенка (речь идет о воспитанниках начальной школы). Развивая свою мысль, Гоголь делает вывод о том, что важно дать ребенку целостное представление о предмете изучения, в частности, о Земле, четко разграничить водные и твердые поверхности (фигура и фон), которые «резкостью своею невольно вторгнулись в мысли их и преследовали бы их неотступно неправильной своею фигурою»² (Гоголь, 1994, т. 6, с. 252). Более же мелкие подробности нужно, по мнению писателя, оставить для учеников старшего возраста. Он убежден в том, что в обучении необходимо следовать за постепенным развитием ребенка. Такой метод даст возможность разбудить воображение и не перегрузит память излишними подробностями, усвоить которые на определенном этапе своего развития ребенок не может. С точки зрения современного научного знания, мы бы сказали, что для усвоения предмета требуется учет постепенности созревания, как мозговых структур, так и психических функций ребенка.

Важную роль Гоголь отводит зрительной памяти в развитии интеллектуальных способностей ребенка. Работа с наглядными пособиями (картами) имеет, по его мнению, очень большое значение и ставится им на первое место при заучивании материала. Чтобы внимание ученика не истощалось, а память укреплялась, в преподавании необходимо использовать яркие факты, привлекающие и интересующие детей:

²В тексте сохранена орфография Н.В. Гоголя.

«Что действует сильно на воображение, то не скоро выбьется из головы» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 256).

Детский возраст открыт для разнообразных впечатлений, и задача педагога наполнить его. Он него требуются энтузиазм, сила мысли, знания, погруженность в свой предмет. Только тогда он увлечет ребенка и покажет ему правильный путь. Эти наблюдения Гоголь выносит из опыта преподавания в Патриотическом институте, наблюдений за своими учениками. Они относятся к 30-м годам XIX века.

К этому же времени относятся статьи об эстетическом влиянии различных видов искусств на человека. Так, в одной из статей Гоголь пишет: «Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись – тихий восторг и мечтание, музыка – страсть и смятение души» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 273). Рассуждая о влиянии музыки на слушателя, из этих трех искусств он отдает предпочтение именно музыке: «Он [слушатель – Е.Х.] уже не наслаждается, он не сострадает [в отличие от воспринимающего скульптуру и живопись – Е.Х.], – он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 273). То есть, происходит то самое психологическое влияние искусства на психику человека, которое Л.С. Выготский назвал «эстетической реакцией», призванной при помощи сопереживания совершенствовать человека, будить в нем «уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы», способные формировать «нового человека» (Выготский, 1968, с. 329).

На протяжении всего творческого пути Гоголя не оставляют мысли о задачах искусства, его формах и методах, об ответственности художника. Он писал, что всегда его потребностью, как в жизни, так и в искусстве, было наблюдение «над человеком и над душой человеческой» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 239). Уже в более поздний период своей творческой биографии в статье «Искусство есть примирение с жизнью», размышляя об искусстве вообще и о

своем месте в нем, Гоголь пишет: «Искусство есть примирение с жизнью. Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокоивающее и примирительное... Искусство есть водворение в душе стройности и порядка, а не смущения и расстройства... Тогда только, и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначение и внесет порядок и стройность в общество!» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 240). Эти слова звучат и в наше время очень современно и актуально.

Гоголь в своей работе сформулировал два аспекта психологического значения искусства: во-первых, важность искусства в нравственном развитии личности; во-вторых, роль искусства в познании внутренней жизни человека и общества. Он подчеркивал важность осознания творцом ответственности за свое творение. Чем больше автор будет осознавать эту ответственность, тем сильнее он будет стремиться к самосовершенствованию. «Писатель, если только он одарен творческой силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо!» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 240). Эту задачу Гоголь ставил, прежде всего, перед собой, доказывая всей своей жизнью правильность данного утверждения.

Готовясь к должности профессора истории в Киеве, и затем исполняя обязанности адъюнкта на кафедре всемирной истории в Санкт-Петербургском университете, Гоголь пишет лекции о всемирной истории, о путях развития цивилизации, издает статьи об истории России и Малороссии.

Одна из задач, которую ставил Гоголь перед собой как историком и писателем, – описать характер народа. Для этого, как он полагал, нужно собрать присущие ему оригинальные черты, может быть незаметные для глаза оттенки. «Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиваться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем

развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 241). Именно эту задачу – исправление недостатков и возвеличивание достоинств русского человека – писатель решал в своих поздних произведениях: «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями».

Интересно, что он был горячим сторонником мнения о том, что важную роль в становлении характера народа играют географические и климатические факторы. История физическая, по Гоголю, влияет на дальнейшее развитие народа. Эти взгляды отражают воззрения историков первой половины XIX века, а так же представителей французской «психологизирующей истории» XX века М. Блока, Л. Февра, Л. Броделя и др.

Историческими изысканиями наполнены рабочие материалы писателя. Истории он отводил особое место. Удивляясь своим современникам, отвергающим необходимость изучения истории, полагающих, что ее знание бесполезно, Гоголь восклицал: «Поэтому самому и нужно теперь знание истории более полное и более глубокое, чем когда-либо прежде! Корни и семена всех нынешних явлений там» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 244). Причем, он подчеркивал, что для выявления причинно-следственных связей необходимо знать, как историю своей страны, так и всемирную историю. Этой идеи придерживались уже в более позднее время известные русские историки К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев. Гоголь указывал на странную особенность русского общества жить только будущим и пренебрегать прошлым. По его мнению, достойное будущее невозможно без знания прошлого.

В своих теоретических изысканиях Н.В. Гоголь обращается к следующим историческим источникам: древним летописям Нестора, «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, исследованиям

зарубежных историков –А. Шлецеру, И. Миллеру, И.Г. Герберу. И, конечно же, одним из важнейших источников для него служат придания, песни, сказки, изустные истории о старине, сохранившиеся в его крае и переданные ему родными. В творческие планы Гоголя входило написание истории Малороссии, которые, к сожалению, не осуществились, хотя в рабочих материалах писателя сохранились лекции, статьи, размышления на данную тему. Влияние Малороссии на Гоголя очень значительно. В своих письмах писатель признается в том значении, которое для него имеют малороссийские песни, пылким поклонником и собирателем которых он оставался в течение всей своей жизни. «Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука. – Писал он М.А. Максимовичу. – Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни» (цит. по: Кулиш, 1856, т. 1, с. 125).

Уже в начале XX века русский историк Н.И. Костомаров, исследовавший особенности исторического развития южнорусской и великорусской народностей, настаивал на изучении народного творчества и в своих работах констатировал, что народные песни есть выражение чувств народа. А, в свою очередь, чувства – «основа всякого проявления духа, возбудитель мысли и поступков, корень нравственного бытия» (Костомаров, 1903, т. 21, с. 434). И, возможно, обращение к народному творчеству позволило чувствам и мыслям Гоголя вылиться в особый поэтический строй, показавшийся столь оригинальным в России его современникам, способствовало зарождению новых образов, свежих идей, сильно высказанных чувств, развитию лирического настроения.

Гоголя можно назвать выразителем различных оттенков южнорусского народного духа. Вся ранняя проза писателя проникнута необыкновенной поэтичностью, свойственной южноруссам вообще. Описание природы у Гоголя передает красоту и мягкость украинских ландшафтов, любовное отношение к ним. Оно наполнено метафорами и олицетворениями. Автор как

бы очеловечивает картину природы. Но в то же время он передает величественность, грандиозность и мощь Божьего замысла. «Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравна, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает она украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 17). Природа, как и красота женщины, для героев Гоголя таит в себе нечто странное, таинственное, порой страшное. Это страшное (ведьмы, мертвецы, черт) в своем неповторимом многообразии отражает черты южнорусского эпоса.

Н.И. Костомаров, изучавший этнографию Малороссии, подтверждает, что южноруссов отличает стремление к духовной стороне жизни, к поэзии. Доказательством тому и служит южнорусская песня. Она удерживается в рамках действительности, не восходит к эпическим далям, но блистает силой и красотой поэзии, непревзойденной мечтательностью, обращена к сфере воображения и чувств. Участие природы чрезвычайно сильно в южнорусских песнях; она «оживляет ее, делает участницею радости и горя человеческой души» (там же, с. 56–57).

Но Н.В. Гоголь также показывает читателю, что южноруссы глубоко верующие; их вера основательна. Южнорусс не мстителен, хотя злопамятен из осторожности. Он терпим и к полякам, и к евреям (может и есть, и пить, и жить с ними), но до тех пор, пока не касаются его святыни. Именно вера становится главной причиной, которая заставляет казаков – персонажей

повести «Тарас Бульба» – идти воевать с турками и поляками, защищать веру и православных братьев, хотя вторая причина – это обогащение. Но писатель показывает, что оно для казаков не цель накопительства, как у персонажей первого тома поэмы «Мертвые души», или стремление к удовольствиям, как у Хлестакова героя пьесы «Ревизор». В их бесшабашном образе жизни деньги не становятся главным. На первом месте – вера, доблесть, праздник. В этом Гоголь видит их отличие от поляков, которые своим внешним блеском попирают другие достоинства. Во второй редакции «Тараса Бульбы» Гоголь намеренно вводит описание воинства казачьего и польского. Блеск золота, великолепие нарядов ляхов противопоставлено простоте, хотя и несомненной красочности, одежий казаков. «Все высыпали на вал, и представила пред казаков живая картина: польские витязи, один другого красивее, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенными белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами. Кафтаны с откидными рукавами, шитые золотом и просто выложенные шнурами... Казацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было из них ни на ком золота; только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятках и ружейных оправ. Не любили казаки богато наряжаться на битвах: простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные, червоноверхие бараньи их шапки» (Гоголь, 1994, т. 2, с. 275). Именно внешний блеск и богатство ассоциировались для писателя с бездушностью и нравственной опустошенностью.

Интересно, что еще учась в Гимназии высших наук г. Нежина, молодой Гоголь страстно мечтал о Петербурге, но, приехав в него, испытал разочарование. На поверку он оказывается фантастическим городом, где все поглощено как в тумане блеском, суетой и пошлостью жизни, где человек – песчинка, брошенная в круговорот жизни. Всю свою последующую жизнь он стремился прочь из Петербурга – к теплу, солнцу. И только в Италии он

находил то, что искал, – тепло милой его сердцу Малороссии. В поэтике писателя вновь звучат удивительные по красоте описания природы, древних дворцов, красивых женщин. В повести «Рим» он признается в своей любви к древнему городу. Здесь же, описывая Париж, Гоголь ставит его на одну ступень с Петербургом, как воплощение бездушности, нравственной пустоты, блеска и погони за удовольствиями. Вообще, старина у Гоголя выглядит более вдохновенно, чем описание современного ему общества, где превалирует сатира, неудержимый смех и грусть над пошлым и мелочным миром наживы. И как точно замечает Д.С. Мережковский, смех у Гоголя, если вдуматься, вызывает глубокую грусть и слезы.

Возвращаясь к ранней поэтике Гоголя, можно сказать, что казачество для него имело особое значение. В роду его по линии отца исследователи упоминают отважного казачьего полковника Остапа Гоголя, грозного и упрямого воина времен Б. Хмельницкого, о существовании которого молодой писатель, несомненно, знал. У Гоголя прослеживается некое романтическое представление о казаках. В подготовительных материалах к «Истории Малороссии» писатель сравнивал их со средневековым рыцарством, «железными поборниками веры Христовой» (Гоголь, 1991, т. 7, с. 158). Их дружины объединялись на свободных началах, состояли из суровых, неукротимых, смелых и благородных людей, «железных поборников веры Христовой» (там же). Но в то же время Гоголь не отрицал, что казаки не соблюдали никаких обетов, вели разгульный образ жизни; вся жизнь их была вечным праздником. Но только вставала надобность, они брались за оружие. И в этом им не было равных. «Руби, козак! гуляй, козак! тешь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотые сбруи и жупаны! топчи под ноги золото и каменья! Коли, козак! гуляй, козак! но оглянись назад: нечестивые ляхи зажигают уже хаты и угоняют напуганный скот» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 150). Удаль, безудержная смелость, бесшабашность и

отвага, доходящая до безрассудства, склонность к мистическому восприятию мира – таков казак в описании Гоголя.

Мы уже отмечали, что «Вечера на хуторе близь Диканьки» насквозь пронизаны поэтичностью, наполнены метафорами, олицетворениями, гиперболами, очень образны и подчинены духу мистичности, который так характерен для всего творчества Гоголя. Но мистика соседствует с глубокой православной верой, верой с наказанием зла. «Дико закричал он и заплакал, как иступленный, и погнал коня прямо к Киеву. Ему чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его; звезды, казалось, бежали впереди перед ним, указывая всем на грешника; сама дорога, чудилось, мчалась по следам его. Отчаянный колдун летел в Киев к святым местам» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 158). Это одна сторона. Другая сторона – тонкий юмор, глубокое знание человеческой природы. А.С. Пушкин в письме к А.Ф. Воейкову (август 1831 года), выражает свое отношение к «Вечерам на хуторе близь Диканьке»: «Сейчас прочел “Вечера близ Диканьки”. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность!» (цит. по: Вересаев, 1990, с. 124). Смешливость и лукавство отмечают современники и в характере самого Гоголя. Он неподражаемо умел рассказывать очень смешные и забавные вещи, оставаясь при этом очень серьезным. Даже в его внешнем облике, вернее во взгляде, многие видели особый лукавый огонек.

Еще одна особенность творчества писателя – это особое, поэтическое отношение к женщине, что также является неотъемлемой чертой южнорусского характера: «...перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала как живая. Чело, прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови – ночь

среди солнечного дня, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над закрытыми глазами, а ресницы, упавшие стрелами на щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста – рубины, готовые усмехнуться...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 339). Писатель пытается донести до читателей свое преклонение и удивление перед женской красотой. Но, наряду с преклонением, присутствует страх, так как в ней таится и необыкновенная сила, способная погубить человека. Данная тенденция прослеживается в «Вие» и далее в произведениях петербургского периода его творчества – «Невском проспекте», «Записках сумасшедшего». Мы можем ее найти и в письмах Гоголя начала 30-х годов. В письме к матери он объясняет свой первый отъезд за границу, неожиданным чувством, постигшим его. «Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О, какое жестокое состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен... В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я...» (цит. по: Вересаев, 1990, с.103). О любви Гоголь пишет, как об ужасном, мучительном состоянии: «Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу» (там же). Чувства, описанные Гоголем в письме к матери, имеют свое продолжение, воплощение, а может быть, и источник в повести «Невский проспект». Многие исследователи утверждают, что это чувство – плод воображения молодого писателя. Но описание его в повести отражает все нюансы влюбленного – от восторга и преклонения, до страха, ужаса и отчаяния.

Н.И. Костомаров в работе «Две народности», анализируя народную малороссийскую поэзию, отмечает, что любовное чувство в ней достигает высочайшей одухотворенности, чистоты и грации образов. Женщина, в представлении южноруссов, – прекрасна, грациозна. Все это говорит о стремлении данной народности придать всему окружающему миру прекрасную, изящную форму. Он облагорожен и лишен тривиальности.

Костомаров отмечает в южнорусском эпосе прелесть слова и выражения, доходящую до художественных высот. Богатство воображения приводит к большому количеству суеверий. В Малороссии чуть ли не в каждом селе существовали поэтические рассказы о туманной старине. «Мир духов в самых разнообразных образах и страхах, поднимающих на голове волосы и смех до икоты», – пишет Костомаров о малороссийских песнях и сказаниях (Костомаров, 1903, т. 1, с. 59). Он констатирует наличие в их эпосе рассказов о мертвецах, вампирах, мире духов. Этот мир духов с большим юмором представлен в ранней поэтике Н.В. Гоголя.

Необыкновенная религиозность Гоголя также есть в какой-то мере отражение черт, присущих ментальности южноруссов. Для южноруссов характерно чувство «всеприсутствия Бога, душевное умиление, внутреннее обращение к Богу, тайное размышление о Промысле, над собой. Сердечное влечение к духовному, неизвестному, таинственному и образному миру», отмечает Костомаров в своих исследованиях (Костомаров, 1903, т. 1, с. 60–61). Эта же черта характерна для родителей Гоголя и для него самого. (Знакомство родителей будущего писателя и его рождение окутано легендами). Интересно, что религиозные тенденции наиболее ярко прослеживаются на начальном этапе творчества («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») и на последнем («Выбранные места из переписки с друзьями», «Божественная литургия», «Авторская исповедь», второй том «Мертвых душ»). Хотя характер этой религиозности разный. Вероятно, религиозность, как неотъемлемая часть его детства писателя, прерывается на какое-то время, вернее уходит во внутренний пласт его души и созревает в ней до определенного момента. Она имеет свойство внутренней сосредоточенности. Для него важно, прежде всего, самосовершенствование. Нравственное исправление человека возможно только через личный пример. Отсюда искреннее убеждение писателя в том, что искоренение общественных недостатков невозможно до тех пор, пока каждый человек не

начнет усовершенствования собственной души и своего нравственного облика. Но эти мысли будут высказаны Гоголем много позже в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Дарование писателя позволяет нам увидеть живые образы, понять мотивы поведения героев его произведений, их характер. Гоголь отталкивается от исторического источника, но домысливает психологические характеристики героев, вкладывая в их образы определенный смысл, важный для понимания идей и ценностей, заложенных в сознании самого писателя. Это позволяет читателю понять, что ценил, что считал лучшим писатель, как смотрел на жизнь. О своих ранних работах Гоголь писал, что они имеют по большей части бессознательные корни, написаны как бы интуитивно. Как нам кажется, это особенно важно, так как в них заложены не только исторические, этнографические наблюдения писателя, но и его детские впечатления, особенности воспитания и представления маленького мальчика, что позволяет говорить о том, что в этих работах отразилась и личность самого писателя.

На раннем этапе творчества Н.В. Гоголь обращается к своим истокам, к истории своего народа, которая становится источником для выражения художественного своеобразия его дарования и самовыражения его личности. Как автор исторического романа он воспроизводит в своей фантазии историческую реальность, но также в данном случае выступает как художественный выразитель ментальности народа, естественно трансформировавшейся во времени, но сохранившей свои основные черты. Как пишет А.А. Потебня, «только в литературе... окончательно и вполне может выразиться личная физиогномия народа» (Потебня, 1993, с. 185). В. Дильтей считал, что именно гении являются выразителями народного духа. Таким гением был Н.В. Гоголь. В данном случае принадлежность писателя к Малороссии определила идейную направленность его произведений на

начальном этапе творчества и позволила выразить не только характерные черты этого народа, но и особенности собственной личности.

Религиозность Гоголя трансформировалась на протяжении всего его жизненного пути и отразилась в творчестве писателя, видоизменяясь от мистически окрашенных народных верований к глубокому пониманию ответственности христианина перед Богом и окружающими его людьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать вывод, что обращение к искусству, к художественному творчеству как источнику психологического знания очень важно. Оно оказывает влияние на психологическое развитие человека, вызывая глубокие эмоциональные переживания и выполняя воспитательные функции. Также важна роль художественного творчества в раскрытии психологического мира человека. Оно является источником знания о личности творца, опосредованно представляя читателю ценности и идеалы автора, являясь «объективированной формой выражения его самосознания» (Кольцова, 2008, с. 121). Мы можем также утверждать, что художественное творчество может выступать объектом психологического исследования. «Являясь чутким индикатором общественных потребностей, настроений, идей, – пишет В.А. Кольцова, – искусство обладает способностью быстрого и оперативного освоения и воплощения их в присущие ему художественные формы, поэтому оно выступает важным источником изучения психологической мысли своего времени» (Кольцова, 2004, с. 276).

Литература

Выготский Л.С. Психология Искусства. М, 1968.

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близь Диканьки // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 1. М., 1994.

Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 2. М., 1994. С. 321–356.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 7–185.

Гоголь Н.В. Искусство есть примирение с жизнью // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 237–242.

Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.4. М., 1994.

Гоголь Н.В. Мысли о географии // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 250–258.

Гоголь Н.В. Невский проспект // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 3. М., 1994. С. 7–38.

Гоголь Н.В. О преподавании всеобщей истории // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 258–271.

Гоголь Н.В. Объявление об издании Истории Малороссии. Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазепы. Взгляд на состояние Малороссии. О малороссийских песнях // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.7. М., 1994. С. 149–168.

Гоголь Н.В. Рим // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 3. М., 1994. С. 166–203.

Гоголь Н.В. Скульптура, живопись и музыка // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 271–275.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.2. М., 1994. С. 218–321.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба (редакция 1835 г.) // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В9-и т. Т.7. М., 1994. С. 179–241.

Зеньковский В.В. В. Гиппиус. Гоголь; В. Зеньковский. Н.В. Гоголь (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX–XXвв.) СПб., 1994. С. 191–335.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М., 2008.

Коржова Е.Ю. Духовная лестница Н.В. Гоголя: Личность и творчество. СПб., 2009.

Костомаров Н.И. Две русские народности // Костомаров Н.И. Собр. соч.: В 21 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 31–65.

Костомаров Н.И. Историческое значение южно-русского народного песенного творчества // Костомаров Н.И. Собр. соч.: В 21 т. Т. 21. СПб., 1903.

Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в древней Руси // Костомаров Н.И. Собр. соч.: В 21 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 1–30.

Кулиш П.А. Записки о жизни Н.В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 1. СПб., 1856.

Мережковский Д.С. Гоголь и черт. URL: <http://www.vehi.net/merezhkovsky/gogol/index.html> (Дата обращения: 18.02. 2014)

Потебня А.А. Языкинародность. Киев, 1993. С. 158–186.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ARTISTIC CREATIVITY N.V. GOGOL

E.N. Kholondovich*

**Candidate of psychology, senior researcher associate laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of psychology of the Russian academy of sciences*

Abstract: The article discusses the need to use psychological knowledge contained in art. For example, artistic creativity N.V. Gogol contains knowledge about the psychological aspects of the human world, the psychological characteristics of the personality of the creator, indirectly included in the text, the influence of art on the development of the spiritual of man.

Keywords: art, psychological cognition, perception of art, N.V. Gogol, the identity of the creator, the psychological characteristics of the personality of the creator, the spiritual world of the human

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЧУВСТВА ЛИЧНОСТИ¹

© 2017 г.К.А. Абульханова^{2*}

**ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)*

Почтовый адрес: г. Москва, 128456, ул. Ярославская, д. 13, Россия

Аннотация. Чувства рассматриваются как принадлежащие личности, в связи с ее отношениями к другому человеку, жизни, обществу. Обосновывается их роль в психической жизни человека как регулятора его поведения, деятельности. Раскрывается понимание С.Л. Рубинштейном мировоззренческих чувств, дается их описание.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, эмоции, чувства, мировоззренческие чувства, личность, совесть, вера, ответственность, отношение к другому человеку, обществу

С разными эпитетами, в разных контекстах, начиная от философского, вечного, включая идеальное и возвышенное, заканчивая преходящим и «ускоренным» в *психологии* и бытии поколений и народов, рассматривались *чувства*. Они дифференцировались друг от друга как добрые и злые, пассивные и деятельные, так или иначе подразумевая своим истоком человеческую *душу*. Но если душа и являлась их связующим звеном, то тот, кому принадлежала душа, все же продолжал оставаться в тени.

Традиционно чувства рассматривались то изолированно, то попарно, то как противоположные или даже противоречащие друг другу (любовь/ненависть, гордость/унижение и т.д.), то иерархически – как высшие, или неземные, позитивные, или негативные, и т.д. Но при всей глубине уже осуществленного в философии и психологии раскрытия или описания их

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 17-06-01055 ОГН

² Академик РАО, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН.

особенностей они оставались вне контекста основания, которое позволило бы выявить единство в их разнообразии.

Именно эту задачу и решил С.Л. Рубинштейн. Он раскрыл особенности чувств не самих по себе и не в их умозрительном смысле, а как принадлежащие личности, в связи с ее отношениями к другому человеку, к жизни, к обществу. При этом он возражал, что только *одно из чувств* должно рассматриваться как ведущее, как обобщенное отношение к жизни. «Каждое из этих чувств в отдельности, выступающее как обобщенное отношение к жизни (Gesamtgefühl), не оправдывает себя, – писал он, – вопрос о преобладании того или иного чувства должен решаться конкретно, применительно к конкретным историческим и личным ситуациям». И далее: «Отсюда очевидна также неправомерность поисков обобщенного чувства (Gesamtgefühl), в котором все слито и якобы синтезировано (юмор у Х. Гефдинга), неправомерность генерализации чувств» (Рубинштейн, 1997, с. 80). Главным же явилось определение С.Л. Рубинштейном чувств как выражения отношений *личности* к действительности. Он определил *личность* как обладателя потрясающей способности – радоваться и страдать, любить и верить, по-своему неповторимо переживать все, происходящее с ней в жизни. Иными словами, при определении чувств еще в «Основах психологии» (1935) и затем в «Основах общей психологии» (1940; 1946) Рубинштейн отправляется не от *чувств*, пытаясь выделить главное из них, а от *личности*. Причем, личность как основание, источник «чувств» он рассматривает и в ее природно-эмоциональных особенностях, и в деятельности, и в ее отношении к другим людям и обществу. Если эмоции более связаны с природными особенностями человека, то чувства – с характером, волей, мышлением и другими качествами личности.

Особенности характерологических *свойств личности* проявляются, по Рубинштейну, «в отношении к самому себе, воплощающем ряд чувств. К ним относятся: самообладание, чувство собственного достоинства, скромность,

правильная или неправильная, преувеличенная или преуменьшенная самооценка, уверенность в себе или мнительность, самолюбие, самомнение, гордость, обидчивость, тщеславие и т.д.» (цит. по: Славская, 2015, с. 123). Еще в дискуссии со своим учителем Г. Когеном С.Л. Рубинштейн настаивал на том, что право в целом и права личности – это не чисто юридические нормы, но, прежде всего, этические чувства – совести, долга, вины и стыда, любви и уважения к близким и дальним.

Уже в 1935 году в своей первой психологической монографии «Основы психологии» С.Л. Рубинштейн определяет предмет психологии как единство знаний и *переживаний*. Исследуя первоначально связь психики, сознания с деятельностью (1935), он выявляет переживания, сопутствующие деятельности. И если в первом издании «Основ психологии» (1935) при анализе детской игры он подчеркивает лишь одно переживание – *удовольствие* ее результатом – то в следующих изданиях он пишет уже о *многообразии* переживаний (цит. по: Славская, 2015, с. 224), а чувство удовольствия от деятельности, в одних случаях связывает с достижением результата, а в других – с самим ходом деятельности (там же, с. 201).

Глубокой жизненной достоверностью и художественной тонкостью, музыкальной мелодичностью исполнен раздел «Основ психологии», посвященный душевным чувствам как более высокому по отношению к *эмоциональности* уровню.

К еще более высокому общественному уровню Рубинштейн относит *духовные чувства*, которые связаны и с *общественным образом жизни* нравственного человека, и с *отношениями людей*, и с *жизненным путем личности*. В этой связи Рубинштейн ссылается на марксово определение *духовных чувств как человеческих и человеческих*.

Рассматривая разные *виды чувств*, определяемые характером *объекта* (предмета, человека, ситуации, самой жизни), Рубинштейн тонко

дифференцирует способы самовыражения субъекта в эстетических чувствах, чувствах комического, юморе, иронии, сарказме, а также в чувствах страдания, печали. Таким образом, всесторонне анализируя качества и отношения личности, с которыми связаны ее жизненные чувства, он далее выходит к чувствам *высшего* уровня, которые обобщенно обозначает как духовные, этические, эстетические. Преодолевая ограниченность своих предшественников в их поиске обобщающего главного чувства и, одновременно, выборов в этом качестве *одного* чувства, С.Л. Рубинштейн представил в этом качестве *совокупность чувств*. Согласно мысли Рубинштейна, эпитетом «мировоззренческие» раскрывается переживание личностью своего бытия *в мире*. В своем последнем труде «Человек и мир» он назвал чувства личности *мировоззренческими* (Рубинштейн, 1976).

Понятие «мировоззрение» общепринято определяется как некая историческая или индивидуально-личностная концепция мира, своего рода ее идеология. Рубинштейн использовал данное понятие для характеристики чувств, только для того, чтобы подчеркнуть их *возвышенный уровень*, особое качество по отношению к изученным в психологии уровням – эмоциям, чувствам, которые в классической психологии к сожалению, исследовались и определялись, по существу, вне их *личностного основания*. Они выражают характер человеческих отношений и этичность самой жизни личности (Историогенез и современное состояние российского менталитета..., 2016, с. 133).

В общей проблеме детерминации человека *мировоззренческие чувства* выступают как внутренние условия, включенные в общий эффект, определяемый закономерным соотношением внешних и внутренних условий.

Исторически осмысление сущности и определение эстетических, этических и особенно духовных чувств связывалось с философией жизни, экзистенциализмом, с идеалами западноевропейского *гуманизма*, с его принципами свободы, совершенства и блага. В российском мировоззрении

основой русской идеи, согласно Н.А. Бердяеву, всегда был *человек*. «Для Достоевского в центре стоял человек»,— писал он, не забывая, что его эпитетами были также и, прежде всего, «униженные и оскорбленные». «Для Толстого, — продолжал он, — человек был лишь частью космической жизни. Человек должен слиться с божественной природой» (Бердяев, 1998, с. 181). Итак, согласно Бердяеву, человек в России — это и «униженные, и оскорбленные», и, одновременно, часть космической жизни и проявление божественной природы. Российская идея человека отличалась от западных ценностей гуманизма. Она *не утверждала его блага*, а разветвлялась на определении множественности граней его бытия, вершиной которого была «укорененная» в душе *вера* в Бога, а «бездной» — нищета и убожество жизни. Но народ как реальность *бытия человека* не возводился философски в России до уровня идеи, категории человека. Можно сказать, что если европейская мысль поднимала человеческое *благо на вершину*, обещая лучшее — свободу, справедливость, добро (не забывая, однако, что при этом существует и зло Ф. Ницше), то *русская идея* человека была тесно связана с *религией*, для которой вершиной всегда был *Господь*, внизу — народ, над ним — власть.

Одним из глубочайших чувств, присущих российскому менталитету, было чувство *веры*. Вера связывала земное бытие человека с божественной волей *Вседержителя*. Она была и «вертикалью» жизни, устремленностью души и духа к возвышенному, и «горизонталью» в жизни, пронизывающей душу *смирением*. Она оставалась верой в справедливость при всей несправедливости реальной жизни, ее жестокости, попирающей все существующие религиозные нравственные каноны бытия, верой в добро и верой в ближнего.

В последнем своем труде СЛ. Рубинштейн поставил как исходную философскую проблему — проблему *человека и его места в мире*. Именно в соответствии с этим философским контекстом *чувства* человека были им названы мировоззренческими. Это подразумевало, что их основой являются *отношения* человека с миром, который создан им, и который, в свою очередь,

его объективно детерминирует, ему объективно *противостоит*.

Из этого следует противоречивость как основная особенность бытия человека. Введя в философию категорию человека, Рубинштейн поставил ее как проблему – чтобы оказалось возможно, идя от целого, раскрыть многообразие качеств бытия человека: все его способности, уровни и противоречия. Тем самым основная проблема *противоречий жизни*, которая игнорировалась философской мыслью в силу ее бесконечного многообразия, «приземленности», эмпиричности, не поддаваясь философскому обобщению, была представлена как проблема *противоречий во взаимоотношениях* человека с миром, которые являются *исходными* для объяснения и противоречий жизни, и противоречий отношений людей, и противоречий внутреннего мира самого человека.

Жизнь, которая является способом бытия *личности*, оказалась таким образом философски и методологически поднятой на более высокий философский уровень отношений человека с миром (в котором осуществляется жизнь личности). Мир предстал не как отчужденный от человека объект, но как обнимающий, охватывающий, пронизывающий жизнь личности, ее сознание, деятельность, отношения и вызывающий ее чувства. Мир, согласно Рубинштейну, – это не только объекты деятельности и познания человека, но и мир созданной им культуры, науки, искусства и, одновременно, тех *способов связей людей*, которые им удастся установить на каждом этапе истории и зафиксировать в форме социума.

Это дало возможность определить личность не просто как «совокупность общественных отношений» (как ее определял исторический материализм), но и как *осуществляющую* посредством своих способностей, сознания и деятельности *свой* жизненный путь, который, в свою очередь, включается в конкретный социум (на период которого приходится ее жизнь). Ее сознание, будучи ее личной способностью, имеет свои корни в *менталитете*, который определяет его изначально (подобно архетипам К.Г. Юнга), а затем развивается

по мере развития личности – через воспитание, деятельность, общение, включение в разные общности (семью, сверстников, образовательные, профессиональные и общественные сообщества и т.д.).

Личность, строя свой жизненный путь и, одновременно, в нем самореализуясь, *подчиняется или противостоит* конкретным законам, нормам, идеологии и требованиям существующего социума. Однако она впитывает и общечеловеческие ценности, которые могут стать основанием ее *человечности*, ее духа, души. Эти ценности, воплощая в себе путь развития человечности в истории общества, вопреки всем препятствиям, возникающим в отношениях людей каждого *нового социума*, новой системы организации общества, воспринимаются *мировоззренческими* чувствами личности. И только после того, как в самой психологии осуществилось «признание» *личности* как системообразующей, по выражению Б.Ф. Ломова, всей психической организации, а в философии – *человека*, открылись подступы к *основаниям* происхождения *высших человеческих чувств* в отношениях человека с миром – в философии и отношениях и взаимоотношениях личности с другими людьми, собственной жизнью и социумом в целом – в психологии.

В силу данного С.Л. Рубинштейном определения и человека (на философском уровне), и личности (на психологическом уровне) открылась возможность связать чувства не только с *человечностью, благом и добром* во всех перечисленных отношениях, но с их изначальной – в силу соотношения, столкновения, сопротивления разных детерминант в бытии человека и в жизни личности – *противоречивостью*. Обобщая разнообразие всех чувств (объединенных у каждой личности в особое сочетание), он обозначил их противоречивость словосочетанием понятий «*оптимистическая трагедия*»³.

В этом определении он осуществил целый ряд преобразований известных в культуре, в этике и эстетике философских понятий. Во-первых,

³Не желая присваивать себе авторство этого определения, на первый взгляд, не сочетающихся друг с другом, несовместимых понятий и чувств, Рубинштейн ссылается на пьесу В. Вишневского, название которой именно таково – «Оптимистическая трагедия».

принципиально изменено содержание словосочетания противоположностей оптимизм/пессимизм. С.Л. Рубинштейн заменяет «пессимизм», как обозначение пассивного отношения, понятием «трагедия», «трагическое», несущих в себе обозначение и переживание противоречия и активное отношение человека к последнему. Во-вторых, он соединяет традиционно философски несовместимое.

На первый взгляд, «оптимистическая трагедия» может быть сопоставлена с словосочетанием, центральным для этики, которое рассматривает противоречие *добра и зла*. Но перечень чувств, которые С.Л. Рубинштейн называет мировоззренческими, далеко выходит за пределы этики и этических, нравственных чувств. Само понимание этики отличается у него от ее узкой трактовки как морали, морализирования. К мировоззренческим С.Л. Рубинштейн относит и чувства личности, изучаемые психологией, и *религиозные* чувства. Понятие оптимизма никак не может быть отождествлено с понятием «добро», а трагедия, трагическое – с понятием «зло». Трагична *борьба* добра со злом. Со времен греческой трагедии она предполагала, как раз, борьбу, столкновение добра со злом, их противоречие. И – главное – понятийным словосочетанием «*оптимистическая трагедия*» С.Л. Рубинштейн, разумеется, зная и имплицитно учитывая всю историческую этическую нагрузку этих понятий, *обобщает реальную российскую действительность* своего *трагического века*.

Оптимистическая трагедия относится, таким образом, и к уровню философского определения бытия человека и его чувств к миру, и к психологическому уровню – мировоззренческих чувств личности в ее бытии – в собственной жизни, в семье, в отношении «к ближнему и дальнему» и к социальному уровню – к противоречивости социума, на который приходится ее жизнь.

В каких еще контекстах принято определение понятия *трагического*? Со времен античности понятие «греческая трагедия» обозначало воспроизведение

в искусстве (в основном в театре) столкновения сил *добра и зла* и своеобразную *неизбежность* этого противоречия. Позднее оно стало употребляться в более узком по отношению к философской интерпретации значении – для обозначения в культуре, в искусстве определенного жанра художественных произведений. В обыденной жизни понятие трагического употреблялось для обозначения трагичности судьбы, неизбежности, смерти, в художественной литературе – для характеристики судьбы героев («его жизнь оборвалась трагически», «ее жизнь стала настоящей драмой» и т.д.).

С.Л. Рубинштейн употребляет все эти понятия менее конкретно, более обобщенно – в контексте обозначения «юмористического», «комического», «иронического», «трагического» относительно жизни человека. «Объективным основанием таких мировоззренческих чувств, – пишет он, – является сама жизнь человека как *трагедия, драма* или *комедия*. Основой трагического отношения человека к жизни является отношение человека к трагическому как к существующему *объективно*. Трагическое, юмористическое и т.д. отношение к жизни, чтобы быть адекватным, должно основываться на соответствующей характеристике самой жизни» (курсив мой – К.А.) (Рубинштейн, 1997, с. 80). Далее он пишет: «Трагическое имеет место, когда к неизбежной гибели идет что-то хорошее и прекрасное, когда к добру как к осознанной цели приходится в силу независимых от человека обстоятельств идти через зло. Трагизм возникает там, где что-то хорошее и прекрасное вовлекается жизнью в пагубный для человека конфликт. В жизни имеет место и трагическое, и комическое, торжествует в ней то добро, то зло. Все дело заключается в том, чтобы выделить объективное отношение разных людей к одной и той же ситуации, в зависимости от того, какое начало видит, как преобладающее в ней, и вносит входящий в нее человек» (там же).

Общепринято соотнесение понятий оптимистического с пессимистическим как противоположностей. Чрезвычайно важно, что С.Л. Рубинштейн заменяет понятие «пессимистическое», являющееся синонимом

упадка, уныния и бессилия, понятием трагического⁴. Из приведенного выше определения последнего очевидно, что понятие трагического несет в себе сочетание и *силы*, и *страдания*, т.е. обозначает имплицитно (подразумевает) силу человека, не *только созерцающего* противоречия добра и зла, но *идущего через это* противоречие, *преодолевающего* его. «Страдание, – пишет С.Л. Рубинштейн, – выступает и как *уничтожение*, когда разрушается то, что вызывает желание, и, напротив, как факт мобилизации *душевных сил*» (Рубинштейн, 1997, с. 93). Следуя своему принципу рассмотрения чувств в их взаимосвязи, он продолжает, выявляя грань *страдания*, ведущую к чувству совсем иного характера: «страдание как унижение или как мелочность, желание себя от всего обезопасить, оградить, застраховать, себе что-то выговорить. Это и есть, по существу, внутреннее, скрытое отсутствие *доверия* к другим людям, к обстоятельствам и ходу жизни, которое означает, в конечном счете, недоверие к самому себе, неверие в собственные силы» (там же, с. 93).

Здесь проявляется диалектика даже в определении *одного и того же* чувства – выявление его прямо противоположных качеств, уровней переживания, его смыслов⁵.

Эта диалектика непосредственно связана с ходом жизни и характером самой личности. «В этом смысле, – пишет С.Л. Рубинштейн, – превратности судьбы, жизненные передрыги, когда что-то грозит помешать основному в ней, выступают как *факторы мобилизации душевных сил*. Здесь внутренне оцениваются масштабы *угроз* и то, что и чему угрожает... Но кроме этого существуют такие категории, как “размах”, “диапазон” жизни, ее “интенсивность” и “глубина”, “душевная щедрость” самой личности. Таким образом, возможны разные уровни страдания» (там же, с. 95).

⁴ В.С. Агапов в разработанной им «Я-концепции» личности, однако, справедливо отмечает, что в таких чувствах, как страдания, которые относятся традиционно к пессимистическим, заключается не только бессильное переживание личности, но и определенный активный залог, чем конкретно поддерживает позицию С.Л. Рубинштейна (Агапов, 2011).

⁵ Обстоятельства жизни при этом выступают как путь осознания истинных масштабов того, за что мы боремся в жизни.

За этим преобразованием понятия пессимистического в трагическое скрыт ответ еще на очень существенный вопрос: все ли чувства личности Рубинштейн отнес к мировоззренческим, и исключил ли он пессимистическое вообще? Очевидно, что *пессимистическое* – это пассивность чувств. Оно обобщает целую гамму *чувств* человека – *страх, обида, вина, стыд* и др. Представляется, что гипотетическим ответом на эти вопросы является очень глубокая фраза С.Л. Рубинштейна о двух переживаемых личностью *качествах жизни*, обобщая которые личность осознает и переживает «все содеянное и упущенное» (там же, с. 79). Эти чувства, возможно, выражают и обиду за несостоявшееся в жизни, и стыд, или вину, за несправедно содеянное. Можно сказать, что эти чувства человек испытывает скорее по отношению к *прошлому*, что и означает упущенное в жизни, чего уже нельзя *поправить*. Поэтому вышеперечисленные чувства также являются мировоззренческими, связанными с неудовлетворенностью жизнью (если только не рассматривать их ситуативно, как мелочные в отношениях людей). Мировоззренческие чувства – не категоричны.

Если жизнь еще не оборвана смертью, и есть возможность нечто поправить, изменить к лучшему, то это зависит от того, в каком соотношении в жизни человека оказываются значимые для него обстоятельства, поскольку во времени жизни выступают на первый план то одни, то другие (более или менее существенные) переживания. «Например, когда ставится под угрозу все (смерть на войне) или самое дорогое и важное, тогда чувствуешь ничтожество того, – пишет С.Л. Рубинштейн, – что прежде, когда более важное не подвергалось угрозе, риску, тоже казалось важным и даже стояло на переднем плане» (там же, с. 93). В этом отношении чрезвычайно важны исследования А.О. Прохоровым *переживаний* в связи со *временем жизни*, ее *изменениями*. Слабость («упал духом»), растерянность, неуверенность и подобные им (в настоящее время часто встречающиеся близкие к депрессивным) переживания могут проявляться *ситуативно* или длительно, даже постоянно.

Таким образом, мировоззренческие чувства (и каждое из них в отдельности) не могут быть охарактеризованы абстрактно, поскольку выражают *смену* существенного и обыденного в жизни, масштаб угроз и потерь, а также способность самой личности управлять своими чувствами («держать себя в руках»). Благодаря зрелому размышлению, личность преодолевает обиду, если она не затрагивает ее достоинства, ее близких, ее ценностей. Но бывает, что одно слово приводит к острой эмоциональной реакции и полному разрыву отношений. Однако очевидно, что не всеми чувствами человек может «управлять»: нельзя заставить себя полюбить; не в наших силах вернуть утраченную надежду или веру в обманувшего человека. Известна борьба разума и чувства.

В определенной степени чувства предоставляют человеку *свободу* – не в смысле «стихий чувств», а обеспечивая ему неподвластность социальному влиянию и давлению, которые порождают чувства, выражающие отрицание им этих обстоятельств жизни.

Учет *иерархии* жизненных ценностей и их преобразования во времени жизни позволяет понять смену активных и пассивных чувств, их силу и роль в ходе жизни и влияние на личность. Иными словами, чувства личности влияют на ее жизнь, а последняя – на чувства личности.

Если мысль человека, особенно научная, выделяет существенное как характеризующее устойчивые обстоятельства, причины, то чувства, будучи, одновременно, *определенными*, релевантны *изменчивости* жизни и потому выделяют существенное для личности относительно данного времени или совокупности данных обстоятельств жизни.

Психологические исследования так называемого «совладающего» поведения (И.А. Джидарьян, Т.Л. Крюкова и др.) обнаружили, что оно имеет своим источником такой комплекс чувств и характеристик личности, которые обеспечивают ее способность на *сопротивление* и *противостояние* (сегодня

оно определяется словосочетанием «держать удар»). Обобщенно это чувство *мужества*, воплощающее *силу* личности, ее способность к преодолению трудностей жизни, разрешению жизненных противоречий, умению идти им навстречу и поступать *вопреки*.

Выше говорилось о страдании как состоянии или чувстве личности. Это чувство имеет «архетипическое» происхождение, свойственное менталитету русского народа в силу трагичности его истории. Но в этом чувстве заключена способность не только *терпеть* страдания, но и *выстаивать*, выдерживать их. Российское сердце и характер исторически нацелены на *преодоление*. Это преодоление, способность справиться «*своими силами*» заложены в совершенно особом чувстве ответственности и *удовлетворенности* российской личности. Поэтому кажущееся сугубо современным явление «совладающего поведения» в России на самом деле имеет глубокие исторические корни.

Но *мужество*, как *сила* противостояния трудностям жизни, препятствиям самореализации, негативным отношениям к личности, не имеет по своей онтологической сущности ничего общего с чувствами *гнева*, *злости*, *ненависти* людей, связанными с их враждой. Эти «межличностные» чувства древни, как само человечество, воевавшее за земли, источники существования, власть, за свою веру (вероисповедание, религию), за выживание. Но сегодня они, как пожар, все сильнее охватывают человечество. К сожалению, XXвек в убийствах и насилии наглядно обнаружил и проявил порожденную самим человечеством *бесчеловечность*.

На уровне личности этот спектр чувств может иметь ситуативный характер, связанный с *конфликтом* интересов, жизненными позициями и т.д. Но если данные чувства приближаются по своей силе, глубине и устойчивости к чертам характера, то можно сказать, что они, напротив, способствуют *объединению* с людьми такого же склада – жестоких, воинственных, конфликтных. Эти чувства характеризуют несовершенство развития человечества. Чувства *гнева*, *злости*, *ненависти*, связанные с враждой людей

(проявляющиеся не только в личной жизни, но носящие и социальный характер), могут быть обобщенно обозначены как «зло» в жизни человечества. Указанные чувства выражают негативную сторону в противоречии *добра и зла* и могут быть отнесены к мировоззренческим, являясь одной из важных конкретизаций понятия зла как психологических явлений (чувств личности), в отличие от проявлений зла в жизни человека в виде объективных обстоятельств (трагические события, природные бедствия и т.д.). Они расширяют пространство понимания противоречий человеческой жизни, идущих со стороны различных социумов.

Согласно Рубинштейну, «этика рассматривает человека и за пределами общественных отношений, борьбы классов, производственных отношений и т.д.» (Рубинштейн, 1997, с. 90). Проблема мировоззренческих чувств охватывает этические чувства (ценности и т.д.), но выходит за пределы этики. «Выход этики за сферу общественных отношений и т.д., – пишет С.Л. Рубинштейн, – расширяя ее понятия в связи с мировоззренческими чувствами, – должен произойти в *двух направлениях*: 1) отношения человека к *миру*; 2) отношения человека к другому человеку, более конкретные и человеческие, чем отношения к нему как к представителю класса, вообще, как к носителю определенной общественной функции» (там же, с. 103).

Выдвигая проблему «оптимистической трагедии» и мировоззренческих чувств как ее конкретизации и способов ее переживания, выдерживания и преодоления, С.Л. Рубинштейн расширяет этические проблемы в двух направлениях: критическом и позитивном. Его *критика* сформулирована как проблема соотношения «*этики и политики*». Под последней он подразумевает и *реальность* современной ему организации общества (социума), деформирующей личность, и марксистскую *концепцию* человека, сведенную впоследствии к общественным и производственным отношениям (социально-

экономическая теория Маркса), и выросший на этой почве советский тоталитаризм⁶.

В определении трагедии как оптимистической осуществляется расширение представлений о жизни личности, вытекающее из постановки философской проблемы Человека и Мира. Жизнь личности, согласно С.Л. Рубинштейну, не сводится к его общественной функции, «маске». Она включает и отношение личности как «природного существа к природному существу», и «первую, самую естественную и теплую его непосредственную связь с миром, с его жизнью» (там же). Первое и есть *любовь* человека к человеку, любовь к жизни. Чувство любви, на наш взгляд, очень глубоко раскрыто Э. Фроммом (хотя он рассматривает его в другом контексте, чем С.Л. Рубинштейн – в соотношении жизни и смерти) (Фромм, 1998). «Она находит свое выражение скорее в поведении, чем в идеях, – пишет он, – скорее в интонации голоса, чем в словах» (там же, с. 62). «Теплые, преисполненные любви контакты с людьми в период детства.– продолжает Фромм, – ...оживленный обмен с другими людьми и обустройство жизни, определяемое подлинными интересами... Если говорить о любви к жизни, то должна иметь место “свобода для чего-то”, свобода созидать и строить, удивляться и на что-то отваживаться» (там же, с. 62–63).

⁶ Критика Маркса ведется С.Л. Рубинштейном и на *философском*, и на *социально-философском* уровнях (первый выражен так: «То, как (курсив мой – К.А.) Маркс преодолел антропологизм Фейербаха, в собственном смысле еще заострило и сузило его [антропологизм Фейербаха –К.А.], поскольку сам человек был сведен к специфическому, общественному человеку в нем. Сначала природа была сведена к человеку, а затем из человека была вытравлена его природа. Гуманизм –антропологизм марксизма – не только плюс, но и минус марксизма» (Рубинштейн, 1997, с. 103). На *социально-философском* уровне С.Л. Рубинштейн фактически критикует последствия «социализации» человека и его конкретного бытия как личности. Он пишет: «...превращение... понятийной характеристики человека в определенной системе отношений [общественных – К.А.] в сущность человека – это *ошибка марксизма*. Это разрушает природное в человеке и его природные связи с Миром и, тем самым, то содержание его *духовной, душевной* жизни, которое выражает его *субъективное отношение*, отражающее эту его природную связь с миром и людьми» (там же, с. 104). Мы обращаемся к этим философским положениям С.Л. Рубинштейна, поскольку именно они выражают тот контекст, в котором может быть раскрыт смысл и содержание *мировоззренческих чувств*. Это оказалось возможно только *после* публикации *третьего* издания труда «Человек и Мир» 1997 года, в которое (в отличие от первого – 1973 года и второго – 1976 годов изданий) был *впервые* включен раздел шестой «Этика и политика»: 1 Мое отношение к нашему обществу, к нашему строю (с. 101–104) и 2. Об «истмате» и революции (мое отношение) (с. 105–107). Таким образом, публикация раздела, выражающего отношение С.Л. Рубинштейна к марксизму, социализму, тоталитаризму, немислимое в 70-х годах, стало реальностью фактически только через четверть века (см. Рубинштейн, 1997. С. 136).

Любовь в российском менталитете была жизненным, *земным* чувством. Она олицетворяла любовь к своей Кормилице-земле, к ее необъятным просторам и прекрасной природе: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и богатая, ты и бессильная, матушка-Русь», – писал Н.А. Некрасов. Идея противоречивости земного бытия была ближе к российскому сознанию и чувству, чем возвышенный идеал свободы и блага человека. Для С.Л. Рубинштейна в контексте его концепции человека любовь была чувством к другому человеку – и состраданием к его слабостям, и уважением его личности, и доверием к его честности. Она выражала не только свободу личности, но и ее способность усилить своим чувством все лучшее в человеке, отнестись к нему как самому существенному во всем мире. Любовь определяется как чувство не только к ближнему, родному, своему, но и к дальнему, как чувство содружества людей.

Непосредственно связанными с любовью были для русского человека чувства *веры* и *надежды*. Вера и надежда выражали обращение к идеалу, к лучшему, тому, чего *еще нет в жизни*, не произошло (и в этом смысле это были чувствами *интенциональными*).

Основной российскому чувства веры является вера в Бога. И, вместе с тем, отношение к Богу понимается С.Л. Рубинштейном не только как забота о «земном», но и как отношение к вселенной, к природе в ее нерукотворности. Парадоксально, что Рубинштейн, автор первой, ставшей классической в отечественной психологии теории деятельности, пишет следующее: «Пафос делания, переделки хорош как альтернатива все приемлющей пассивности, но *чувство* первозданности, *нерукотворности*, изначальности – «несделанное», «несфабрикованное», естественно сложившееся – выражает положительное *космическое* значение содержания *религиозного мировоззрения* (курсив мой – К.А.)» (Рубинштейн, 1997, с. 104).

В настоящее время проблема религиозного мировоззрения и верований в Бога является дискуссионной. Критическое отношение к ней, с одной стороны,

вызвано наследием в сознании идеологии воинствующего атеизма. С другой стороны, подчеркивается несовместимость веры с наукой, требующей объективных доказательств. Однако даже факт смены научных парадигм свидетельствует об относительности истин и абсолютизации их доказательств. Развитие ряда наук, вхождение человека в Космос свидетельствуют о наличии еще непознанного человеком и существующего в отличных от земных формах. А для психологии важна не *проблема доказательства бытия Господа*, а *проблема веры в Него*, поддерживающей человека в его земных испытаниях. Поэтому жесткая критика религиозности при особенно важной поддержке общества церковью, на наш взгляд, является проявлением неоправданной категоричности в ограничении свободы и права вероисповедания. Следует напоминать о победе М.И. Кутузова над французами с иконой Божией матери. И таких примеров множество.

Победа одерживается, когда есть *во что (в кого)* верить, и *что* защищать. А чувства, принадлежащие личности, должны быть ее личным правом и долгом. Одной из тяжелых жизненных потерь является потеря веры в идеал, в справедливость. Даже если они реально отсутствуют в жизни человека, он продолжает верить в них. Извращением человеческой сущности личности является превращение веры в лицемерие, что и является, по Рубинштейну, превращением человека в маску. И сегодня, в переломный период жизни нашего общества, когда уже нет веры ни в коммунизм, ни в капитализм, когда обман и коррупция стали масштабными социальными явлениями, порождающими недоверие или растерянность людей, когда процветает ложь (Знаков, 1997), и жизнь строится по «двойному отсчету» (и даже в речь вошел словооборот «как бы» – то ли это было, то ли и не было), сохранить веру как мировоззренческое чувство, питающее надежду и жизненные силы будь то вера в Господа или будущее – является наиважнейшей задачей психологии как науки (см.: Гостев, 2016, с. 214–215).

Научное исследование психологии людей и внутреннего мира личности предполагает понимание и учет его *душевной* сущности, которая у многих людей связана с верой в Бога (В.Д. Шадриков). Таким образом, вера как этическое чувство и этика в целом охватывают своего рода *идеал*. Отмечая историческую изменчивость этических идеалов, С.Л. Рубинштейн вводит свою оригинальную характеристику идеалов: «Греческая концепция любви (эроса) выступает как стремление *низшего к высшему*, более совершенному», – пишет он. «Августиновское (и Спинозовское) представление предполагает *совпадение движений снизу –вверх и сверху – вниз*» (Рубинштейн, 1997, с. 91). Ф. Ницше фактически утверждает приоритет высшего – сверхчеловека, также, как и героический энтузиазм Джордано Бруно. Другие этические концепции учитывают в своих определениях не вертикаль, а иные критерии (Л. Толстой). Пуританство проповедует сухость, черствость и безжалостность к людям; эпикурийцы, как известно, напротив, возводят в идеал наслаждение.

Не считая свою концепцию узко этической, С.Л. Рубинштейн утверждает и *величие* человека как *вершину* его духовных и творческих возможностей, и, одновременно,– хрупкость, *малость* человека. Но самым главным – отличающим его антропологию и мировоззренческие чувства (которые он иногда называет этикой в широком смысле слова) от разнообразных этических концепций – является рассмотрение человека *в мире*, а личности – *в жизни*. Жизнь для Рубинштейна не является синонимом житейского, т.е. мелких забот и тягот, а рассматривается как совокупность достижений и противоречий, решая/не решая которые, личность достигает совершенства, развития или (и это стоит отметить особо) не деградирует, но реально (согласно марксовой концепции) становится «маской». Это, по существу, означает ее отчуждение от своей сущности, человечности, от своего внутреннего мира, своего «Я», духовности, душевности, чувств, превращение личности в формального исполнителя социальных функций.

В числе личностных потерь оказывается также стержневое активное чувство и качество человека – совесть. Она является не только характеристикой, но и особым «индикатором» всего нравственного склада человека (личности) и потому – *высшим жизненным чувством* личности как *субъекта*. Являясь своеобразным «камертоном» человеческой справедливости, правды и подлинности, совесть осуществляет регуляцию и саморегуляцию отношений с людьми, обществом в целом.

Очевидно, что совесть личности является *индивидуальным* механизмом. Индивидуальные различия в *мере* совестливости людей очень велики. Не говоря о наличии/отсутствии совести вообще, во-первых, у разных личностей совесть остается или сугубо *внутренним* переживанием («муки совести»), не влияющим или влияющим на поведение или отдельный поступок, или, как сказано выше, характеризует личность в ее способе жизни. Второе различие – в «пробуждении» совести *до* или *после* содеянного. В последнем случае хорошо, если остается хоть чувство раскаяния. Третье различие – в ее связи *со знанием*: в одних случаях совесть *удерживает* от несправедливого сознанием последствий, в других – человек сознательно «взвешивает», будет (или было) содеянное «*по совести*». Последнее охватывает множество «ущербов», «выгод», рисков в отношениях и взаимоотношениях людей, регулируя, как поступки личности, так и взаимоотношения с другими⁷. Однако совесть зависит не только непосредственно от уровня нравственности личности, но от ее самооценки, самоуважения, достоинства.

Неподлинность своей жизни переживается личностью в чувствах страха, обиды, зависти, а также *больного самолюбия* (А.И. Донцов, 2017). Эти чувства тесно связаны с теми чертами характера личности, которые проявляются по отношению к окружающему миру, другим людям и жизни в целом, но не являются мировоззренческими. Противоположностью больному самолюбию,

⁷ Понятие «риски» вошло в современную жизнь, предполагая сложную детерминацию поведения, когда последствия поступков (действий) неопределенны или ведут к потерям, наносят ущерб для действующего.

обидчивости являются, с одной стороны, *тщеславие, честолюбие* – чувства, преувеличивающие свои достоинства в глазах окружающих. Другой спектр чувств – *чувство собственного достоинства, уверенности, удовлетворенность* (своими достижениями, жизнью в целом) и т.д. связаны с «Я» личности, ее концепцией (Агапов, 2011). А *гордость* – это мировоззренческое чувство, охватывающее множество отношений: гордость и за свою Родину, и за любые достижения, способствующие общественному прогрессу, развитию культуры.

К спектру чувств, связанных не столько с характером личности, сколько именно с ее отношениями к людям, жизни, событиям, С.Л. Рубинштейн отнес такие чувства, как *юмор и ирония*. Важно отметить, что эти чувства не относятся ни к трагическим, ни к оптимистическим, но являются выражением отношения личности к несоответствиям. Они не являются нравственными, этическими чувствами, но расширяют наши представления о богатстве, тонкости и многогранности чувств человека.

Ирония может быть доведена до *цинизма*, т.е. до отрицания, презрения другого человека, его поступков и слов или даже жизни в целом с позиции своего превосходства. Ее «жало» заключается в том, что это отрицание, критика не имеют характера прямого, честного, открытого осуждения. Последнее содержит в себе это «жало» насмешки, даже издевательства. «Ирония и юмор – это отношение не непосредственно к смешному, а к соотношению добра и зла, возвышенного и низменного или, точнее, ко второму члену этого соотношения с позиций или на основе первого», – пишет Рубинштейн (Рубинштейн, 1997, с. 83). «Ирония противопоставляет одно другому, судит с позиций возвышенного идеала все, что ему не отвечает; юмор разрешает, примиряет эти противоречия, избирает положительное начало как основу их примирения» (там же). Так Рубинштейн выделяет основу их различия. «Разное понимание этого соотношения или разное соотношение их в действительности вызывает юмор или иронию, в чем и заключается их *объективная* фундированность. Разное в разных случаях соотношение добра и

зла по их силе выступает как *объективная* основа, оправдание в одних случаях юмора, в других – иронии» (там же, с. 383).

Хочется воспроизвести своими словами определение *юмора* С.Л. Рубинштейном, как улыбки сильного человека над слабостями другого – любимого человека. Юмор, несомненно, – не только характеристика одаренного, тонкого человека, но и проявление его силы по отношению к «превратностям жизни».

Определяющим отношение к жизни, является *объединение* чувств подобное сочетанию аккордов в мелодию (как в музыкальном произведении), и это объединение либо носит устойчивый, определяющий характер, либо изменяется, образуя новое сочетание в зависимости от изменений жизни.

«Соотношение мировоззренческих чувств, – пишет С.Л. Рубинштейн, – одновременно, и индивидуально, и закономерно, как соотношение красок в палитре большого художника. В разных соотношениях каждое из них приобретает свой оттенок («*valeur*»); возможны разные сочетания разных тонов, но эти соотношения всегда *закономерны*. *Взаимосвязь* всех этих аспектов (юмористического, иронического и трагического отношений), их переход друг в друга отвечает сложности и соотношению всех жизненных противоречий. Лишь определенное соотношение тех или иных цветов эстетически прекрасно; подобно этому, возможно, правомерно разное сочетание мировоззренческих эмоциональных тональностей, больше или меньше *оправданных* применительно к *той или иной различной исторической и личной ситуации*. Иными словами, лишь определенные соотношения этих мировоззренческих этических чувств оправданы, приемлемы, закономерны как выражение отношения человека к *типическим* ситуациям жизни (там же, с. 81).

Однако *диалектика* определений чувств в концепции Рубинштейна не ограничивается только адекватностью/неадекватностью *соотношения* чувств с

противоречиями и обстоятельствами жизни. Отношение человека к жизни не зеркально. Чувства личности способны изменять жизнь.

Оптимизм его концепции при всей трагичности жизни своего народа XX века (революция, тоталитаризм, Великая Отечественная война) и трагичности собственной судьбы был символом *становления* и *развития* человека как объективной закономерности его сущности. Введение человека в философскую концепцию, в эпицентр бытия, которое им создано, было выражением оптимизма онтологической позиции Рубинштейна. Мировоззренческие чувства личности способны изменять к лучшему ее жизнь или возвышать ее над трагичностью последней. Оптимизм – это интеграл возвышающих человека чувств: веры, надежды, любви, совести, ответственности, мужества, которые доказали свою силу в российской истории в реальных победах – над бедностью, врагом, унынием и даже над смертью: «Смертию смерть поправ», как говорится в Писании.

Рубинштейновское определение мировоззренческих чувств как «оптимистической трагедии», которой является сама жизнь, на первый взгляд кажущееся противоречивым, на самом деле глубоко диалектично, так как раскрывает *реальную противоречивость* бытия человека в мире и возможность сохранения своей человечности. Мировоззренческие чувства личности способны изменять к лучшему ее жизнь или возвышать ее над трагичностью последней. И в «совладании» (И.А. Джидарьян, Т.Л. Крюкова) с трудными (или даже трагическими) жизненными ситуациями, и в безответной любви к другому человеку, и в переживании счастья (И.А. Джидарьян) нет однозначного соответствия чувств и жизненной ситуации или проблемы. Но сила, заключенная в совладании, любви (к человеку, к жизни), даже если они не изменяют объективную «расстановку сил» в жизни (С.Л. Рубинштейн), есть проявление силы духа и души человека, его способности *устоять* в жизни в целом, остаться или стать самим собой, что и является выражением оптимизма.

К числу мировоззренческих чувств относится также любовь, которая обычно в философии понимается как стремление (*Sehnsucht*) снизу вверх (Scheler, 1902) – любовь к Богу и любовь сверху вниз (Платон, Спиноза, вообще пантеизм, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр), или как стремление частей единого целого к воссоединению. Согласно С.Л. Рубинштейну, как и все добродетели, любовь может быть «активной» или «пассивной»: любовью-страданием, непротивлением, терпением (*Dulden*) или любовью-борьбой, рождающей *борьбу со злом*.

Любовь в жизни – воплощение и природных связей (любовь мужчины и женщины, любовь как материнство, приводящее к продолжению человеческого рода), и душевных, духовных чувств мужчины и женщины, и любовное отношение к детям одновременно с их воспитанием (и с их любовью к родителям). Эта любовь – *связующая семьи* – является опытом разрешения противоречий и нахождения согласий; проявлением нежности, заботы, диалектики отношений *равенства дружбы и наставничества*, требовательности и поощрений; и – главное – неустанно поддерживаемым очагом радости бытия.

С.Л. Рубинштейн определяет любовь как «*утверждение бытия человека... Свое подлинное человеческое существование человек обретает, поскольку в любви к нему другого человека он начинает существовать для другого человека. Любовь выступает как усиление утверждения человеческого существования данного человека для другого... Быть любимым – это значит быть самым существующим из всего и всех*» (Рубинштейн, 1997, с. 97). Она *выявляет и усиливает* неповторимость данного человека, а самое лучшее, совершенное в нем *умножает*, утверждает. Она «*выявляет те стороны, которые не выясняются для других людей в деловых отношениях*» (там же, с. 98). Любимый человек становится *более существующим* и для другого и для самого себя. Именно поэтому переживание любви расширяет душу человека, наполняя

ее радостью *подлинности* своего бытия. Она *подобна творчеству* – создает бесконечно многое в человеке, давая ему новые *силы и переживание счастья*.

О любви написано так много, так ярко, так захватывающе и, подобно С.Л. Рубинштейну, так глубоко, что кажется, нельзя ничего и добавить. Но в контексте нашей проблемы – чувств в жизни человека, хочется сказать и о том, что, строя свою жизнь (посадив свое дерево, построив дом и в нем сотворив своего ребенка), человек *вкладывает* все богатство своих сил и чувств в свои деяния, отношения с людьми, в тот мир, в котором он живет. Но разные люди, в силу особенностей своей судьбы, в разной степени получают «обратную связь», оценивающую их жизненный труд, усилия и их собственную личность. Да, они сами порой переживают *удовлетворенность* как награду. Но чаще это чувство привязано к *делу*, сделанному самим или *социальной оценке* (как «маске», по выражению С.Л. Рубинштейна) = должности, званию и т.д., и лишь немногим дается редкостное удовлетворение, личностное достижение – *стать* или *быть*, или *оставаться самим собой*. Проще говоря, растратив на жизнь все свои способности, силы, чувства, собирается ли это многообразие объективаций в утверждение самою себя в своей сущности? И отвечая на это, далеко не всегда можно дать утвердительный ответ. Только любовь *бескорыстно* дает, дарит человеку это переживание своего «Я».

На противоречивой почве судьбы русского народа возник другой феномен–*ответственность*: и как чувство, и как качество личности. Несомненно, что и до XX века ею обладали отдельные личности, но в своем совершенно *особом качестве* ответственность возникла именно в XX веке как способ выживания личности в условиях тоталитаризма. Это было уникальным личностным «ответом» или личностным воплощением противоречий советского строя.

К перечисленным Рубинштейном модальностям личности «хочу», «могу», «я сам» прибавилось «надо». Однако, исследуя эмпирически ответственность, мы смогли дать ей собственно психологическое определение

как *добровольного* взятия на себя обязательств, как единства необходимости, желания и способности их выполнить «своими силами». Иными словами, в ответственности имплицитно присутствует и инициатива, и саморегуляция, т.е. способность личности как *субъекта* организовать свое дело так, чтобы силы, возможности, резервы, риски заранее учитывались для достижения желаемого результата. Ответственность личности подобна *совести* как способности личности к добровольному *самопринуждению, самоорганизации*, оптимизации своих сил для выполнения взятых на себя обязательств.

Близким к ответственности нравственным качеством личности и высшим проявлением ее *духа* является чувство *долга*. Чтобы выявить существующее у современной российской молодежи студенческого возраста соотношение инициативы (активного мировоззренческого подхода к жизни в целом и ее отдельным проблемам в частности) и ответственности, а также долга перед обществом, «другими», самим собой, автором было проведено исследование (1985, 1989 годы) на студентах Гуманитарного университета, Института молодежи и МГПУ им. Ленина. Выявилось, что у одних выделенных типов присутствовало, прежде всего, *чувство* ответственности, долженствования, напряжения, тревоги и, в конечном итоге, отстаивания своих прав, мнений, жизненной позиции по отношению к себе, «ближним и дальним» – друзьям, родителям, сверстникам (Абульханова, Славская, 2016, с. 147). У других преобладала инициатива, при которой они даже не предполагали, что им придется отвечать за ее реализацию, т.е. отсутствовала ответственность. У третьих обнаружилась гармоничная связь инициативы и ответственности, позволившая выявить именно тот механизм – *саморегуляцию* личности, который и *обеспечивает единство инициативности и ответственности*. Удалось доказать, что, невзирая на различный «удельный вес» той или иной компоненты, а в большинстве случаев противоречивым образом «сосуществующих» в едином целом, тем не менее именно эти особенности составляют основу этического, нравственного отношения к миру личности как

Рассматривая это ранее проведенное исследование как эмпирическое доказательство вышеперечисленных теоретических определений чувств, мы можем на их основе добавить некоторые звенья в эти определения. Хотя *саморегуляция* была выявлена в исследовании как механизм связи инициативы и ответственности, это понятие может быть использовано и для уточнения некоторых определений *мировоззренческих чувств*. Так, *совесть* есть нравственная *саморегуляция* взаимоотношений с людьми. *Ответственность* – высший личностный способ *саморегуляции* своих отношений к делу, к людям, к жизни.

Перечисленные чувства являются и реализацией высших качеств личности *в ее жизни*. Представляется, что любовь, вера и совесть выражают *человечность* личности, но присущи не всем. Все перечисленные чувства являются *действенными*. Главным же выводом является значимость выявленной нами опосредующей соотношение инициативы и ответственности *саморегуляции* личности. Авторство исследования саморегуляции как *психологического* механизма принадлежит О.А. Конопкину и руководимой им лаборатории. Связь саморегуляции с совестью состоит в том, что это чувство как раз и есть способность личности *самой* вводить критерии, нравственные оценки, решаясь на поступки и отношения к людям. В этой способности (чувстве) воплощается ее качество *субъекта*. *Ответственность* – это также способность человека *самому* брать на себя нечто, мобилизовать и соразмерять свои силы для реализации взятых обязательств и отвечать за содеянное (перед собой и другими). Это также достигается личностной *саморегуляцией*.

И сравнивая с удачным названием, данным К. Марксом, органам чувств – *теоретики*, мы по аналогии большинство мировоззренческих чувств назвали бы духовными *деятелями* личности. И именно их активность обеспечивает внутренний потенциал человека, его жизнеутверждающую силу, способность сохранить человечность в бесчеловечную эпоху и вносить в жизнь людей

добро, подлинность и мужество. В этом личность и проявляет себя как субъект. Это фундаментальное положение С.Л. Рубинштейна все более становится общепризнанным. «Когда в конце 80-х гг. международное философское сообщество на конгрессе в г. Брайтоне объявило о “смерти субъекта”, оказалось, что в России “субъект жив”. Именно в отечественной психологии мы наблюдаем сегодня расцвет и торжество этой гуманистической категории. Во многом это связано с творческим наследием замечательного ученого и человека Сергея Леонидовича Рубинштейна. Он не просто провозглашал идею субъекта, а связывал ее с осмыслением тоталитаризма, спрашивал, не “что делать?”, а *как* (курсив наш – К.А.) остаться человечным в бесчеловечных условиях?». Такая оценка идей С.Л. Рубинштейна дается в авторитетном издании «Выдающиеся психологи Москвы» в статье «Сергей Леонидович Рубинштейн – лидер теоретической психологии» (Выдающиеся психологи Москвы, 1977, с. 330).

Рубинштейновская трактовка категории «субъект» начала обнаруживать «все новое философское методологическое и конкретно-научное значение уже после его смерти, что произошло благодаря появившимся в философии, этике, психологии работам, раскрывающим гносеологический, нравственный и другие аспекты самой категории субъекта. Рубинштейном была открыта *перспектива* (курсив мой – К.А.) для конкретизации значения этой категории в каждой из гуманитарных наук, а тем самым заложена основа дифференциации и интеграции гуманитарного знания» (там же). Эти слова, так тонко, глубоко и объективно оценивающие вклад Сергея Леонидовича Рубинштейна в отечественную философию и психологию и отмечающие перспективу развития его концепции, принадлежат не только самому значительному представителю школы С.Л. Рубинштейна Михаилу Григорьевичу Ярошевскому, но и Виталию Владимировичу Рубцову, руководителю созданного еще до революции Психологического института РАО, сохранившего психологическую исследовательскую культуру более века. Это свидетельство того, что психологи

сохраняют и ценят солидарность в науке, и залог того, что объединенными усилиями они обеспечат действенную роль своей науки в оптимистической трагедии наступившего века.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегия человеческой жизни. М., 1991.

Абульханова К.А. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблемы субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 13–27.

Абульханова К.А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2. С. 80–94.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С.Л. Рубинштейна // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX в.: В 2-х кн. Кн. II / Гл. ред. серии В.А. Лекторский. М., 1998. С. 328–352.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Менталитет и правовое сознание российской личности // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцевой, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 125–170.

Агапов В.С. Фундаментальные идеи С.Л. Рубинштейна в исследованиях самосознания и Я-концепции субъекта // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. М., 2011. С. 234–246.

Барабанчиков В.А. С.Л. Рубинштейн и Б.Ф. Ломов: преемственность научных традиций // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 43–53.

Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: «Фолио», М.: «АСТ», 2002.

Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта М., 1994.

Воловикова М.И. Представление русских о нравственном идеале. М., 2005.

Воловикова М.И. Нравственность в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 95–97.

Выдающиеся психологи Москвы / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Ярошевского. М., ПИРАО, 1997. С. 321–333.ъ

Гостев А.А. Отношение современных россиян к некоторым аспектам социальной и политической жизни страны // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 206–216.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1992.

Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Собр. соч.:В15-и т. Т. 14. СПб., 1995.

Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.

Ждан А.Н. С.Л. Рубинштейн в Московском Университете // Вестник МГУ. Сер. 14 «Психология», 1989.№ 3. С. 3–12.

Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта. // Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский. М., 2010. С. 270–316.

Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе // Современная личность: Психологические исследования

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

/ Под ред. М.И. Володиковой, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 200–229.

Журавлева Н.А. Гуманизация ценностных ориентаций молодежи как актуальная научная проблема в современном российском обществе // Духовно-нравственные потенциалы молодежного коллектива / Под ред. А.С. Чернышева. Курск. 2013. С. 22–31.

Знаков В.В. Кросс-культурные различия в понимании лжи // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 73–85.

Из дневников Сергея Леонидовича Рубинштейна // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4. С. 18–23.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 // Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.

Кольцова В.А. Историзм концепции С.Л. Рубинштейна и его влияние на разработку проблем современного историко-психологического знания // С.Л. Рубинштейн // Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский. М., 2010. С. 183–205.

Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (введение) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Вып. 1. Под ред. В.А. Кольцовой, Е. В., Харитоновой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 5–15.

Кудрявцев В.Т. Принцип саморазвития субъекта деятельности // Психологический журнал. 1993. № 3. С. 34–45.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Развитие идеи С.Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // *Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна* / Под ред, К. А. Абульхановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 216–233.

Леванова Е.А., Тарабакина Л.В. Воспитание глубины чувств в контексте принципа творческой самодеятельности С.Л. Рубинштейна // *Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна*. М., 2011. С. 271–278.

Лекторский В.А. Немецкая философия и русская мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // *Философия и история философии. Актуальные проблемы*. М., 2004.

Леонтьев Д.А. Возвращение к человеку // *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М., 1997. С. 3–18.

Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // *Психологический журнал*. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Лосев А.Ф. Дерзания духа. М., 1988.

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.

Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Няголова М.Д. У истоков философского гуманизма Сергея Леонидовича

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

Рубинштейн // Сергей Леонидович Рубинштейн: Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский. М., 2010. С. 244–257.

Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии / Под ред. К.А. Абульхановой. М., 1989.

Психологическая наука в России XX столетия: теория и история / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М., 1997.

Психология человека в современном мире. Т.1 «Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября, 2009» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Барабанщиков, М.И., Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М, 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы психологии: Пособие для высших учебных заведений. М., 1935.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / 2-е изд. М., 1946.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание М., 1957.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Ч. II «Человек и мир». М.: Педагогика. 1973.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии /3-е изд. М., 1989.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.

Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы / Под ред. Б.Ф. Ломова. М., 1989.

Сергей Леонидович Рубинштейн // Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский, ред. тома К.А. Абульханова. М., 2010.

Славская А.Н. Методологические особенности интеграции психологической науки в творчестве С.Л. Рубинштейна // Современная психология. Состояние и перспективы исследования. Ч.IV«Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С. 122–133.

Славская А.Н. Развитие философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна в Институте психологии РАН // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. II / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2012. С. 124–126.

Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Спиноза Б. Этика. М.-Л., 1936.

Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М., 2011.

Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917.

Фромм Э. Душа человека. М., 1998.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Этика Аристотеля. СПб., 1908.

Abulkhanova K.A. Lesujetdel'activiteoulathecriedel'activiteselonS.L. Rubinstein // Rubinsteinaujourd'hui. Nouvelles figures de l'activitehumineJoulouse /Eds. V. Nosulenko, P. Rabardel. Paris, 2007. P. 83–128.

Scheler M. MoralundErkenntnis. 1902.

PHILOSOPHICAL SENSE OF THE PERSON

K.A. Abulkhanova*

**Academician RAE, professor, chief researcher of the Institute of psychology RAS, Moscow, Russia*

Abstract. Feelings are considered as belonging to the person, in connection with its relationship to the other person, life, society. Substantiates their role in mental life of man as controller of his behavior, activities, relationships. Reveals understanding of S.L. Rubinstein ideological feelings, descriptions.

Keywords: S.L. Rubinstein, motions, feelings, spiritual feelings, personality, conscience, belief, responsibilityrelationship to the other person, life, society

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ЛИДЕРОВ В СООТВЕТСТВИИ С УРОВНЕМ СПЛОЧЕННОСТИ ГРУПП

© 2017 г. **К.Г. Зюзин**^{*1}

**Главное Управление №4 по г.Москве и МО Пенсионного фонда РФ*

e-mail: kzuzin@bk.ru

Почтовый адрес: 115088, г. Москва, ул. Угрешская, д. 2, стр. 35

Аннотация. В статье анализируется индивидуальность лидеров. Рассматривается сплоченность группы как оптимальная среда для развития и проявления ее лидера. Определяется индивидуальность лидеров, характерная для групп, различающихся по уровню сплоченности. Рассматривается редкая, но важная индивидуальность лидера «слабого» типа, по Павлову. Лидеры анализируются по психофизиологическим и типологическим показателям.

Ключевые слова: И.П. Павлов, Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, А.Р. Лурия, Т.Ф.Базылевич, сплоченность, лидер, индивидуальность, иллюзия Шарпантье, таламус, ретикулярная формация, эктоморфный, ноцицепция, температура, скорость нервных процессов.

ВВЕДЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ресурсом общества в любой стране и в любую эпоху являются, в первую очередь, люди, представляющие собой «интеллектуальный капитал». Талантливые лидеры могут сплотить общество для его оптимального развития.

Проблема исследования — изучение взаимосвязей формально-динамических свойств индивидуальности и лидерства. В изучении лидерства

¹Главный специалист, эксперт.

и его связи с индивидуальностью на сегодняшний день получены результаты, описывающие лишь отдельные части нервной деятельности, психики и поведения лидеров.

Целью нашего исследования было определение индивидуальности лидеров, характерной для групп, различающихся по уровню сплоченности.

В ходе исследования изучалась внутренняя структура человека, преломленная через мышление, деятельность, отношения, общение в системе: «континуальное своеобразие целостной индивидуальности – характеристики человека в социальной группе – акмеологический статус зрелой личности».

Исследование выполнено в русле положений, установленных школой дифференциальной психофизиологии Теплова-Небылицына.

Соотношение типа темперамента, экстраверсии/интроверсии и социометрического статуса было показано в работах В.С. Мерлина, А.И. Ильиной, А.Н. Лутошкина, Н.Н.Обозова, Г.В. Суходольского, Б.Г. Ананьева.

А.И. Ильина установила, что для флегматиков и сангвиников присущи контрастные черты в установлении и проявлении социальных контактов: скорость установления контактов (сангвиники устанавливают контакты быстро, флегматики – медленно); динамика отношений общения (первых характеризует изменчивость и непостоянство, вторых – устойчивость и постоянство); скорость реакции на проявления общающегося человека (сангвиники реагируют быстро, флегматики – замедленно); инициативность и активность в общении (сангвиники инициативны и активны, флегматики – пассивны).

В.С. Мерлин указывает на влияние возраста в этом соотношении: «...чем старше ребенок, тем чаще и в большей степени проявления темперамента маскируются отношениями личности» (цит. по: Коломинский,

2010, с. 331).

По данным Г.В. Суходольского, статус студента-лидера и нелидера в группе и на курсе связаны значимым коэффициентом детерминации. На это указывает Б.Г. Ананьев, обобщая результаты ряда исследований: «Экстравертированные занимают более или менее постоянное положение в малой группе и на курсе, в коллективе, причем, чаще всего относятся к предпочитаемым или к лидерам. Статус в малой группе у интровертированных лиц чаще всего отрицательный; их изолированность в малых группах – распространенное явление (цит. по: Коломинский, 2010, с. 333).

Г.В. Суходольским, Б.Г. Ананьевым, Я.Л. Коломинским, В.С. Мерлиным показана динамика социальных групп и динамика индивидуальностей в них. Что касается опосредованных взаимоотношений, то здесь более важную роль (по мнению Коломинского) играют не динамические, а содержательные качества личности (Коломинский, 2010).

Согласно теории Р. Стогдилла, альтруизм – характерная черта лидера (Бендас, 2009). В.П. Эфроимсон отмечает возможные предпосылки генетических основ альтруизма (Эфроимсон, 1995). Р. Арви, М. Ротундо, В. Джонсоном, М. Макгу получена корреляция лидерства в 0,48 для монозиготных близнецов и в 0,21 – для дизиготных, что говорит о значительном влиянии генетического фактора на лидерство (Arvey, Rotundo, Johnson, McGue, 2002).

Особый интерес представляют результаты, полученные в школе Теплова-Небылицына, на которые мы опирались в нашем исследовании.

Как показало психофизиологическое исследование, индивидуальные особенности антиципации содержат, как природные, конституциональные, генотипические характеристики, так и параметры, изменяющиеся под влиянием развивающейся деятельности. Развивая логику намеченного

обсуждения, можно включить в регуляторные детерминанты следующее: иерархию мотивов и потребностей человека, а в более широком контексте – образование, воспитание, обучение, а также установки и направленность личности.

В поведении уже в период антиципации, когда создается образ будущей, еще не реализованной моторики, входящей в механизмы достижения целей действий, межсистемные мозговые отношения согласуются с ожидаемыми событиями будущего, которые только еще планируются в предстоящем движении как действию.

В работе Т.Ф. Базылевич выявлен факт соотнесенности стратегии вероятностно-прогностической деятельности и характеристик психофизиологических процессов разных уровней организации «живого движения», реализующих развивающуюся и формирующуюся деятельность. Возможно, в данном эмпирическом факте проявляется «слияние» нейронального и психологического, о котором писал еще Иван Петрович Павлов.

Функциональные системы, условно названные квазигенетическими, содержат в своей структуре индивидуально-типологические факторы, которые являются стержневыми для организации признаков индивидуальности и входят в целостные психофизиологические образования развивающейся деятельности в качестве «прасистем» (Базылевич, 2013а).

В бесконечном процессе индивидуального развития в разного рода деятельности существуют определенные вехи, благодаря которым становится возможным индивидуальное обобщение в психофизиологии деятельности ее разнородных составляющих с образованием надситуативных синдромов нейро- и психофизиологических признаков. В реальном поведении индивидуально-характерные синдромы психофизиологических особенностей соотносятся с индивидуально обобщенными «блоками»,

такими, как стадия сформированности стратегии действий. Такого рода квазигенетические образования способны фиксировать в психофизиологии индивидуальности связи типа кумулятивных, свойственных для процесса психического развития, где результат развития каждой предшествующей стадии включается в последующую, трансформируясь при этом определенным образом (там же). Так может формироваться лидерское и не лидерское поведение.

«Сопряженность» функциональных систем развивающегося поведения с индивидуально-типологическими факторами может сказываться таким образом, что индивидом предпочитается определенный тип активаций, которые, исходя из прошлого опыта, наиболее благоприятны для «режима работы» в данного рода взаимодействиях со средой. В экспериментах Т.Ф. Базылевич это взаимодействие характеризовалось относительной «выпуклостью» событий, познавательной мотивацией и т.д. (там же).

Однако, если мы сможем познавать законы порождения системоспецифичных свойств инвариантных, надситуативных, характерных в своей топологии функциональных органов деятельности, классифицируя их в унифицированной системе координат целеполагания, то можно предвидеть реальные возможности опосредованного регулирования психофизиологических механизмов развития деятельности. Некоторые приемы такой регуляции, резко изменяющей с помощью психологических воздействий либо субъективную вероятность успешной реализации личностно-значимой цели, либо уровень автоматизированности образа действий на пути к этой цели, уже описаны в целом ряде работ. В частности, в данном контексте действенны способы искусственного повышения интереса к высоко или маловероятным событиям, введения какой-то сверхзадачи, внесения разнообразия в монотонную деятельность или, наоборот, облегчения заведомо трудных задач, поиска обходных путей их решения и т.д. (там же).

Можно заметить, что испытуемые, демонстрирующие тактику следования за событиями среды, тем самым искусственно усложняют деятельность, трансформируя уровни ее реализации (поскольку при этом изменяется и частота «успеха», и возможность стабилизации стратегии). Иные смещения индивидуализированных интегративных «блоков» вероятностно-прогностической деятельности происходят в результате реализации стратегии превышения и занижения вероятности частого события среды. Здесь происходит заметное облегчение условий, в которых решаются поставленные задачи вероятностного прогнозирования (там же). Следование за событиями среды, в терминах социальной психологии, – конформизм, а не следование – лидерство. Вероятно, можно говорить о том, что *лидерам свойственна лучшая среда для индивидуальности.*

Мозговой основой процессов, изучаемых дифференциальной психофизиологией и психологией целостной индивидуальности, является комплекс, состоящий из фронтально-лимбической системы, фронтально-ретикулярной формации, лобных долей (там же).

Вопросами, связанными с антиципацией, занимался А.Р. Лурия, считавший, что лобные доли связаны с механизмом антиципации, так как несут в себе функцию регуляции активности.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – люди, составляющие социальную группу, характеризующуюся низким уровнем сплоченности, осуществляющие общение и совместную деятельность.

Предмет исследования – индивидуальность лидеров в группах, характеризующихся низким уровнем сплоченности.

Выборку составили студенты-психологи УРАО очно-заочной формы обучения, обучающиеся на одном курсе (30 чел.).

Процедура исследования

Исследование включает два этапа.

Первый этап направлен на установление статистической связи типологической характеристики выраженности установки по параметрам иллюзии Шарпантье и потребности в лидерском поведении, выраженности лидерства (потребности, как самого лидера, так и группы в его лидерстве).

Второй этап ориентирован на установление генотипического телосложения лидеров, соответствующих параметрам иллюзии Шарпантье и установленных на первом этапе.

В качестве *метода исследования* использован квазиэксперимент.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый этап исследования

Для испытуемых получены параметры установки с использованием иллюзии Шарпантье. «Индекс иллюзии Шарпантье, по нашим данным, показал высокие статистические связи с индивидуальными особенностями изменения реактивных эффектов МВПП при значительных функциональных нагрузках. Результаты сопоставления выявили следующее. Выраженность фиксированной установки оказалась в обратной зависимости от показателя удобного темпа движений; параметр же их максимального темпа прямо коррелировал с этим индексом ($0,05 < p < 0,01$). Нейрофизиологический смысл этих отношений можно было вывести опосредованно через уже известные соотношения показателей в синдроме общего свойства силы. Отсюда «функциональная устойчивость – сила – связывается с более быстрым темпом движений, удобным для индивида, и с более медленным – максимально возможным темпом» (Базылевич, 2013а, с. 131).

Вторым параметром статистики служил показатель лидер или не лидер,

установленный на основе выявления потребности в лидерском поведении (назвали себя лидерами, а также группой были названы лидерами), а также посредством использования метода социометрии Морено – «выбор звезд», подходящий для данного уровня развития группы (Бендас, 2009).

В ходе эксперимента получены две крайние группы по критерию выраженности установки по иллюзии Шарпантье. Крайние группы определялись как части нормального распределения, отграниченные через среднеарифметическое плюс-минус две трети сигмы (по параметру выраженности установки). Для членов крайних групп установлено соответствие: лидерство или не лидерство. Достоверность различий выраженности/невыраженности иллюзии Шарпантье-установки (как одного показателя) и лидер/нелидер (как второго показателя) вычисляли по «критерию знаков» (Базылевич, Зюзин, 2011).

Второй этап исследования

Установлена типология выявленных лидеров из 1-й части исследования по их генотипическому телосложению с использованием подхода У. Шелдона – классификации на типы: эктоморфный, мезоморфный, эндоморфный.

По 1-й части квазиэксперимента выявлена значимая статистическая связь выраженности установки (по параметрам иллюзии Шарпантье – валидизация) (Базылевич, 1983) и потребности в лидерском поведении. При выраженности установки личность характеризовалась малой потребностью быть лидером в группе. Выраженные и уже состоявшиеся лидеры – напротив демонстрировали высокий уровень потребности в лидерстве (Базылевич, Зюзин, 2011).

По 2-й части квазиэксперимента: установлена типология выявленных лидеров по их генотипическому телосложению. Все выявленные лидеры с низкой установкой относились к эктоморфному типу (высокие, худые).

Относительно этого типа лиц У. Шелдоном установлена их крайняя чувствительность к боли (Асмолов, 2001).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Как уже отмечалось, в развитие исследования Т.Ф. Базылевич и К.Г. Зюзина было проведено исследование Т.Ф. Базылевич и Н.Р. Коро. В нем установлена статистически значимая ранговая корреляция между выраженной упроченной потребностью в лидерстве и величиной иллюзии Шарпантье ($k=0,67$ при $p<0,05$) (Базылевич, Коро, 2012).

В ходе анализа полученных результатов мы руководствовались двумя основными положениями.

Первое положение. Цель исследования и теоретического анализа – это определение индивидуальности лидеров, характерной для групп, различающихся по уровню сплоченности. Причем, эмпирическое исследование проводилось для группы с низким уровнем сплоченности. Вместе с тем, рассматривается также прогнозируемая индивидуальность лидеров, характерных для групп с высоким уровнем сплоченности, а также редкая, но важная индивидуальность лидеров «слабого» типа, по Павлову.

Второе положение. В ходе анализе приведена авторская интерпретация индивидуальности лидеров с использованием известной психофизиологической феноменологии.

Особенности психофизиологии лидеров эктоморфного типа (лидеров группы, характеризующейся низким уровнем сплоченности) определяются у них свойствами таламуса и ноцицептивной системы².

В.Д. Небылицын и Т.Ф. Базылевич в ходе исследований МВПП

²Зюзин К.Г. Предикторы лидерства, ноцицептивная система и таламус: Стендовый доклад на конференции «XIX школа-конференция молодых ученых по физиологии высшей нервной деятельности и нейрофизиологии». Москва, 27–28 октября, 2015.

(моторного вызванного потенциала пассивных движений) с использованием аминазина установили, что в ряде случаев аминазин не полностью подавляет чувствительность. В.Д. Небылицын связывал это с процессами, проходящими в таламусе: «У двух испытуемых при максимальной интенсивности мышечной стимуляции вновь наметилась тенденция к раздвоению негативного компонента... Возможно, появление второй полу-волны в конфигурации МВПП при максимальной стимуляции на фоне действия аминазина связано с усилением восходящих активационных влияний таламических отделов ретикулярной формации, которые менее чувствительны к действию данного фармакологического вещества» (цит. по: Базылевич, 2013а).

Как отмечает Н.П. Ерофеев, «все релейные ядра таламуса являются специализированными афферентными входами в кору больших полушарий от периферических рецепторов, например, вентробазальные ядра передают сенсорные сигналы от поверхности тела и от мышечных рецепторов в соматосенсорную кору. Поэтому уже на уровне этих ядер в таламусе имеется возможность воспринять тактильные ощущения от кожи мышц и суставов» (Ерофеев, 2014).

Выявленные в проведенном исследовании лидеры, соответствующие эктоморфному типу, в чем-то похожи на холериков, но это не холерики. Особенность функционирования их мозга, психики описывается моделью колебательного контура со следующими свойствами: 1) большая и инерционная сила взаимосодействий коры и таламуса через возбуждающий нейромедиатор глутамат; 2) возбуждающее действие коры и таламуса на ядра ретикулярной формации; 3) тормозное (накапливаемое) влияние нейронов ретикулярной формации через нейромедиатор ГАМК (гамма-аминомасляной кислоты) на нейроны таламуса и коры больших полушарий головного мозга, как механизм обратной связи; 4) взаимосодействие коры и таламуса, с одной стороны, и ретикулярной формации, с другой, происходит с большой

амплитудой. Этот механизм ранее установлен в исследованиях D.L. Robinson, но скорее всего не для холериков (Robinson, 2010). И вообще ни один из типов, по Павлову, к эктоморфному типу не применим.

Таламус – центр ноцицептивной системы нервной системы человека (Расстройства ..., 2014).

Ноцицептивная система чувствительна к более сильному раздражению.

Люди с высоким уровнем невротизма, по показателям Г.Ю. Айзенка (что соответствует эктоморфному типу), с высоким уровнем дисперсии по интроверсии/экстраверсии внутри группы, обладают более низким порогом болевой чувствительности (Paine, Worthen, Gregory, Thompson, Aziz, 2009).

В ноцицептивной системе человека найдены зеркальные нейроны, которые, возможно, нужны для подсознательного понимания одних людей другими (через боль) (Рамачандран, 2015).

В.Г. Зазыкин и Е.А. Смирнов выделяют две крайние формы лидерства, связанные с «паранойяльной» и «истероидной» психопатиями (Зазыкин, Смирнов, 2010). Известно, что выраженные исторические лидеры, которых невозможно сместить, ибо они стремились до последнего момента не оставлять свой пост, имели выраженную «паранойяльную акцентуацию». Возможно, это *лидеры эктоморфного типа*. Их мозг, психика реализуются в действиях, деятельности, общении как инерционно-интегрирующая система, описанная D.L. Robinson. Вероятно, лидер эктоморфного типа (лидер группы, характеризующейся низким уровнем сплоченности) согласует действия членов группы. Цель лидера направляет цель группы.

Известно, что лидеры имеют низкие исходные уровни кортизола в крови, в отличие от не лидеров и становящихся лидерами (Sapolsky, 2012). А кортизол – гормон стресса. При повышении содержания кортизола величина уровня постоянного потенциала увеличивается (Фокин, Пономарева, 2002).

Активация коры от ретикулярной формации – повышенная у высокоактивированных (Базылевич, 2013). Творческие люди часто являются высокоактивированными (слабый тип, по И.П. Павлову), так как не лидерство и достижение лидерства – неблагоприятная среда из-за высоких уровней кортизола (стресса), чрезмерной активированности (уставания) корковых клеток. Если организм не сильно пострадал от стресса, то высокоактивированные способны продвигать в жизнь общества полезные новшества.

Возможно, в группах, характеризующихся высоким уровнем сплоченности при выполнении общей задачи, общении, экологичен другой тип лидеров – сангвиники, в терминах И.П. Павлова. Особенности психофизиологии таких лидеров – влияние свойств лобных долей (Голдберг, 2003); большая физическая сила, вкладываемая в осуществление деятельности, совпадающей с целью группы и решаемой ею задачей (психофизиологическим основанием служат развитые лобные доли); большая сила торможения, направленного со стороны ретикулярной формации (в случае ее активации) на нейроны коры и таламуса; малая сила возбуждающего действия от таламуса и коры; небольшая амплитуда колебательного контура, состоящего из: 1) таламуса и коры, 2) ретикулярной формации – установлены Robinson для сангвиников (Robinson, 2010).

В дальнейшем мы планируем исследовать лидерство в социальных группах, характеризующихся высоким уровнем сплоченности, и, возможно, получим средние значения иллюзии Шарпантье для таких лидеров.

Ранее установлено, что температура и ноцицептивная чувствительность коррелируют. Температура меняет параметры физико-химико-биологических реакций – параметры проведения нервного импульса. В связи с этим можно предположить *большую скорость прохождения нервных процессов у лидеров эктоморфного типа*. Для лидеров развитых сплоченных групп возможна большая стабильность нервных процессов.

Можно ли говорить о системном факторе «ноцицептивная чувствительность»?

О системном факторе «ноцицептивная чувствительность» можно говорить в отношении *лидеров эктоморфного типа*. За счет этого свойства их нервной системы происходит быстрая реакция на события среды; осуществляется предугадывание событий среды благодаря более развитой чувствительности к сильным изменениям. Это отличает эктоморфных лидеров от обычных сангвиников, в терминах И.П. Павлова. Для сангвиников характерна большая выносливость и меньшая приспособленность к резким изменениям. Этот фактор также позволяет лучше понимать лидерами эктоморфного типа людей слабого типа, по Павлову.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В ходе исследования выявлены индивидуальности лидеров через доказанные нейрональные особенности.

2. Можно говорить о системном факторе «ноцицептивная чувствительность». Известно, что температура и ноцицептивная чувствительность коррелируют, и температура меняет параметры физико-химико-биологических реакций – параметры проведения нервного импульса. А особенности психофизиологии лидеров эктоморфного типа – свойства таламуса и ноцицептивной системы у них. В связи с этим можно предположить большую скорость прохождения нервных процессов у лидеров эктоморфного типа. Для лидеров групп, характеризующихся высоким уровнем сплоченности, возможна большая стабильность нервных процессов. Ноцицептивная чувствительность определяет особенности лидерских качеств.

3. Возможность типологического разделения лидеров соответствует принципу доминанты А.А. Ухтомского, а также уровням сознания на основе

нейропсихологии (А.Р. Лурия, Е.Д. Хомской): для эктоморфного типа доминанта чаще всего, вероятно, находится в таламусе; для слабого типа – в ретикулярной формации; для сангвиника, в терминах И.П. Павлова, – в лобных долях. Вероятно, такова структура процессов мозга в индивидуальности.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 2001.

Базылевич Т.Ф. Дифференциальная психофизиология и психология: ключевые идеи: Монография. М., 2013а.

Базылевич Т.Ф. Психология высших достижений личности (психоакмеология): Монография. М., 2013б.

Базылевич Т.Ф., Зюзин К.Г. О типологических предикторах лидерства в структуре целостной индивидуальности // Инновационные технологии в образовании: субъектность, ресурсность, технологичность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в Университете Российской академии образования 13 ноября 2011 года / Под ред. Т.П.Скрипкиной. М., 2011. С. 41–46.

Базылевич Т.Ф., Коро Н.Р. О континуальности типологической сферы «общие свойства нервной системы – особенности установки – лидерство в социальной группе» // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Бендас Т.В. Психология лидерства: учебное пособие. СПб., 2009.

Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация / Пер. с англ. Д. Бугакова. М., 2003.

Ерофеев Н.П. Физиология центральной нервной системы: учебное пособие. СПб., 2014.

Зазыкин В.Г., Смирнов Е.А. Психология и акмеология лидерства. М., 2010.

Коломинский Я.Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. Учебное пособие для психологов, педагогов, социологов. М., 2010.

Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / Пер. с англ. Е.Чапелъ. Под ред. К.Шипковой. М., 2015.

Расстройства психосоматического спектра: патогенез, диагностика, лечение: руководство для врачей / Под ред. Г.И. Сторожакова, В.К. Шамрея. СПб., 2014.

Фокин В.Ф., Пономарева Н.В. Энергетическая физиология мозга. М., 2003.

Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995.

Arvey R.D., Rotundo M., Johnson W., McGue M. The Determinants of Leadership: The Role of Genetic, Personality and Cognitive Factors //The Journal of Applied Psychology. January 2002. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/5100615_The_Determinants_of_Leadership_The_Role_of_Genetic_Personality_and_Cognitive_Factors

Paine P., Worthen S.F., Gregory L.J., Thompson D.G. and Aziz Q. Personality Differences Affect Brainstem Autonomic Responses to Visceral Pain // Neurogastroenterology&Motility. 2009. Vol. 21. Iss.11. P.1155–1163.

Robinson D.L. Psychological Differences Associated with Individual Differences in the Physical Properties of Thalamocortical Oscillators // Proceedings of the 25th Annual Meeting of the International Society for Psychophysics. 2010. P. 19–36.

Sapolsky R.M. Importance of a Sense of Control and the Physiological Benefits of Leadership // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2012. Vol.109. №44. P. 17730–17731.

THE IDENTITY OF THE LEADERS ACCORDINGLY WITH UNITY

LEVEL OF THE GROUPS

K.G. Zyuzin*

**Chief specialist, expert of the Main Department № 4 in Moscow and MO of the Pension*

Fund of the Russian Federation

Abstract. The identity of the leaders is considered in the article. The development level of the cohesion of the group is considered as the optimal environment of its leader. The identity of the leaders is defined accordingly with characteristic of the groups. These groups are differing on unity level. The identity of the leader of "weak" type is considered. "Weak" is the term by Pavlov. This type of the leader is rare, but important. The leaders are differed by characteristics of psychophysiology and typology.

Keywords: Pavlov, Teplov, Nebylitsyn, Luria, Bazylevich, cohesion, leader, identity, illusion of Sharpantie, thalamus, reticular formation, ectomorphic, nociception, temperature, speed of nervous processes.

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В ПАРАДИГМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМПОМЕТРИИ¹

*С.В. Тихомирова*², В.П. Позняков*³, Т.С. Вавакина*⁴, Т.А. Нестик*⁵*

**ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия;*

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация: Психологическая темпометрия – новое направление в психологии. Естественно-научный подход к изучению субъективного времени впервые применяется в отечественной психологии. Качественно новым решением является переход от изучения восприятия времени к собственно изучению феномена субъективного времени. Важнейшими теоретическими положениями С. Л. Рубинштейна, которые развиты в психологической темпометрии, являются понятие вектора применительно к субъективным временам, проблема «текущей диалектики временных определений», понятие напряжения временного отрезка, закон заполненных временных отрезков, координатная система единиц измерений субъективного времени, привязанная к естественной отправной точке, коей является настоящее мгновение. Авторами предложена теоретическая модель субъективных времен человека на основе естественно-научного подхода. Свободный человек обречен делать бессознательный, интуитивный или сознательный выбор также и среди временных направлений. Уже отсюда следует, что субъективное время не одно, а несколько направлений, при этом одно из времен в каждый момент является доминирующим.

Ключевые слова: темпометрия; субъективное время; естественнонаучный подход; С. Л. Рубинштейн; восприятие времени

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 15-06-08249.

² Научный сотрудник, кандидат психологических наук

³ Главный научный сотрудник, доктор психологических наук, профессор

⁴ Ассоциированный сотрудник, кандидат психологических наук

⁵ Заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, профессор РАН, доктор психологических наук

ВВЕДЕНИЕ

Начало исследований субъективного времени в психологии практически совпадает с началом развития самой психологической науки. При этом проблема субъективного времени сразу стала центральной в научной психологии (Hancock, Block, 2012). В. Джеймс показал эту центрированность в его классической работе «Основы психологии» (James, 1890), где прошедшее время было функцией внимания и памяти, эти важнейшие феномены являются самыми исследуемыми и изученными на сегодняшний день. Дальнейшее развитие исследований проходило в основном в русле восприятия времени, хотя нельзя не отметить, что изучалась также и взаимосвязь субъективного времени и висцеральных процессов и ритмов у человека. Также были предприняты попытки исследовать субъективное время через биологические процессы организма человека. Самые новые идеи в области субъективного времени относятся к исследованию объективных групповых процессов и групповых ритмов (Нестик, 2014). К естественно-научному подходу в исследованиях субъективного времени также можно отнести психофизиологические исследования памяти, внимания, церебральных структур головного мозга, связанных с временными ориентациями.

Психологическая темпометрия предлагает исследование субъективного времени с позиций естественно-научного подхода.

В настоящей статье представлены теоретические основания и основные положения психологической темпометрии как нового научного направления в психологии, а также результаты проведенной серии экспериментов и исследований.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

С. Л. Рубинштейн рассматривал феномен восприятия времени, однако, его теоретические положения предвосхитили развитие нового направления психологии — психологической темпометрии. В работах классика психологии и философии мы нашли множество идей и подсказок, разработка которых в русле естественно-научного подхода и явилась теоретической основой психологической темпометрии. Особое значение для нас имеет работа С. Л. Рубинштейна «Восприятие времени», являющаяся не только главой лучшего учебника психологии «Основы общей психологии», но и глубоким теоретическим анализом проблемы психологического времени (Рубинштейн, 2002: 249–256). Книга С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» содержит предположение об «объективности» субъективного времени, его относительности для наблюдателя и наблюдаемого: «Субъективно переживаемое время — это не столько кажущееся, в переживании якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни (поведения) данной системы — человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека» (Рубинштейн, 2012: 47).

В основе развития психологической темпометрии лежат основные положения и предположения С. Л. Рубинштейна по теме восприятия времени, там же мы нашли несколько перспективных направлений для научного поиска. Обращаясь к работам С. Л. Рубинштейна о восприятии времени как к теоретическому первоисточнику, можно найти основания и направления для продуктивного развития исследований субъективного времени и переходу от «чувства времени» к непосредственно феномену субъективного времени.

В работе «Восприятие времени» С. Л. Рубинштейна содержится важное положение, что полное разрешение трудностей, связанных с текучей

диалектикой временных определений, требует принятия одной общей системы координат с постоянной точкой. Для разрешения этих трудностей предлагается эту постоянную точку рассматривать как движущуюся в объективном времени и, кроме этого, рассматривать все вектора времен («вектор времени» — термин С. Л. Рубинштейна) исходящими из этой движущейся точки. Начала всех векторов возникают в этой движущейся точке времени. Далее естественно задать вопрос — на что же направлены эти вектора? Вектора направлены на потребности, квазипотребности, желания субъекта. Человек имеет некоторое множество таких потребностей. Каждая потребность имеет свой вектор субъективного времени. Вектора в предметно-потребностном плане устремлены по разным направлениям на расположенные в предметном поле предметы потребностей. Во временном плане, в самом первом приближенном определении, вектора направлены из этой точки в будущее. Вектора в движущейся точке на объективном времени, в которой находится одна общая система координат, меняются как по мере течения объективного времени, так и по волеизъявлению субъекта. Эта точка — точка настоящего мгновения жизни. Все эти вектора субъективных времен вместе с тем параллельны друг другу и параллельны ходу объективного времени. Имеет место движущаяся параллельность векторов из настоящего в будущее. Вектора различаются так, что через «призму» этих векторов восприятие одного и того же интервала объективного времени по разным направлениям различно. Если использовать геометрическую, т. е. пространственную, аналогию в темпометрии, то это выглядит как различные проекции разных времен на общую шкалу объективного времени. В темпометрии мы рассматриваем и такой феномен, как восприятие времени. Восприятие времени (по сути — проецирование какого-либо интервала объективного времени на разные вектора субъективных времен) в этой аналогии будет проекцией воспринимаемой длительности на разные субъективные шкалы. Изменения

шкалы возможны как для сжатия, так и для растяжения. Такое помещение векторов времени на движущейся точке является новым подходом к описанию субъективно-временной динамики.

Все субъективное время представляется как пучок субъективных времен, параллельных объективному времени. Субъективное время — многомерное «пространство» векторов. Субъективное время — набор направленных (делений, биений, колебаний) времен. Такое представление субъективных времен как системы координат, в которой происходит ориентировка во времени, соответствует определению времени С. Л. Рубинштейном как вектора: «поскольку время — направленная величина (вектор)» (Рубинштейн, 2002: 304).

Кроме направленных величин — векторов, имеют место возникающие напряжения. «При незаполнении же переживаемого времени в переживании обычно создается томительное напряжение», искажающее восприятие времени (там же: 303). Напряженное направление по времени может быть напряжено двояко: имеет место «натянутое» или, наоборот, «растянутое время». «Время ожидания желательного события в непосредственном переживании томительно удлиняется, нежелательного — мучительно сокращается», — пишет С. Л. Рубинштейн (там же). Эти два по-разному искажающих время варианта представляют по-разному напряженный вектор. Математическим аналогом можно считать тензор (расширение понятия «вектор» на пространства векторов и функционалы над векторным пространством). Основная сложность, возникающая на пути применения тензорного исчисления, состоит в том, что сами координаты меняются. И эти координаты суть вектора из настоящего мгновения в будущее. Пока не было никаких попыток применить тензорное исчисление к такой подвижной системе координат, привязанной к настоящему мгновению, системе, в которой время может удлиняться и укорачиваться.

Отмеченная С.Л.Рубинштейном господствующая (доминирующая) направленность, как она есть в диалектическом движении, подразумевает выбор и последующую господствующую направленность. Свободный человек обречен делать бессознательный, интуитивный или сознательный выбор также и среди временных направлений. Уже отсюда следует, что субъективное время не одно, а несколько и имеет разные направления. Такое естественное расширение следует из отмеченной С. Л. Рубинштейном направленности, имеющей свойство детерминанты. Результирующая, определяющая направленность субъективного времени возникает на сделанном сравнении и на выборе по меньшей мере из двух направленностей и признании, осознании и выборе, в какой-либо форме ощущения или сознательного выбора личностью этой господствующей направленности. Поскольку речь идет о переживаемой длительности и ее отклонениях от объективного времени в ту или иную сторону, то возникает проблема: как именно среди нескольких направленностей (векторов, тензоров) происходит выбор, каковы как на бессознательном, так и на сознательном уровне психического отражения механизмы выбора субъективного времени у личности.

Остаются вопросы и о том, на каком уровне психического отражения такой выбор происходит. Эти вопросы можно сформулировать иначе: продолжать ли вслед за В. Вундтом и С. Л. Рубинштейном обрамлять в кавычки «чувства времени» и «чувство времени». Приведем в качестве примера слова С. Л. Рубинштейна: «У нас имеется некоторое непосредственное переживание, ощущение или “чувство” времени» (Рубинштейн, 2002: 302). Диалектический подход С. Л. Рубинштейна обязывает рассматривать противоположности явления в их развитии.

МЕТОД ТЕМПОМЕТРИИ

Естественно-научный подход к проблеме субъективного времени требует создание нового метода измерения субъективного времени.^[LSEP] Психологическая темпометрия предлагает новый метод - **Метод продуцирования произвольных по продолжительности равных интервалов времени (РАЕТИ - production of arbitrary equal time intervals)**. Темпометрия, в значении этого термина как метода, получает и исследует данные о продуцировании «любых равных временных отрезков» без какого-либо предварительного представления внешних стимулов, сенсомоторных синхронизаций и без задания конвенциональных интервалов. Обработываются и исследуются различные соотношения между продуцированными интервалами. Все эти интервалы, в разной степени интенсивности и равномерности, продуцируются как отражение субъективных процессов. В свою очередь, эти внутренние процессы можно дополнительно моделировать в условиях классического лабораторного эксперимента.

В методе есть некое сходство с проективными тестами, в которых имеется возможность отразить вовне внутренние психические процессы. Метод продуцирования любых равных интервалов не вносит возмущения в течение субъективных времен, но допускает возможность в лабораторных условиях вносить возмущения и обеспечивать эмоциональные и когнитивные воздействия на испытуемого для проверки гипотез.

Здесь уместно привести описание известных методов и отметить их существенные отличия от предлагаемого нами метода продуцирования любых равных интервалов времени (РАЕТИ). Можно выделить четыре основных метода исследования, используемых до настоящего времени (Тихомирова С.В., Позняков В. П., 2017):

- Метод вербальной оценки, представляющий из себя представление испытуемому интервала времени и последующего вербального выражения

оценки прошедшего интервала в единицах времени, таких, как минуты или секунды

- Метод воспроизведения, когда испытуемому представляется (в виде постоянного звука или вспышки) интервал времени, и он должен воспроизвести указанный интервал некоторым образом
- Метод продуцирования, когда испытуемому дается длина интервала в единицах времени, и испытуемый должен воспроизвести указанную продолжительность
- Метод сравнения, когда испытуемый должен решить, какой из двух представленных интервалов времени короче.

Особенность первого метода заключается в опосредовании чистой исследуемой субстанции вербальными оценками. Своеобразный словесный перевод полученных результатов самим испытуемым для экспериментатора того, что, как ему кажется, есть его "чувство" времени. На первый взгляд, самым близким к методу РАЕТИ выглядит третий из перечисленных метод. Однако, есть существенное отличие: в третьем методе при продуцировании навязываются внешние целевые интервалы во временных единицах отсчета времени, а в методе РАЕТИ предлагаются собственные любые "свободные" интервалы участника эксперимента. Подобное «навязывание» является общим свойством всех перечисленных методов. Темпометрия предлагает выйти за границы этих методов и не навязывать внешние временные интервалы для преодоления противоречия между предметом исследования и методом.

Метод продуцирования (production), в том виде, в котором он использовался до сих пор в исследованиях, отличает предварительное

навязывание объективных единиц времени, предварительное обучение, демонстрация эталонов, предъявление стимулов и других рамок, сформулированных заранее. В работе Дидье Делиньер, Лек Лемон и Керстин Тор (Didier Delignières, Loïc Lemoine, Kjerstin Torre, 2004) описывается метод воспроизведения, когда испытуемые сначала должны были синхронизировать свои удары с метрономом, потом метроном удалялся, а испытуемые должны были продолжать выстукивать ритм в первоначальном темпе.

НОВИЗНА МЕТОДА РАЕТИ

Предлагаемый метод является развитием метода продуцирования интервалов. Нововведение в метод продуцирования интервалов заключается в том, что испытуемый сам выбирает свои личные интервалы, и эти интервалы могут быть любые, без какого-либо навязывания извне. Кроме этого, в рассмотрение и анализ включаются и промежутки между продуцируемыми интервалами. Метод может быть отмечен в качестве отдельного, пятого метода к упомянутым выше известным четырем методам. Главное отличие заключается в полном отсутствии навязанных извне синхронизаций и эталонов. При обработке первичных данных берется в рассмотрение один человек, не выводятся средние групповые показатели, вроде средней температуры у больных в больнице, а исследуются изменения каждого испытуемого в зависимости от внешних условий. Несмотря на сходство некоторых из феноменов индивидуальной и социальной психологии времени (например, временная ориентация, временная перспектива), в основе их формирования лежат разные психологические механизмы, следовательно, метод (или хотя бы методический прием) для исследования групповых феноменов времени должен быть разработан отдельно.

Предлагаемый новый метод отличается и от метода спонтанных интервалов тем, что РАЕТИ предлагает испытуемому продуцировать равные интервалы, а не любые спонтанные интервалы. Первичные результаты замеров берутся в анализ без каких-либо усреднений и фильтраций, то есть в естественном виде, как они продуцируются. Метод, как и модель, должен как можно меньше искажать реальную психическую действительность и быть более адекватными ей, быть более приближенными к наблюдаемой психической действительности.

Метод продуцирования любых равных интервалов является основным в психологической темпометрии. Вариаций применения метода РАЕТИ может быть достаточно много, чтобы провести сравнение и выявить влияние, например, эмоциональных и когнитивных нагрузок на течение субъективного времени. Если человеку предложить продуцировать равные любые интервалы равной длительности, то это окажется невозможным при наличии любой достаточно сильной потребности. Метод изначально провокативный, так как утверждение о сохранении единичного интервала при любом произвольном преобразовании системы координат в поле сильной потребности не имеет психического смысла. Интервалы меняются, и абсолютно равные интервалы не могут быть продуцированы. Это вовсе не означает, что в повседневной жизни человек не способен отмерять равные интервалы, но они равны лишь с той точностью, какая устраивает человека. Точное восприятие и отмеривание длительности в секундных и минутных диапазонах играет важную роль в повседневной деятельности. Высокая точность продуцирования наблюдается у музыкантов после многолетних тренировок, лишь на короткие интервалы - для них соблюдение авторских музыкальных темпов имеет психический смысл профессионального исполнения музыкальных произведений. Masashi Yamada (Masashi Yamada, Noboru Masuda, Hiromi Hashimoto, 2004) применил метод продуцирования

навязанных равных временных интервалов. Им был обнаружен феномен возникновения паттернов в процессе отмеривания.

Навязываемое внешнее обременение при продуцировании представляется излишним для исследования субъективных времен - и в этом новизна предлагаемого метода продуцирования. Субъективные обременения проявят себя в рисунках темпограмм, отличающихся от идеального равномерного отмеривания интервалов. Необходимость нового метода без синхронизаций с чем-либо извне, который бы не навязывал человеку ничего в качестве эталона, назрела. Лингвистическое опосредование результатов через вербальные оценки также должно быть исключено. Вместе с тем, этот метод демонстрирует своеобразный разворот от многолетней исторически сложившейся формулировки темы как "восприятие времени" к продуцированию субъективного времени. Воспринимать предлагаемые извне интервалы и продуцировать собственные, да такие, что представляются или ощущаются человеком как равные - совсем разные подходы к методу исследования. Вместе с тем, как в классическом методе, отмеченным еще Вильгельмом Вундтом в качестве простейшего из всех психологических методов измерений, сохраняется требование достижения равенства двух ощущений, но со смещением интереса с интенсивности ощущений на длительность отмеряемых равных временных отрезков. Если даже оставаться в парадигме "Восприятие времени", все равно остаются вопросы о том, что воспринимается, и если воспринимается время, то какое время каких движений на каждом из уровней психической деятельности воспринимает человек при продуцировании последовательных равных интервалов. Особенно в свете закона заполненного временного отрезка (С.Л. Рубинштейн) открываются иные возможности для планирования и проведения исследований.

Теоретическим источником может служить закон эмоционально

детерминированной оценки времени С.Л. Рубинштейна. Спектр возможностей для экспериментальных исследований будет отражением широкого спектра человеческих эмоций. Поскольку биологическая роль эмоций сигнальная на шкале от «приятно» до «неприятно», то помещение человека в соответствующие ситуации будет достаточным для исследования субъективных времен, что и используется в исследованиях. Другие возможности открываются при создании ситуаций на правой стороне шкалы «безопасно» - «опасно», которые сопровождаются эмоциями испуга, страха, тревоги, стресса отчаяния, гнева, чувства оскорбления, ненависти, зависти, ярости, злобы, отвращения, ужаса и иными.

Необходимо отметить одно важное следствие. Уровни, на которых происходит информационное наполнение временных интервалов, могут быть разные - это уровни психического отражения мира и себя в мире. В соответствии с законом С.Л.Рубинштейна о заполненности временных интервалов интервалы не могут быть пустые, бессодержательные. Часто информационное наполнение сводится к висцеральной чувствительности. В частности, на разных уровнях психического отражения могут быть созданные ситуации с задержками в завершении начатого, в которых рефлекс цели будет требовать от человека завершения. Задержки на разных уровнях достижения цели как по содержанию, так и по времени могут быть самыми разными. Ситуации нетерпения, неудовлетворенности собой, нанесенного оскорбления, потери денег, сильного сомнения. С другой стороны спектра это ситуации счастья, удовольствия, любви, чувства безопасности, радости, приятного предвкушения, уверенности, чувства облегчения, состояния творческого подъема и вдохновения.

Метод допускает расширение списка возможностей. Можно попросить отмерять любыми равными интервалами временную последовательность Фибоначчи, арифметическую и геометрическую

прогрессии; логарифмическую зависимость Вебера-Фехнера, степенную Стивенса; отмерять последовательно любые равные пары «один длинный-один короткий» и т.п.

Часто встречающиеся в жизни ситуации волевой детерминации, в которых имеют место быть две внутри противоречивые тенденции. Дополнительные условия позволяют провести сравнение воли и релаксации посредством внесения в задание требования либо напрячься и сконцентрироваться при выполнении задания, либо максимально расслабиться. С выяснением установлением одного из этих двух условий как предпочтительного или преобладающего у данного человека.

Для проведения лабораторных экспериментов спроектирован и разработан аппаратно-программный комплекс, в котором реализован вышеописанный метод.

ЭКСПЕРИМЕНТ

В 2017 году завершено экспериментальное исследование по измерению влияния различных воздействий (нагрузок) на субъективное время человека. В качестве нагрузок к испытуемым применялись звуковые эмоциональные воздействия, физические и когнитивные нагрузки. Эксперимент проводился в классах учащихся общеобразовательных школ, элитных и профессиональных колледжей Челябинской области, около 10 человек из класса приняли участие в эксперименте. Исследовалось влияние «нагрузок» на течение психологического времени испытуемого

Цель и описание эксперимента. Целью эксперимента является выяснение влияния различного рода воздействий (эмоциональных, когнитивных, физических) на течение субъективного времени. Для этого испытуемые должны отмерять равные (с их точки зрения) и любые по длительности интервалы времени после воздействия. Сначала делался

контрольный замер, который обозначается условно как «без нагрузок». Вариантами воздействия были: приятные (природные) и неприятные звуки, музыкальные отрывки классической, бравурной и тревожной музыки, решение задач, легкая и более сложная физическая нагрузка в виде приседаний. Эксперимент заключается в измерении продуцированных испытуемым «любых равных временных отрезков» после каждой нагрузки. В процессе эксперимента испытуемый нажатием на клавишу мыши фиксирует необходимое количество равных интервалов (измеряется время от нажатия до отпускания клавиши), после чего он получает на экране график отмеренных интервалов. Каждый испытуемый после нагрузки отмерял равные интервалы.

Для проведения эксперимента был разработан программный комплекс, состоящий из программы-клиента, размещаемого на компьютере испытуемого и удаленного сервера, который обеспечивает сбор всех данных и визуализацию эксперимента. Внешний вид интерфейса представлен на рисунке

РАВНЫЕ ИНТЕРВАЛЫ

Отмерьте 12 равных интервалов. Посмотрите на графике ниже, насколько они равны.

[Показать полностью текст](#)

12
(интервалы)
КЛИКАТЬ

Повторить

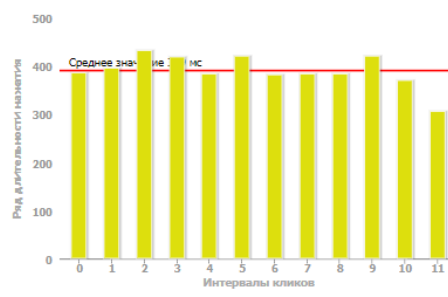

Рис. 1 Интерфейс программно-экспериментального комплекса (интерфейс испытуемого после отмеривания

12 равных интервалов)

Эксперимент проводится в компьютерном классе (у каждого испытуемого на компьютере работала программа, фиксирующая длительности интервалов и длительности промежутков между отмеряемыми интервалами) с доступом в интернет и оборудованном колонками на компьютере руководителя достаточной мощности, чтобы звук был хорошо слышен.

Описание выборки. Эксперимент проводился в мае 2017 года в одном из ЗАТО Челябинской области. В эксперименте участвовало 135 человека, Участниками эксперимента были учащиеся колледжа, лицея и общеобразовательных школ города в возрасте от 15 до 23 лет. 108 учащихся из элитных колледжей, 27 человек из общеобразовательной школы. Всего было проведено 15 тестов в группах по 10 человек. Мужчин было 68, женщин 67, 48 назвали себя музыкантами, 87 не считают себя музыкантами.

Измеряемые параметры. Исходными измеряемыми параметрами были длительности нажатия испытуемыми кнопок мыши. Инструкция для испытуемых позволяла в каждом тесте делать разные длительности интервалов, от испытуемого требовалось только сделать их равными. Поэтому мы имеем возможность сравнивать абсолютные значения интервалов в том виде, в котором они были измерены.

Анализируемые параметры. Исходя из сути метода продуцирования любых равных временных отрезков, можно обрабатывать и анализировать не только абсолютные длительности удерживания нажатий, но и их относительные значения. соотнося со средним значением по одному испытанию, тем самым выполнить нормирование по среднему значению одного теста. По относительному изменению интервалов в рамках одного теста мы можем судить о влиянии конкретного воздействия (например,

когнитивной нагрузки) на течение субъективного времени человека. В качестве таковых относительных значений был выбран логарифм отношения отдельной длительности нажатия к среднему значению длительности нажатия в конкретном тесте (в котором испытуемый продуцировал предположительно равные интервалы). За целесообразность выбора такого преобразования исходных данных для анализа субъективного времени человека можно привести следующие аргументы:

1. Усредняя в отдельном испытании замеренные интервалы, мы задаем меру измерения в этом эксперименте, а также приводим все измерения в испытании к одному масштабу. Этот масштаб выбран самим испытуемым, и мы, таким образом, получаем в отдельном испытании эталон равного отрезка.
2. Выбор отношения интервалов к «эталону» (среднему значению в испытании) как показателя изменения субъективного времени ввиду воздействия позволяет привести все испытания к одной шкале, не имеющей размерности.
3. Логарифмическая шкала позволяет привести к одной шкале отклонения в большую и меньшую сторону, так как уменьшение интервала вдвое должно учитываться точно так же, как и его увеличение вдвое, что при использовании линейной шкалы невозможно. При применении линейной шкалы разница между парами значений с одинаковым отношением будет разной, например, 0.5 и 1, 1 и 2 будет 0,5 и 1 соответственно, что приводит к увеличению значимости длинных интервалов. При использовании логарифмической шкалы разность между парами преобразованных значений с равными отношениями будет одинаковой. Для предыдущего примера и логарифмировании по основанию 2 разница в обоих случаях будет 1.

Закономерно предположить, что влияние воздействия должно уменьшаться со временем в течение одного испытания, для оценки влияния воздействия на субъективное время было взято значения наклона линии линейной регрессии для данных относительных интервалов в логарифмической шкале.

Соотношение субъективного и объективного времени (Рис. 2) можно представить в виде некоторой (монотонно возрастающей, так как в любом случае не может быть нарушена последовательность событий) функции. Производная от этой функции (угол наклона касательной к графику) представляет собой как раз растяжение или сжатие времени в конкретной точке.

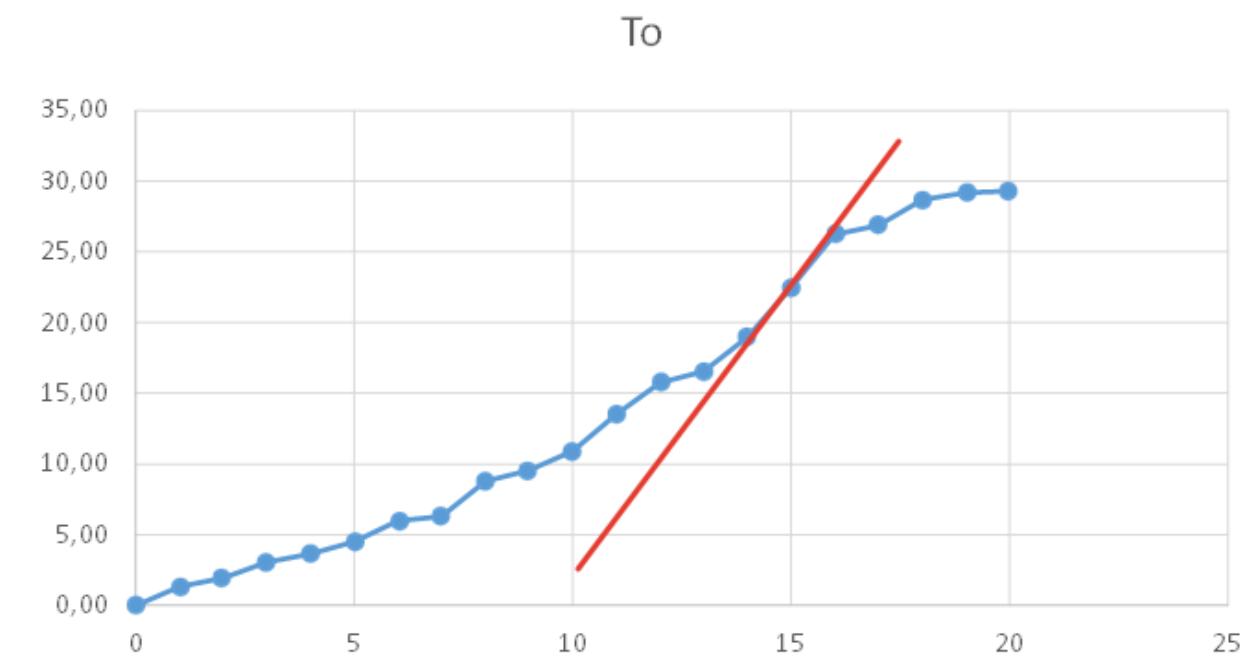

Рис.2. Соотношение субъективного и объективного времени.

Для каждой исследуемой группы создавался массив данных наклонов во всех или в одном анализируемом эксперименте, после чего исследовалась достоверность отличия значений наклона определенных групп друг от друга.

В качестве критерия значимости различия результатов воздействий на субъективное время испытуемых использовался двухвыборочный t-критерий Стьюдента для выборок с различными дисперсиями.

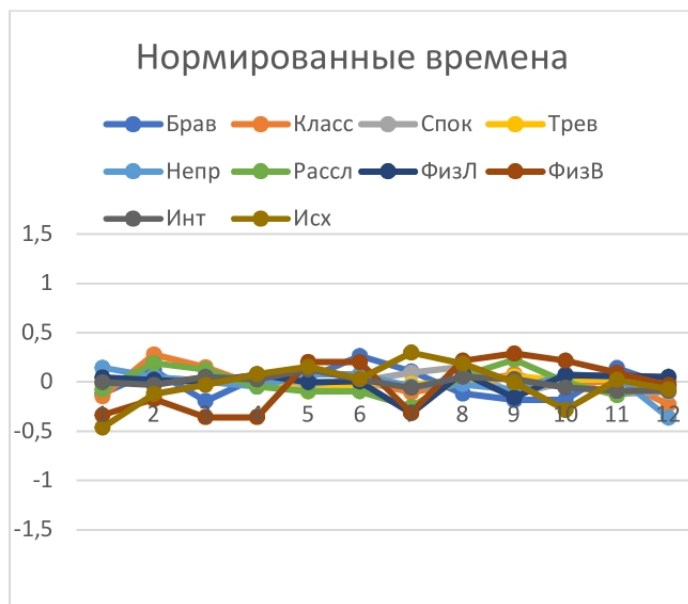
Для анализа использовался статистический аппарат MS Excel

ВИДЫ ВЛИЯНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ ИСПЫТУЕМЫХ

Выявлены различные модели влияния воздействия на субъективное время. На рисунках показаны графики нормализованных отмеренных интервалов в логарифмической шкале.

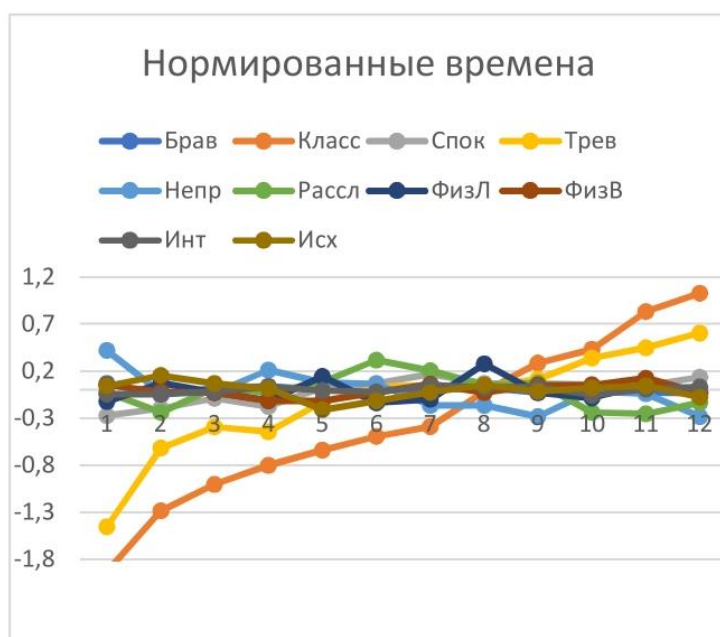
Маловыраженный тренд изменений с разбросом

Примером такой модели является испытуемый: женщина, 18 лет, Колледж искусств со специализацией музыка (музыканты)

Различные типы воздействия практически не оказывают устойчивого влияния, но наблюдается определенная неравномерность течения субъективного времени

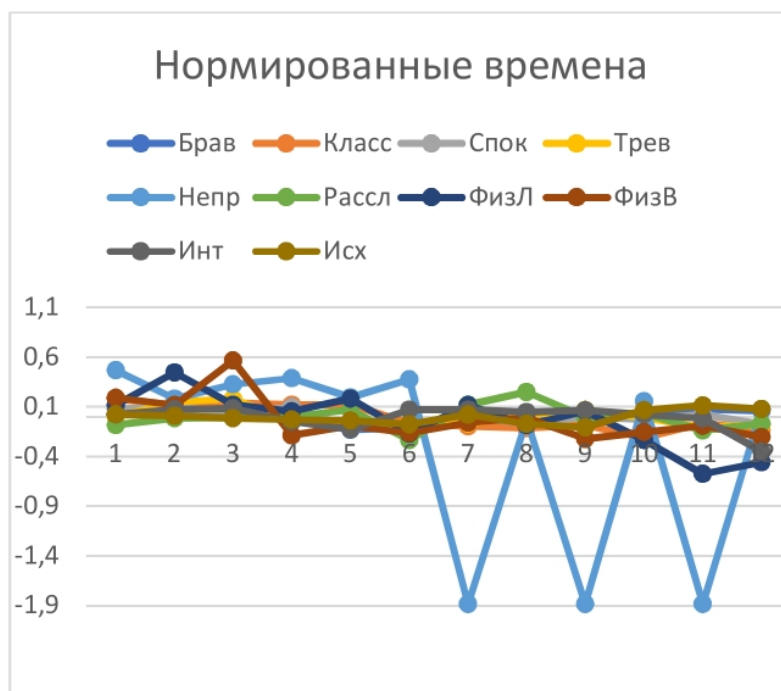
Разнонаправленные тренды без существенного разброса

Женщина, 18 лет, 11 класс общеобразовательной школы, тест проводился перед ЕГЭ (т.е. в ожидании важного, волнительного и неприятного события)

Отдельные типы воздействия (в данном примере музыка, классическая и тревожная) оказывают заметное влияние, субъективное время убыстрается, при этом прочие имеют небольшое воздействие противоположной направленности.

Выраженный тренд с разбросом

Женщина, 15 лет, учащаяся 9 класса элитного лицея, специального профиля в классе нет, учителя отметили выдающиеся способности

Выявленный тренд к замедлению субъективного времени во всех испытаниях, на который накладывается отложенный возмущающий эффект неприятных звуков. Неприятные звуки испытуемые прослушивали после физических и расслабляющих звуков природы (звуки леса, пение птиц и журчание ручья).

Результаты. При использовании наклона линии линейной регрессии в каждом испытании как критерия степени влияния внешнего воздействия на субъективное время получены следующие результаты

	Без	Физ Л	Физ В	Расслаб	Непр.	Спок	Бравур	Трев
Без	0							
Физ Л	88	0						
Физ В	28	38	0					
Расслаб	30	27	07	0				
Неприятн	50	44	10	62	0			
Спокойн	05	05	00	60	21	0		
Бравур	58	52	16	66	00	29	0	
Класс	94	86	44	48	71	22	74	0
Трев	29	26	06	92	67	48	71	51
Инт.Нагр	32	44	90	08	11	01	19	48

Рис. 3. Вероятность отсутствия различий изменения субъективного времени при попарном сравнении воздействий (вся выборка). Значимые различия выделены более ярко.

Легкие физические нагрузки практически не оказывают влияния на субъективное время.

Среди значимых воздействий явно выделяется спокойная музыка, имеющая наибольшее количество достоверных отличий от других воздействий. То есть спокойная музыка достоверно оказывает влияние на течение субъективного времени. Интересным результатом является факт, что влияние на течение субъективного времени оказывает именно спокойная музыка, а не расслабляющие звуки пения птиц и журчания ручья, хотя

именно эти записи используются и рекомендуются практическими психологами для релаксации. Существенное влияние на течение субъективного времени также оказывают неприятные звуки, бравурная музыка и тревожная музыка. Слабое влияние на субъективное время оказывают физические нагрузки и практически никакого влияния не оказывают когнитивные нагрузки.

Сравнение групп. В эксперименте участвовали примерно по 10 человек из одного класса, поэтому можно сравнить разные группы – общеобразовательные школы, элитные и музыкальные колледжи. Интерес представляет матрица взаимных отличий разных групп, в которой принципиально выделяется группа школьников из общеобразовательных классов, которая достоверно отличается ($p < 0,05$) от остальных. Подобное отличие указанной группы от остальных наблюдается и в других показателях субъективного времени (например, его неравномерности с достоверностью $p < 0,05$)

Выводы. Проведенный эксперимент показывает, что для некоторых типов воздействия, а именно – спокойная музыка, бравурная и тревожная музыка, неприятные звуки - наблюдается статистически достоверные изменения субъективного времени. При этом у разных испытуемых изменения фиксируются в разной направленности – замедление или ускорение субъективного времени. Для выявления закономерностей течения субъективного времени индивидуального характера проведен дополнительный анализ полученных данных.

Эмоциональные, физические и интеллектуальные нагрузки в разной степени отражаются на течении субъективного времени. Для

эмоционального воздействия музыкальные отрывки оказались гораздо более эффективны, чем аудиозаписи звуков природы.

У мужчин и женщин субъективное время одинаково реагирует на когнитивные, эмоциональные и физические нагрузки.

Проведенный эксперимент является первым обширным исследованием, которое стало возможным благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Тем не менее, разработчики нового направления темпометрии сознают, что данное исследование, несмотря на полученные значимые результаты, показало необходимость дальнейших исследований, которые необходимо провести для понимания сути феномена субъективного времени. В проведенном эксперименте сначала осуществлялось воздействие, а потом проводилось измерение субъективного времени, т.е. исследовалось влияние прошлого на настоящее. Не менее интересным является влияние будущего на настоящее, т.е. влияние предстоящих, ожидаемых событий, волнений на течение субъективного времени.

ИССЛЕДОВАНИЕ НА ЧАСТИ ВЫБОРКИ

Существуют ли собственные и наведенные изменения в субъективных временах. Какие изменения в субъективных временах будут установлены в ходе отмеривания внутри каждого отдельного теста и в серии из 10 тестов? Будет ли серия тестов воспринята как один целый тест или набор равноценных тестов? Можно ли всю серию тестов рассматривать как одно целое задание и проверить гипотезу об ускорении хода субъективного времени от одного теста к другому по мере выполнения тестов?

Какие кратковременные изменения в субъективных временах будут установлены непосредственно после прослушивания различных

музыкальных клипов? Если такие возможные кратковременные наведенные музыкой изменения в субъективных временах в каждом отдельном тесте будут обнаружены – то будут ли создавать другие изменения во всей серии тестов?

Какие будут суммарные изменения в группе? Какова будет динамика средних показателей в группе?

Каковы будут изменения субъективно равных интервалов внутри каждого теста и между тестами?

По мере выполнения заданий в серии из 10 тестов происходит сокращение или увеличение длительностей продуцируемых интервалов. При том, что испытуемые сознательно отмеривают субъективно равные интервалы. Попробуем рассмотреть возможные изменения длительностей как внутри выполнения каждого отдельного задания, так и по мере выполнения заданий от 1 по 10.

Представляют интерес агрегированные показатели по достаточно репрезентативной выборке, показывающие характерные изменения в длительностях отмеренных интервалов.

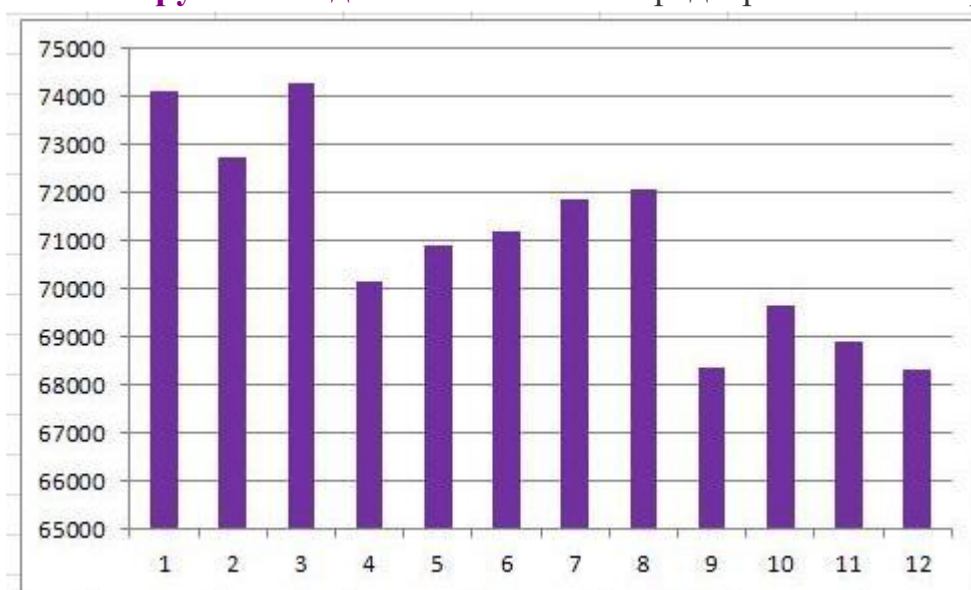
Сформируем подвыборку данных с относительно большими размерами интервалов. Выберем пороговое значение среднего интервала 1000 мсек. После прореживания фильтром в 1000 мсек результаты таковы:

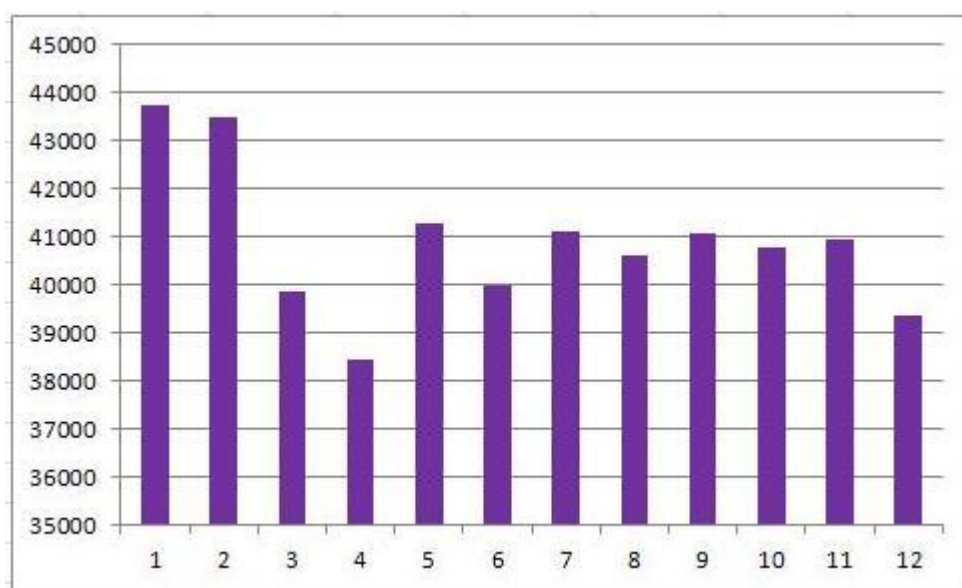
По горизонтальной оси - последовательность 120 интервалов в 10 тестах. Интервалы более 1000 мсек.

На групповой темпограмме видно, что во всех тестах, кроме 8-го, выявлено снижение групповых длительностей по мере отмеривания 12-ти субъективно равных интервалов. В последовательностях длительностей отмеренных 12 интервалов обнаружена понижающаяся тенденция по мере отмеривания.

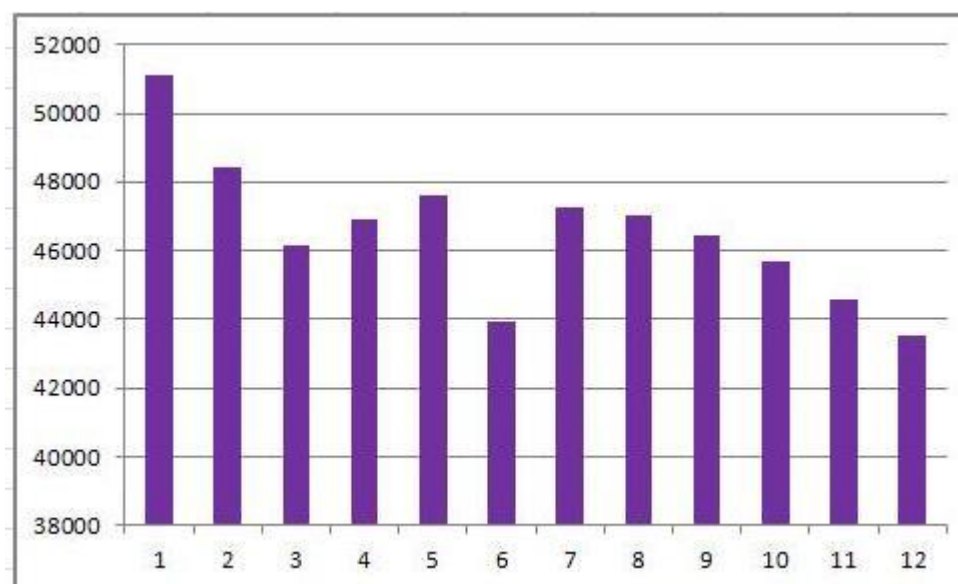
Подробнее в диаграммах по каждому тесту с 1 по 10 крупным планом:
Тест 1 - **групповые длительности** без предварительной нагрузки:

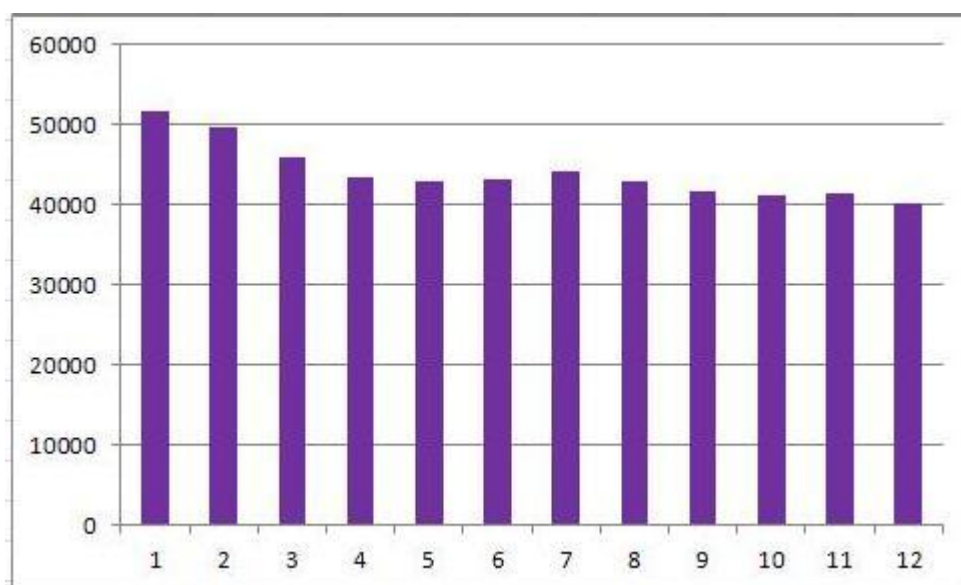
Тест 2 - **групповые длительности** после легкой физической нагрузки:

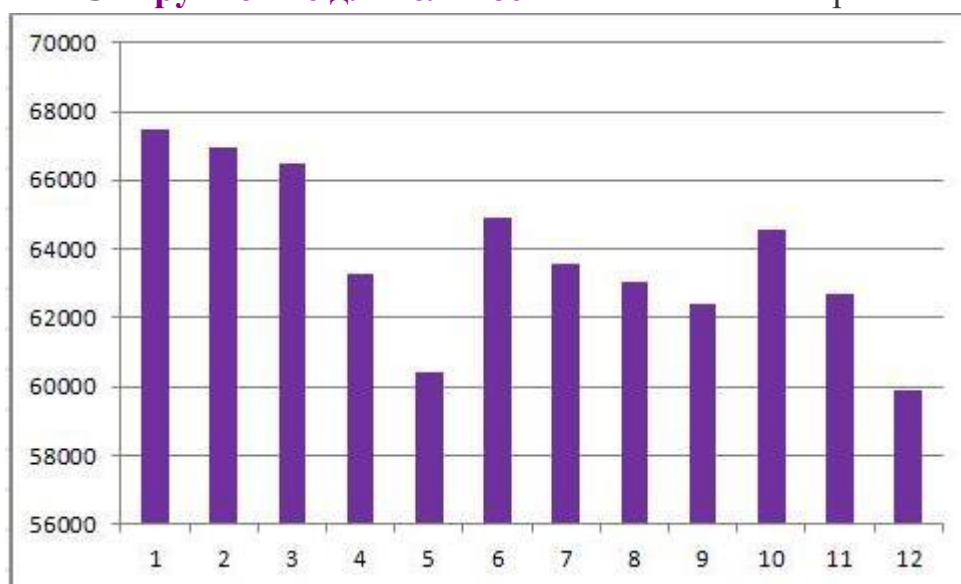
Тест 3 - **групповые длительности** после сильной физической нагрузки:

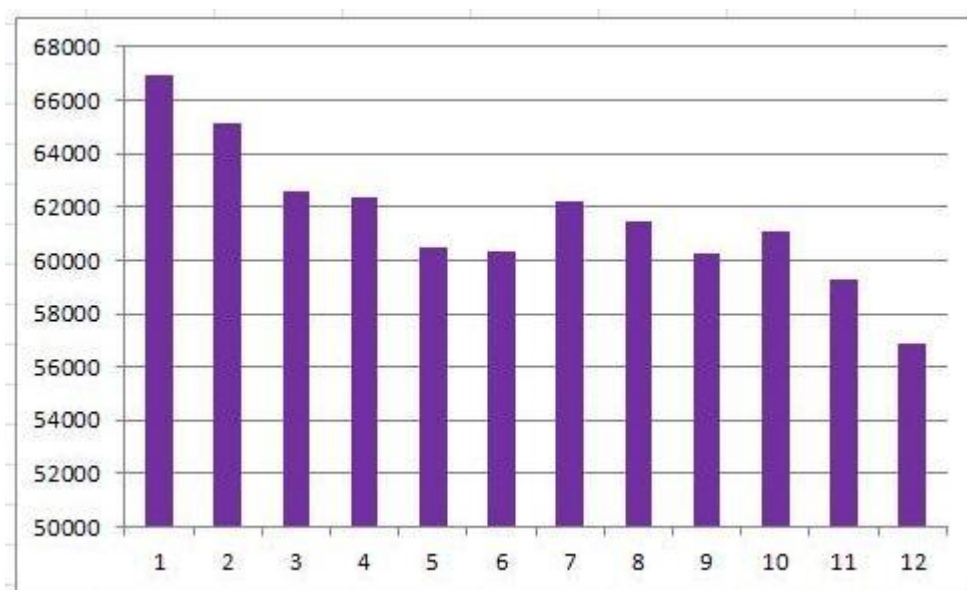
Тест 4 - **групповые длительности** после клипа расслабляющей музыки:

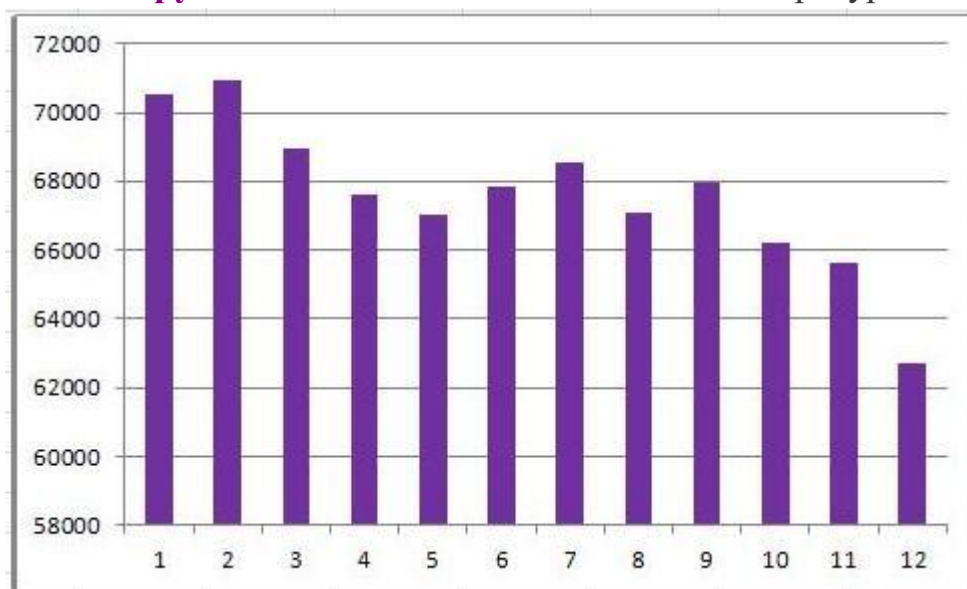
Тест 5 - **групповые длительности** после клипа неприятной музыки:

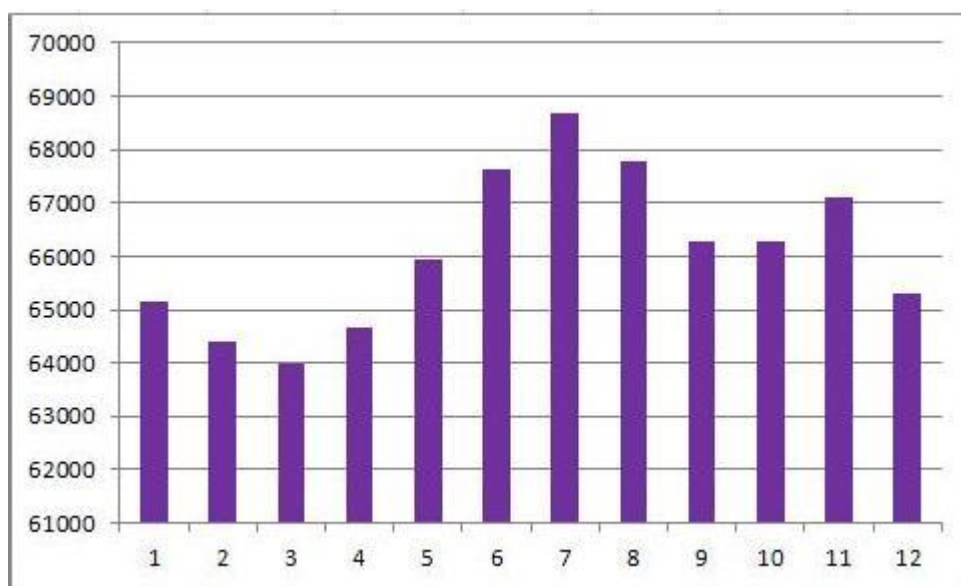
Тест 6 - **групповые длительности** после клипа спокойной музыки:

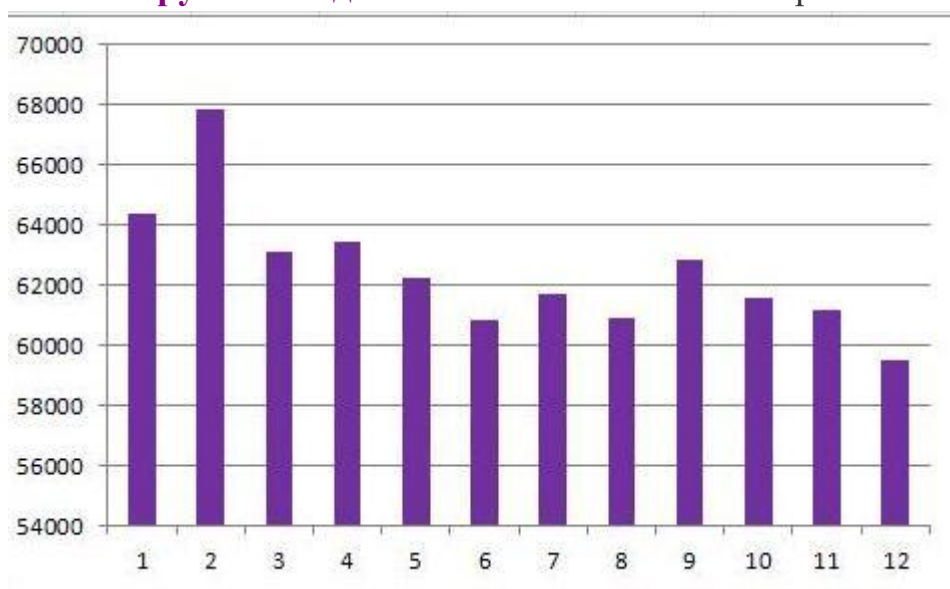
Тест 7 - **групповые длительности** после клипа бравурной музыки:

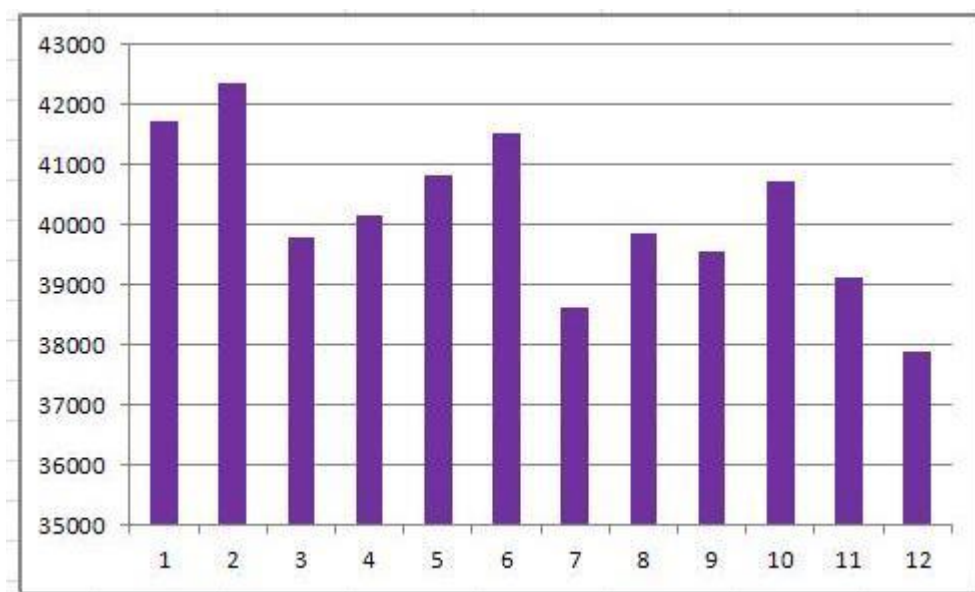
Тест 8 - **групповые длительности** после клипа классической музыки:

Тест 9 - **групповые длительности** после клипа тревожной музыки:

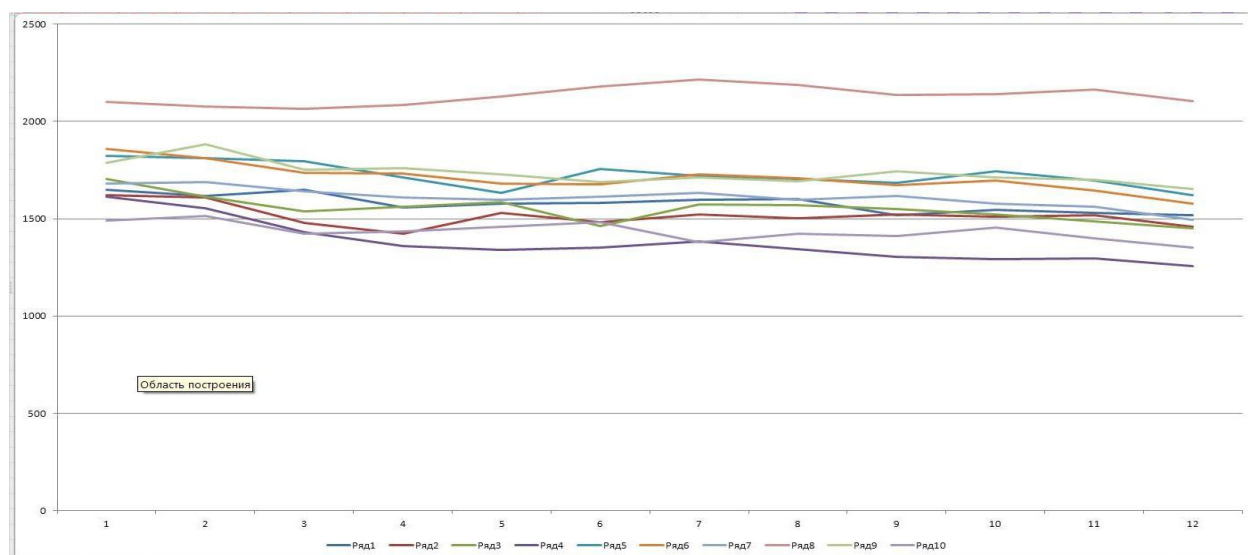

Тест 10 - **групповые длительности** после математического упражнения:

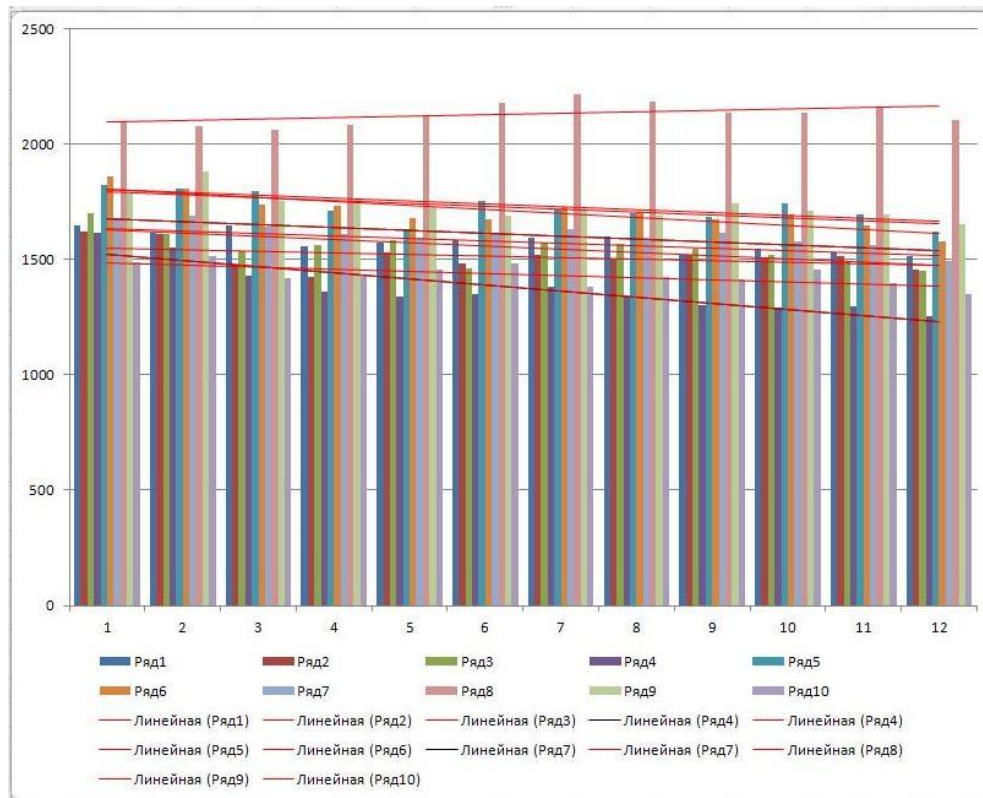
Длительность музыкальных клипов - 30 секунд. Каждый клип несет по меньшей мере две основные индукции (наведения) - эмоциональную и темповую, влияет на эмоциональный настрой и навязывает темп клипа.

После выведения, через деление суммарных длительностей на число испытаний по каждому интервалу во всех тестах, получены средние значения. Представлены на 10 графиках, девять из которых образуют пологую наклонную полосу изменений:

По горизонтальной оси - последовательность 12 интервалов, по вертикальной - средние значения отмеренных длительностей в тестах с 1

по 10. здесь слова "ряд" и "тест" равнозначны, и нумерация рядов соответствует нумерации тестов. Выделяются из общего коридора длительностей лишь длительности в 8 тесте. Коридор - полоса в диапазоне от 1250 до 1800 мсек. Общий коридор девяти тестов, что визуально можно видеть на графиках, имеет понижающую тенденцию по мере отмеривания интервалов. Наблюдаемая укорачивающаяся тенденция имеет математическое подтверждение и в ее графическом отображении имеет вид:

В 9 тестах из 10 субъективное время медленно ускоряется, что равнозначно увеличению частоты времени.

Почему у очень преобладающего большинства испытуемых обнаруживается тенденция ускорения субъективного времени и лишь в единичных случаях обратная?

Условия замеров: в школьном классе в начале школьного урока. Квазипотребность исполнять задание преподавателя. С одной стороны, испытуемые не видят большого смысла в тестах, так как не могут оценить их пользу для себя. Они просто откликаются на просьбу преподавателя в своем подчинённом положении. Неизвестно, как испытуемыми оценивается временная перспектива на время тестов. Возможно, что у

большинства время на тесты в их временной перспективе на ближайший учебный час оценивается как потерянное, как вынужденное одолжение преподавателю. В участии в данных тестах присутствует амбивалентность эмоций, как слабый конфликт, так как есть и вторая сторона. Вызванные предстоящими сейчас тестами эмоции – смешанные, слабые и ближе нейтральным с отрицательным знаком. С другой стороны, рефлекс цели, рефлекс подражания вносят свой вклад в течения субъективных времен. Доведение до завершения действия (акта деятельности) само по себе есть источник если не удовольствия, то по крайней мере, удовлетворения. По мере приближения к завершению появляется положительная эмоция. Это и определяет общую картину увеличения частоты субъективных времен в каждом отдельном тесте, кроме восьмого теста. Однако не обнаружена ожидаемая тенденция увеличения частоты от теста к тесту. Вес вызванных слабых эмоций минимален. У большинства испытуемых темп субъективных времен был наведен и изменен с поправкой сообразно знаку эмоций. Из всей выборки лишь у единичных испытуемых тесты вызвали интерес и эмоции другого знака, что привело к замедлению субъективных времен.

Как влияет темп музыкальных клипов на длительности продуцируемых интервалов? Если влияет. Музыкальных клипов всего 6: клип расслабляющей музыки, клип неприятной музыки, клип спокойной музыки, клип бравурной музыки, клип классической музыки, клип тревожной музыки.

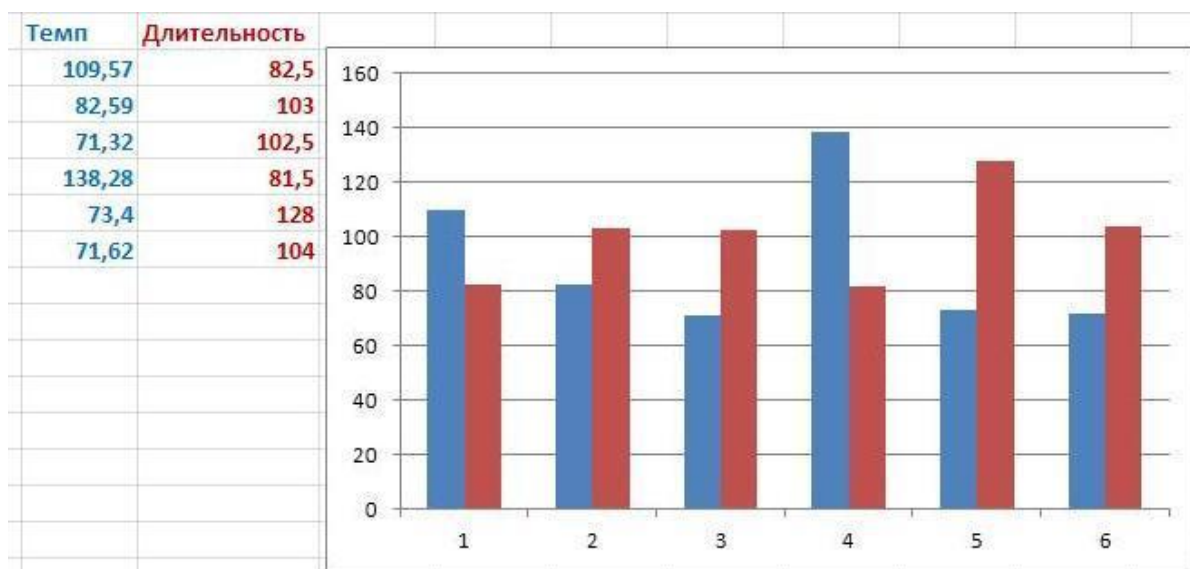
Если воспользоваться определителем темпа в клипах на <http://www.mixxx.org/>, то выстроится такая последовательность темпов:

1. 109.57 bpm - клип расслабляющей музыки,
2. 82.59 bpm - клип неприятной музыки,
3. 71.32 bpm - клип спокойной музыки,

4. 138.28 bpm клип бравурной музыки,
5. 73.40 - клип классической музыки,
6. 71.62 bpm - клип тревожной музыки.

Как соотносятся последовательности темпов и длительности продуцируемых интервалов после прослушивания этих клипов? Последовательности такие: 16522 мсек, 20695, 20527, 19309, 25586, 20819 мсек . Для наглядного представления данных и удобного сравнения необходимо их сблизить на одном масштабе, но не нарушая соотношений внутри последовательностей. Для этого достаточно поделить на 200 цифры в последовательности длительностей и тогда последовательность примет вид, удобный для сравнения: **82.5, 103, 102.5, 81.5, 128, 104.**

Музыкальных клипов всего 6: клип расслабляющей музыки, клип неприятной музыки, клип спокойной музыки, клип бравурной музыки, клип классической музыки, клип тревожной музыки.

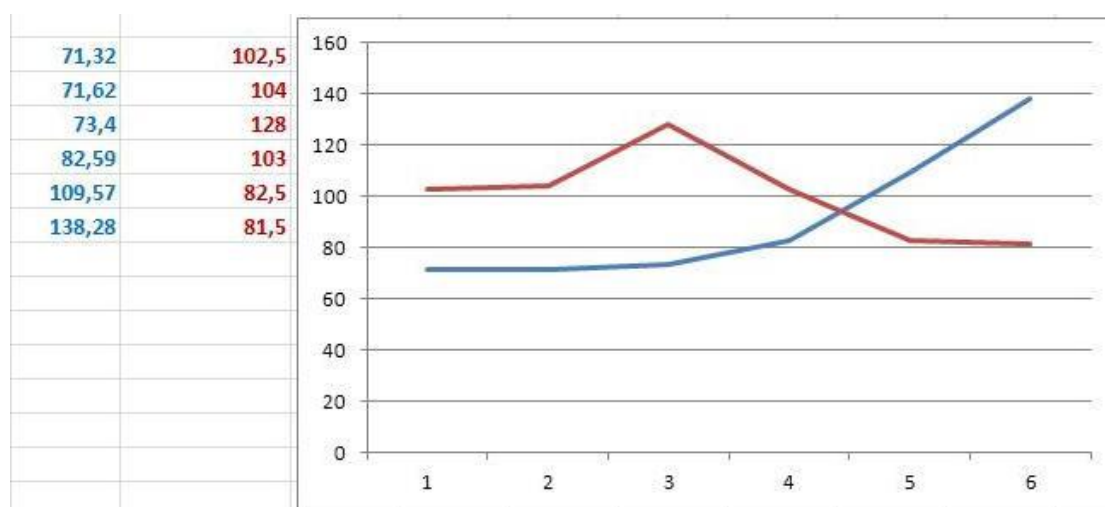

Какой же аспект или фактов в музыкальных клипах оказывает более существенное влияние на динамику изменений в течение субъективных времен в данных тестах? Если провести попарное сравнение почти равных

темпов спокойной 71,32 bpm и тревожной 71.62 bpm музыки и длительности отмеренных интервалов после этих клипов 102,5 и 104 соответственно, то напрашивается прямая зависимость. Таков результат наведения. Другие попарные сравнения не позволяют сделать такой же вывод.

Поскольку имеются данные замеров лишь одной последовательности шести музыкальных клипов, существует ограничение на число гипотез.

Гипотеза о прямом влиянии музыкальных клипов на течение субъективного времени. Для проверки гипотезы о прямом влиянии темпа 30-ти секундного музыкального клипа на последующие длительности продуцируемых интервалов располагаем члены последовательности в порядке возрастания. Сопоставляем этому ряду последовательность длительностей. Получаем отрицательный результат, который виден на графике, где влияние в самом общем виде - обратное:

Поскольку в музыкальных клипах в первом приближении выделяются эмоциональный компонент и компонент темпа в клипе, остается признать влияние эмоционального компонента. Это несмотря на то, что о каком-либо могучем воздействии эмоционального компонента говорить не приходится из-за скоротечности клипов. Эмоции, вызванные

клипами, слабые и ближе к нейтральным, здесь со стороны положительных, со знаком "+".

Диалектический метод С.Л. Рубинштейна в психологии неминуемо выводит на третий компонент - взаимное влияние эмоционального отклика и компонента темпа в музыкальных клипах на течение субъективных времен. Как нет пустого пространства, также нет и пустого времени. Скрытая содержательная сторона наполнения интервалов, спровоцированная музыкальными клипами, определяла диапазон объективных разностей кажущихся равных интервалов. Какое существенное свойство музыкальных клипов оказывало при этом существенное влияние - вопрос открытый. Полученные результаты полезны для сравнения и дискуссии с авторами С. Друа-Вуле, Данило Рамос (Droit-Volet, D. Ramos, J. Bueno, E. Bigand 2013). Их исследование показало, что решающим фактором, создающим временные искажения, был темп музыки. В результате эмоциональный эффект музыки неотъемлемо связан с временной динамикой музыки, т. е. с ее музыкальным темпом.

Предположение о связи темпа музыки с темпом субъективного времени человека может быть проверено с помощью основного метода темпометрии РАЕТИ. Однако, для такой проверки необходимо поставить новый эксперимент.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СЕРИИ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

1. Выявлено, что из эмоциональных воздействий именно спокойная музыка достоверно оказывает влияние на течение субъективного времени. Интересным результатом является факт, что влияние на течение субъективного времени оказывает именно спокойная музыка, а не

расслабляющие звуки пения птиц и журчания ручья, хотя именно эти записи используются и рекомендуются практическими психологами для релаксации.

2. У мужчин и женщин субъективное время одинаково реагирует на когнитивные, эмоциональные и физические нагрузки, т е субъективное не зависит от пола. Тем не менее половые различия замечены на всей выборке - в целом у женщин во время единичного теста интервалы увеличиваются, а у мужчин такой тенденции нет.

3. Выявлена связь темпа музыки как воздействующего на субъективное время фактора и течения субъективного времени человека

4. Обнаружены закономерности темпограмм у испытуемых, выбравших более длительные интервалы.

5. Выявлена связь темпа музыки как воздействующего на субъективное время фактора и течения субъективного времени человека

Помимо изучения субъективного времени человека нами начато исследование феномена группового времени. Несмотря на сходство некоторых из феноменов индивидуальной и социальной психологии времени (например, временная ориентация, временная перспектива), в основе их формирования лежат разные психологические механизмы.

ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ГРУППЕ

Значение временного измерения для понимания процессов совместной деятельности наиболее последовательно и активно отстаивает Дж. Маграт. За четверть века им и его коллегами были предложены несколько теорий групповых процессов, включающих организацию времени как один из основных факторов: типологию малых групп, в которой продолжительность их существования увязывается с внутригрупповыми процессами (McGrath, Kelly, 1986), теорию синхронизации циклов индивидуальной и групповой деятельности, систему временных показателей для наблюдения за

групповой динамикой теорию групп как сложноорганизованных и динамических систем. Согласование или рассогласование ритмов деятельности членов группы ведет к согласованию и рассогласованию восприятия и переживания времени в группе, что можно назвать когнитивным втягиванием, или когнитивной синхронизацией. Если организации удастся синхронизировать темп или ритм деятельности с внешними изменениями, она теряет меньше энергии, сокращает затраты. Напротив, если синхронизации не происходит, компания вынуждена изменяться быстрее, чем внешние ритмоводители, что приводит к потере производительности и снижению конкурентоспособности. Первоначальная синхронизация осуществляется легче, чем последующее подстраивание под другой ритмоводитель.

В последние годы анализ ритмов социального поведения все больше опирается на достижения в области естественных наук, прежде всего эндокринологии, нейронаук, хронобиологии он находит практическое применение в таких разных областях как экономика, организационная психология, математическое моделирование социальных процессов, урбанистика, психотерапия и

Социальное взаимодействие представляет собой иерархию циклов, которые могут синхронизироваться или десинхронизироваться по своим фазам. Примером такой синхронизации может служить межличностное общение. Первый его уровень – это неосознаваемые «паттерны» одновременности и следования, характеризующие микропериоды взаимодействия (от 3 до 20 минут): перебивание собеседниками друг друга, периоды молчания, последовательность реплик или их совпадение во времени, а также аналогичные циклы невербальной коммуникации.

Понимание того, как один биологический цикл «захватывается» другим и меняет под его влиянием свою частоту, является ключом к

пониманию функционирования любого живого организма. Развивая это положение применительно к психическим и социальным процессам, Дж. Маграт и Дж. Келли (McGrath J.E., Kelly J.R., 1986) пришли к выводу о том, что их основой является «втягивание», или синхронизация двух и более циклов. Когда изначально независимые друг от друга колебания в поведении индивидов и/или групп координируются по периоду и фазе, можно говорить о «социальной синхронизации».

Концепция социальной синхронизации основана на пяти ключевых предположениях. Во-первых, человеческое поведение на физиологическом, психологическом и межличностном уровнях носит временной характер и регулируется циклическими, колебательными или ритмическими процессами. Во-вторых, это внутренние ритмы, присущие самим жизненным процессам организма. В-третьих, наборы этих ритмов на уровне индивида оказывают взаимное влияние друг на друга и становятся синхронными по фазе, частоте и периодичности. В-четвертых, ритмы взаимодействующих друг с другом индивидов также влияют друг на друга, становятся все более согласованными. Наконец, в-пятых, циклы каждого индивида в отдельности, а также циклы совместной деятельности социальных групп и организаций находятся под влиянием внешних природных и социальных циклов, которые выполняют функцию «ритмоводителей». Так, например, в разговор вступают два индивида – А и Б. У каждого из них свое собственное положение в цикле отдых/активность, своя собственная привычная скорость речи, свои интересы, особое настроение и переживание времени (индивидуальные ритмы). Для того чтобы коммуникация была успешной, им необходимо согласовать свои ритмы, установить общие правила, которые будут регулировать ход беседы, т.е. неявные правила очередности реплик, максимальной длительности монологической речи и пауз и т.д.; эти нормы определяются также отношениями между А и Б – являются они

родственниками, друзьями, коллегами по работе, встречались ли они раньше и т.д. (происходит синхронизация индивидуальных ритмов). Результатом этого согласования является временной паттерн, или набор временных характеристик наблюдаемого совместного поведения. Предположим, происходит внешнее событие (ритмоводитель), которое нарушает установившуюся временную структуру беседы. Например, А и Б становятся свидетелями какого-либо события, произошедшего во время их беседы. Тема разговора меняется, и А оказывается в ней экспертом, поэтому меняется распределение длительности реплик (А говорит больше), вопросов и ответов (А больше отвечает), характер невербального поведения (Б больше смотрит на А) и т.д. Эта новая временная структура будет поддерживаться до окончания беседы, если А и Б не окажутся под влиянием какого-либо другого внешнего события. Однако, поскольку мы постоянно испытываем воздействие внешних событий, с точки зрения Дж. Маграта и Дж. Келли, наши циклы никогда не повторяются полностью, они всегда искажены. По этой же причине, согласно авторам, применительно к поведению человека в группе и организации следует говорить не о синхронизации, а о ресинхронизации, о восстановлении связи между циклами, играющем ключевую роль в поддержании стабильности нашего поведения и непрерывности нашего «Я»

Проведенные исследования субъективного времени показали продуктивность и возможность развития данного направления в психологии. Несмотря на проделанную работу и полученные значимые результаты авторы понимают, насколько перспективно и продуктивно для развития психологической науки продолжение исследований в русле психологической темпометрии.

Литература:

Абульханова К.А. Время личности и ее жизненного пути. Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. № 1. С. 165-200.

Вавакина Т.С., Позняков В.П., Тихомирова С.В. Изучение субъективного времени – темпометрия – естественнонаучный подход в экспериментальном исследовании / Ярославский психологический вестник. Вып. 3 (39). Ярославль, Изд-во ЯрГУ, 2017. С. 26-31.

Нестик Т. А. Социальная психология времени. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Нестик Т.А. Групповое отношение ко времени как социально-психологический феномен. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2015. №14. С.10-30.

Нестик Т.А. Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т.1. №4. С. 16-60.

Позняков В.П. Концепция психологических отношений человека: пространственный и временной аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 228-238.

Позняков В.П. Изучение феномена субъективного (психологического) времени и концепция психологических отношений. Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. №3. С. 27-31

Позняков В.П., Тихомирова С.В. Опыт экспериментального исследования субъективного времени человека / Психология XXI столетия. Сборник по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия» (Ярославль, 27 – 29 октября 2017) // Под ред. В.В.

Козлова. Ярославль, ЯрГУ, МАПН, 2017. 501 с. С. 398-399. РФФИ, грант 15-06-08249.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2002. Питер

Рубинштейн, С. Л. (2012) Человек и мир. СПб. : Питер. 224 с
Тихомирова С.В. Становление психологической темпометрии как нового научного направления в психологии. Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 177-186.

Тихомирова С.В., Позняков В. П. Естественнно-научный метод изучения субъективного времени в темпометрии / Актуальная психология. Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии. Материалы VI международной конференции. Ереван, 2017. С. 632-637.

.Didier Delignières, Loïc Lemoine, Kjerstin Torre "Time Intervals Production in Tapping and Oscillatory Motion" Hum Mov Sci. 2004;23:87103

S. Droit-Volet, D. Ramos, J. Bueno, E. Bigand «Music, emotion, and time perception: the influence of subjective emotional valence and arousal?», 2013

Masashi Yamada, Noboru Masuda and Hiromi Hashimoto Equal Interval Tapping Synchronized with Metronome Ticking or Light Blinking, 2004

McGrath J.E., Kelly J.R. Time and human interaction. Toward a socialpsychology of time. N.Y.-L., 1986.

THE STUDY OF SUBJECTIVE TIME IN THE PARADIGM OF PSYCHOLOGICAL TEMPOMETRY

S.V.Tikhomirova, V.P.Posnyakov, T.S.Vavakina, T.A.Nestik

Abstract: Psychological tempometry is a new direction in psychology. The natural-scientific approach to the study of subjective time is first used in domestic psychology. A qualitatively new solution is the transition from studying the perception of time to actually studying the phenomenon of subjective time. The most important theoretical propositions of S.L. Rubinshtein, which are developed in psychological tempometry, are the concept of a vector with respect to subjective times, the problem of "fluid dialectics of time determinations", the concept of time-line voltage, the law of filled time intervals, the coordinate system of units of measurements of subjective time, a natural starting point, which is the present moment. The authors proposed a theoretical model of human subjective times on the basis of the natural-scientific approach. A free man is doomed to make an unconscious, intuitive or conscious choice also amongst time directions. From this it follows that the subjective time is not one, but several directions, while one of the times at each moment is dominant.

Keywords: tempometry; subjective time; natural-science approach; S. L. Rubinshtein; perception of time